

PATTERSON

ПАТТЕРСОН

ИГРА В ПРЯТКИ

Внимание!
Не читайте
«Игру в прятки»
позднее вечером,
когда вы должны спать.
Мичел Паттерсон расскажет
вам историю НАСТОЯЩЕЙ ШКАС!

The International Bestseller

Дело об убийстве, за которым следит ВЕСЬ МИР!

И не только потому, что убит знаменитый спортсмен, а главная подозреваемая, его жена, — одна из ВЕЛИЧАЙШИХ ПОП-ЗВЕЗД планеты.

Прежде всего — потому, что первый ее муж погиб от ее руки, а обстоятельства смерти второго многим показались ОЧЕНЬ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫМИ...

Доказательств не было и нет.

Есть только ЗАГАДОЧНЫЕ СОВПАДЕНИЯ.

И их — ВСЕ БОЛЬШЕ...

- [Джеймс Паттерсон](#)

- [Пролог](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)

- [Книга первая](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Книга вторая](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)

- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Книга третья](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
- [Книга четвертая](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)

- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Глава 85](#)
- [Глава 86](#)
- [Книга пятая](#)
 - [Глава 87](#)
 - [Глава 88](#)
 - [Глава 84](#)
 - [Глава 90](#)
 - [Глава 91](#)
 - [Глава 92](#)
 - [Глава 93](#)
 - [Глава 94](#)
 - [Глава 75](#)
 - [Глава 96](#)
 - [Глава 97](#)
 - [Глава 98](#)
 - [Глава 99](#)
 - [Глава 100](#)
 - [Глава 101](#)
 - [Глава 102](#)
 - [Глава 103](#)
 - [Глава 104](#)
 - [Глава 105](#)
 - [Глава 106](#)
 - [Глава 107](#)
 - [Глава 108](#)
 - [Глава 109](#)
 - [Глава 110](#)
 - [Глава 111](#)
 - [Глава 112](#)
 - [Глава 113](#)
- [Книга шестая](#)
 - [Глава 114](#)
 - [Глава 115](#)
 - [Глава 116](#)
 - [Глава 117](#)
 - [Глава 118](#)

- [Глава 117](#)
 - [Глава 120](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Глава 121](#)
 - [Глава 122](#)
 - [Глава 123](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Джеймс Паттерсон
Игра в прятки

Я неподвижно лежала в узком и низком пространстве под передней верандой нашего дома неподалеку от Вест-Пойнта. Мое лицо вжималось в холодную, промерзшую землю, покрытую сухими листьями и колючими веточками ежевики. Я знала, что скоро умру и вместе со мной умрет моя малышка. В голове крутились слова из песни «Кросби, Стилс, Нэш и Янг»:

Наш дом большой и очень, очень, очень красивый...

— Не плачь, пожалуйста, не плачь, — шептала я на ушко дочурке.

Выхода не было. По крайней мере с ребенком об этом не стоило и думать. Я прикинула все возможные варианты бегства, однако ни один из них не годился.

Я знала, что Филипп убьет нас, как только отыщет наше убежище, и не могла позволить ему сделать это. Но как помешать?

Одной ладонью я легонько прикрывала рот Дженни.

— Только не плачь, милая. Только не подавай голоса. Я люблю тебя, но ты должна молчать.

Я слышала, как Филипп носится по дому. По нашему дому. Он перебегал с этажа на этаж, врывался в комнаты, переворачивал мебель. Злой. Беспощадный. Словно обезумевший. Таким он не был еще никогда. Виноват кокаин, но в первую очередь — жизнь, управляться с которой Филипп так и не научился.

— Ну же, Мэгги, выходи, выходи. Мэгги, где бы ты ни была, выходи. Мэгги, Дженни... это же я, папочка. Папочка все равно вас найдет. — Он орал и орал, пока не охрип. — Ну же, Мэгги, выходи. Игра окончена. Мэгги! Я приказываю тебе! Выходи, черт возьми! Вылезай! Где ты прячешься, сучка поганая?

Лежа под прогибающимся полом веранды, я дрожала от холода и страха так, что стучали зубы.

Этого не может быть. Просто не может быть.

Я прижимала к себе малышку, которая уже обмочила трусики.

— Только не плачь, Дженни. Ты не должна плакать. Пожалуйста, не плачь. Такая хорошая девочка. Я тебя очень люблю.

Дженни послушно кивала и смотрела мне в глаза. Как бы мне хотелось, чтобы это был сон, кошмар. Чтобы все поскорее закончилось.

Только это был не сон. Такая же жуткая реальность, как и сердечный приступ, настигший мою мать, когда мне едва исполнилось тринадцать и дома, кроме меня, никого не оказалось. Впрочем, нет, еще хуже.

Я слышала, как муж, мой муж, с грохотом и криками поднимается и сбегает по лестницам. Крики не прекращались уже целый час. И еще он колотил кулаком по стенам.

Капитан Филипп Брэдфорд. Преподаватель математики в Военной академии. Офицер и джентльмен.

Таким его считали все. Таким его хотели считать все. Таким хотела считать его и я.

За одним часом потянулся второй.

Затем третий. В крошечной темноте, в холодном, стылом закутке, в настоящем аду.

Небеса сжалились над Дженни, и она наконец уснула. Я прижала ее к груди, стараясь согреть теплом своего тела. Мне и самой хотелось уснуть, сдаться, прекратить эту схватку, но я знала, что не должна отступать. Наступила ночь. Магическое время для моего мужа. Может быть, три, может, четыре часа.

Дверь над моей головой громыхнула, будто удар грома. Пол веранды прогнулся под тяжелыми шагами.

Дженни проснулась.

— Ш-ш-ш... — прошептала я, — ш-ш-ш...

— Мэгги! Я знаю, что ты здесь! Знаю! Я не дурак. Тебе меня не провести. И бежать тебе тоже некуда.

— Папочка... Папочка! — вскрикнула Дженни, как делала всегда, просыпаясь в теплой постельке.

— Ку-ку! Вот вы где! Дженни и Мэгги. Две мои девочки! — восторженно запел Филипп.

Голос его звучал хрипло, почти неузнаваемо. Я не могла поверить, что этот сумасшедший, этот безумец — мой муж. Как такое могло случиться?

Над головой прозвучали два оглушительных выстрела. Он стрелял в нас. Хотел убить Дженни или меня. Или, может быть, нас обеих. Дочь и жену.

Но только на сей раз я припасла для Филиппа сюрприз.

Ку-ку? Получи!

Я выстрелила в ответ.

Иногда мне кажется, что на мою одежду нашили страшную алую букву. Только в моем случае буква "У" означает «убийца». Я знаю, что чувство это останется со мной навсегда, что мне никогда не изжить его полностью. И это так несправедливо. Несправедливо, бесчеловечно и непристойно.

Воспоминания разрозненны и хаотичны, но к концу они становятся настолько яркими и ужасающими, что навечно отпечатываются в мозгу.

Я расскажу обо всем, не пощадив никого, в первую очередь саму себя. Я знаю, что вы хотите услышать. Да, это «большая новость». Уж кому, как не мне, знать, что значит стать «новостью», «попасть в историю». А вы себе это представляете? Вы можете понять, как чувствует себя человек, имя которого набрано крупным черным шрифтом, человек, о котором все читают, человек, о котором у каждого свое мнение?

Местные газеты в Ньюберге, Корнуолле, Миддлтауне отозвались о том, первом, случае как о самой страшной «семейной трагедии» в истории Вест-Пойнта. В то время мне казалось, что все произошло с кем-то другим. Не с Дженни и не со мной, даже не с Филиппом, хотя уж он-то получил по заслугам.

Однако двенадцать лет спустя, после того как те события отступили в туман прошлого и даже мои собственные эмоции утратили четкость и глубину, второе убийство заставило меня вспомнить Вест-Пойнт во всех его страшных подробностях.

Снова и снова пытаюсь я ответить на вопросы, бьющиеся в моей голове.

Неужели я убийца?

Неужели я убила не одного, а двух мужей?

Я не знаю ответа. Не знаю! Пусть кому-то это покажется странным или подозрительным, но это действительно так.

Здесь становится ужасно холодно — порой почти так же холодно, как было тогда, накануне того Рождества, когда погиб Филипп. Мне ничего не остается, только сидеть в тюремной камере, дожидаясь начала суда.

Я решила написать обо всем, изложить произошедшее со мной на бумаге. Я делаю это в первую очередь для себя, но также и для вас. В моем рассказе будет все.

Читайте и решайте. Ведь система работает именно так, верно? Вы — мое жюри присяжных.

И конечно же, я вам доверяю. Я такая доверчивая. Возможно, именно потому я здесь и нахожусь.

Книга первая
Под несчастливой звездой

Начало зимы, 1984 год

Снова снег. Еще один рождественский сезон. После смерти — или, как сказали бы некоторые, убийства — Филиппа прошел почти год.

Я сидела на заднем сиденье желтого такси, неуверенно пробирающегося по грязным от превратившегося в мерзкую кашу снега улицам Нью-Йорка, и изо всех сил старалась думать о чем-то спокойном. Только, казалось, ничего спокойного в этом мире уже не осталось. Я обещала себе, что не буду бояться, но мне было очень страшно.

За мокрым, исчерченным кривыми полосами окном несчастными выглядели даже Санта-Клаусы Армии спасения. Ни один пребывающий в здравом рассудке человек не отправился бы в такую погоду прогуляться пешком, а тот, кто все же осмелился бы сделать это, не вынул бы руку из кармана, чтобы пожертвовать четвертак.

Полицейские-регулирующие напоминали заблудившихся снежных людей. Даже голуби исчезли с подоконников и крыш.

Я взглянула на собственное отражение в оконном стекле. Длинные светлые волосы, вьющиеся так, как им больше нравится. Пожалуй, лучшее из того, что у меня есть. Веснушки, скрыть которые не способно никакое количество тональной крем-пудры. Нос, не вполне соответствующий прочим пропорциям лица. Карие глаза, в которых еще тлеют полузабытые искорки. Маленький рот и полноватые губы, созданные, как шутил в хорошие дни Филипп, для любовных игр.

Мысль о бывшем муже заставила меня содрогнуться. Страшно подумать, что я когда-то могла заниматься с ним сексом.

Да, после того ужасного случая со стрельбой в Вест-Пойнте минул год. Я приходила в себя медленно, как физически, так и душевно, и процесс выздоровления еще не завершился. По-прежнему болела нога, да и мозг функционировал без той четкости и ясности, которыми я когда-то гордилась. Порой меня пугали даже безобидные звуки, в ночных улицах мерещилась несуществующая опасность. Прежде я всегда умела контролировать свои чувства — теперь же могла расплакаться без видимой причины, рассердиться на соседку за проявленную ею доброту. Я подозревала друзей и сторонилась незнакомцев. Временами я ненавидела саму себя!

Разумеется, полиция провела расследование, но до суда дело не дошло. Возможно, если бы Дженни не была так жестоко избита, если бы речь шла только обо мне, то ни раненая нога, ни окровавленные волосы не помешали бы мне отправиться в тюрьму уже в тот, первый, раз. Убедительность доводов в пользу самозащиты подкрепил только тот факт, что пострадала трехлетняя девочка.

Ни один прокурор не пожелал выступить в роли обвинителя, и Военная академия с радостью дала согласие уладить все без лишнего шума.

Офицеры — и это общеизвестный факт — не бьют своих жен и дочерей. Вообще-то в Вест-Пойнте жены и дочери как бы и не существуют. Мы всего лишь декорация.

В итоге мы сели на самолет и отправились в Нью-Йорк, где я сняла квартиру с двумя спальнями, расположенную на втором этаже унылого здания из бурого песчаника на Западной Семьдесят пятой улице. Мы подыскали для Дженни детский сад, и жизнь потихоньку струнулась с места.

Но я не нашла то, что искала, то, чего желала больше всего: начала новой жизни и конца боли.

Мне было двадцать пять лет. На мне пылала буква "У". Я отняла жизнь у другого человека,

хотя и сделала это, защищая себя и ребенка.

Без мужества нет славы, постоянно говорила я себе. И действительно, в те дни меня поддерживало только мужество. У меня была мечта: продержаться больше дюжины лет.

Может быть, новая жизнь начнется уже сегодня. Но то ли я делаю? Готова ли к тому, что задумала? Или, возможно, совершаю ужасную ошибку и только поставлю себя в неловкое положение?

Я сжала ручку лежащего на коленях кейса, набитого сочиненными за последний год песнями. Песни, музыка и слова, были для меня способом избавления от боли и выражения надежды на будущее.

Вообще-то я сочиняла их то ли с десяти, то ли с одиннадцати лет. Чаще всего они так и оставались в голове, но иногда я переносила свои сочинения на бумагу. Песни были тем единственным во мне, что нравилось всем, единственным, что у меня хорошо получалось.

Были ли они действительно хороши? Мне казалось, что да, но единственными моими слушателями были Дженни и белка по кличке Смуч; при всей открытости к похвалам я не могла положиться на мнение четырехлетней девочки и грызуна.

Впрочем, скоро мои песни услышит кое-кто еще. Я ехала на прослушивание к Барри Кану, тому самому Барри Кану, певцу и композитору, который покорила Америку десять лет назад, а теперь стал одним из самых успешных и влиятельных продюсеров в мире звукозаписи.

Барри Кан пожелал услышать мои песни.

По крайней мере так он сказал.

Я буквально окаменела.

А потом стало еще хуже.

— Вы опоздали, — сказал Барри Кан. Таковы были его первые обращенные ко мне слова. — Я работаю, и у меня очень напряженный график.

— Это из-за снега, — попыталась объяснить я. — Сначала я целую вечность искала такси, а потом нас все равно заносило. Я, наверное, разнервничалась и попросила водителя ехать быстрее, но он поехал еще медленнее, и...

«Боже, — подумала я. — Что ты несешь! Щебечешь, как попугай. Соберись. Возьми себя в руки, Мэгги. Ну же!»

Мои слова совершенно его не тронули. На лице не дрогнул ни один мускул. Похоже, я нарвалась на настоящего ублюдка.

— Вам следовало выехать пораньше. У меня нет свободного времени. Я все планирую заранее. Вам нужно делать то же самое. Будете кофе?

Столь неожиданное проявление вежливости застигло меня врасплох.

— Да, пожалуйста.

Кан звонком вызвал секретаршу.

— Со сливками и сахаром?

Я кивнула. На пороге возникла секретарша.

— Кофе для миссис Брэдфорд, Линн. Что-нибудь еще? Кекс?

Я покачала головой.

— Мне ничего, — добавил Кан с характерной хрипотцой, отличавшей его пение.

Отпустив секретаршу легким взмахом руки, Кан сел за стол и закрыл глаза с видом человека, впереди у которого целая вечность.

«Кем он себя считает, этот парень?» — подумала я.

На вид ему было лет сорок с небольшим. Высокий, с зальсынами, лоб, длинный нос, тонкие губы и едва пробивающаяся щетина на подбородке. Самое обычное, ничем не примечательное лицо (поклонников, тех, которые находят его сексуальным, привлекает душа, а не внешность), но морщины на нем предполагают борьбу, а спокойствие — уравновешенность и самообладание. Одет он при первой нашей встрече был довольно небрежно: серые фланелевые слаксы и голубая рубашка с расстегнутым воротником, очевидно, дорогая, но заношенная. Барри Кан выглядел милым и безобидным.

Не женат, решила я, и живет один. С деталями у меня полный порядок. Я всегда обращаю внимание на мелочи, особенно в том, что касается людей.

Линн вернулась с кофе в фарфоровой чашечке, и я, приняв ее, тут же пролила кофе себе на запястье. Недостаточно расслабилась. В общем, как полная идиотка. По крайней мере таковой я себя в тот момент чувствовала.

Окаменела! Как в том зачарованном, вечно неподвижном лесу.

Барри приподнялся, готовый прийти на помощь, но я покачала головой:

— Все в порядке.

Я спокойна. У меня все под контролем. Ноль внимания на алую букву "У".

Барри снова сел.

— Вы просто мастер по части писать письма, — сказал он. Возможно, это был комплимент.

Там, в больнице, набираясь сил и сочиняя одну песню за другой, я решила, что напишу ему только одно письмо. Расскажу, как восхищаюсь им, и выражу надежду на то, что однажды, когда-

нибудь, он удостоит меня прослушивания. Однако за первым письмом потянулось второе, за вторым — третье, так что к апрелю я уже писала ему практически каждую неделю. Изливала душу человеку, которого совершенно не знала. Представляете?

Странно и чудно. Да, знаю, но что сделано, то сделано. И теперь эти письма уже не вернуть.

Кан не отвечал и, возможно, даже не читал их. Я не знала, что он с ними делает; по крайней мере они не возвращались ко мне нераспечатанными. И все равно я продолжала писать. Пожалуй, именно письма помогали мне держаться — я разговаривала с кем-то, пусть даже собеседник и не отвечал.

В каком-то смысле именно благодаря письмам дела мои пошли на поправку. Я постепенно набиралась сил и даже начала верить, что когда-нибудь вернусь к обычной жизни. Я знала, что с Дженни будет все хорошо, по крайней мере настолько, насколько может быть все хорошо у трехлетней девочки, пережившей жуткий кошмар в собственном доме.

Заботу о дочери взяли на себя мои сестры, жившие в Нью-Йорке, и Дженни разрешалось приходить в больницу сколь угодно часто. Она была в восторге от моего кресла-каталки и кровати с управлением. Каждый раз, обнимая меня за шею, дочурка просила:

— Спой песенку, мамочка. Нет, не эту. Придумай новую.

Я часто пела для Дженни. Пела для нас обеих. И каждый день писала новую песню.

А потом случилось удивительное. Чудо. В больницу Вест-Пойнта пришло письмо.

Дорогая Мэгги.

Хорошо, хорошо, хорошо... Ваша взяла. Понятия не имею, почему я вам отвечаю. Наверное, все дело в моей простоте и доверчивости, хотя сам себя я ни простым, ни доверчивым не считаю. В общем, если вы кому-то об этом расскажете, между нами все кончено навсегда.

Ваши письма действительно тронули меня. Я получаю письма во множестве, однако большую часть моя секретарша отправляет в корзину, не показывая мне. Те же, которые доходят до меня, я выбрасываю сам.

Но вы... вы другая. Вы напоминаете, что в мире есть еще и настоящие люди, а не только льстецы и лизоблюды, мечтающие исключительно о том, чтобы пробраться в мой кабинет. Мне даже кажется, что я немного узнал вас, и это говорит в пользу того, что вы написали.

Мне понравились некоторые из присланных текстов. Отдает любительщиной — вам необходимо учиться писать песни, — но сила в них есть, потому что они что-то говорят.

Вышесказанное вовсе не означает, что:

а) учеба пойдет вам на пользу; или

б) вы сможете зарабатывать на жизнь сочинением песен, но ладно, ладно. Я уделю вам полчаса своего времени, чтобы выяснить, есть ли у вас талант.

Когда выйдете из больницы, позвоните Линн Нидхэм, моей секретарше, и согласуйте с ней детали. А пока, пожалуйста, не пишите мне больше. Вы и так уже отняли у меня слишком много времени. Не пишите письма — пишите песни!

Письмо было подписано «Барри», и вот теперь я сидела в кабинете, чувствуя себя под его взглядом безнадежно неуклюжей и лишней, посторонней, одной из тех, кого он называл льстецами и лизоблюдами. Я определенно не перебрала с нарядом, это не в моем стиле. На мне были простая белая блузка, розовый жакет с длинной черной юбкой и туфли на сплошной подошве.

Но я была здесь и вовсе не собиралась упускать чудом предоставленный шанс.

Все бы хорошо, однако в голову упрямо лезли нехорошие мысли: «С такими, как я, ничего хорошего не случается. Просто не случается».

— Вы исполняете свои песни или только пишете их? — спросил Барри.

— Вообще-то я пою их сама, если только это можно назвать пением.

«Прекрати извиняться, Мэгги. Ты вовсе не обязана извиняться за что-либо».

— Есть профессиональный опыт?

— Небольшой. Пела иногда в клубах Ньюберга. Это возле Вест-Пойнта. Но никогда соло. Моему мужу не очень нравилось, когда я выходила на сцену.

— Наверно, ему это очень не нравилось, верно?

— Он считал, что я выставляюсь. Не терпел, когда на меня смотрели другие мужчины.

Поэтому я его и застрелила, всадила три пули.

— А сейчас вам хотелось бы попробовать, верно? Спеть на публике? Смогли бы?

При мысли об этом в висках застучала кровь.

— Да, смогла бы.

Что еще я могла сказать?

— Хороший ответ. — Он указал на прекрасный сверкающий черный «Стейнвей» у дальней стены кабинета. — Ваше первое испытание будет приватным. Принесли что-нибудь?

Я подняла дипломат.

— Да, много всего. Что вы хотите услышать? Баллады? Блюзы?

Барри покачал головой:

— Нет, Мэгги, нет. Только одну вещь. Это ведь прослушивание, а не концерт.

Только одну песню? У меня похолодело в груди.

У меня не было одной песни, и я совершенно не представляла, на какой остановить выбор. Растерянная и смущенная, словно осталась вдруг голой, я стояла перед ним.

«Ну же, очнись. Он всего лишь человек. Просто ведет себя иначе. Ты же пела эти песни тысячи раз».

— Давайте, Мэгги. — Он посмотрел на часы. — Пожалуйста.

Я набрала в легкие побольше воздуха и решительно села к пианино. Рост у меня не маленький, поэтому я предпочитаю сидеть. За окном разворачивалась привычная картина хаотично бурлящего Бродвея.

«Ладно, — сказала я себе. — Ты здесь. Ты на прослушивании у Барри Кана. Покажи себя. Ты можешь... ты должна».

— Песня называется «Женщина на луне». Она о... о женщине, которая занимается тем, что по ночам убирает в домах в небольшом городке. При этом она каждый раз видит луну из другого окна. Ну и еще она мечтает.

Я посмотрела на Барри Кана. «Боже, Мэгги, куда тебя занесло. Ты сама — женщина на луне». Он остался сидеть у стола, упершись ногами в нижний ящик, сложив руки на груди и прикрыв глаза. Мое объяснение осталось без комментария.

В музыкальном отношении «Женщина на луне» напоминала знаменитую песню самого Барри «Свет наших встреч». Я проиграла вступление и запела негромким, неуверенным голосом, показавшимся вдруг унылым и заурадным. И, еще не закончив, поняла — проиграла.

Я закончила. Тишина. Молчание. У меня еще хватило смелости посмотреть на него. Барри Кан сидел в той же позе. Он даже не шевельнулся. Наконец...

— Спасибо.

Я ждала. Он сидел.

— Будете критиковать? — спросила я, убирая ноты и текст в дипломат.

Сердце замирало от страха, но мне хотелось услышать что-то еще, кроме «спасибо».

Он пожал плечами:

— Могу ли я критиковать своего ребенка? Это же моя музыка, не ваша. И голос мой. Вы лишь имитируете его. Нет, меня это не интересует.

Лицо вспыхнуло от разлившейся по щекам краски стыда. Однако к чувству унижения уже примешалась злость.

— Думала, вам будет приятно. Я написала ее в вашу честь.

Мне хотелось выбежать из комнаты, но я заставила себя остаться.

— Ладно, пусть так. Прекрасно. Я польщен. Но ожидал другого. Я думал, вы принесете свои песни. А эхо можно послушать и в туннеле подземки. У вас все песни переделаны из моих?

«Нет, черт бы тебя побрал. Мои песни — это мои песни!»

— Вы имеете в виду, есть ли у меня что-то более оригинальное?

— Именно. Мне нужна оригинальность. Для начала.

Я стала перебирать ноты. Пальцы как будто онемели и не желали слушаться. В голове маршировал духовой оркестр.

— Позвольте еще одну?

Барри Кан поднялся. Он стоял и качал головой.

— Не надо, Мэгги. Не ищите. Не думаю, что...

— У меня есть одна... то есть у меня много своих. Много. Своих, а не ваших.

Я обращалась к нему, снова и снова приказывая себе не робеть. Не смущаться. Не теряться.

Он вздохнул, уже приняв решение не в мою пользу.

— Хорошо, раз уж вы здесь. Еще одну песню, Мэгги. Только одну.

Я вытщила «Подсолнух». Эта песня немного напоминала старый хит Кэрол Кинг. Пожалуй, не очень оригинальная. Слишком сложная. Слишком сентиментальная. Нет, не пойдет. Шум у меня в голове стал громче, напоминая грохот приближающегося поезда. Я чувствовала, что вот-вот попаду под его колеса.

Я вернула «Подсолнух» на место и вытщила другой лист — «Расставание с надеждами». Да, эта будет лучше. Я написала ее сравнительно недавно, уже после переезда в Нью-Йорк.

Одна песня.

Я ощущала на себе взгляд Барри Кана, чувствовала его растущее нетерпение. В комнате стало вдруг нестерпимо жарко. Я не смотрела на него — перед глазами прыгали нотные знаки.

Песня рассказывала о моих отношениях с Филиппом. Первоначальный экстаз, любовь, или то, что я принимала за нее. Потом страх. Ужас осознания того, что любовь уходит, что ее, может быть, уже не вернуть.

Одна песня.

Я повернулась к пианино, глубоко вздохнула и опустила пальцы на клавиши.

Сначала негромко, потом с нарастающей страстью, разбуженной воспоминанием, я пела о том, что было со мной, снова переживая и восторг, и тревогу, и отчаяние.

Филипп, Дженни, я, наш домик возле Вест-Пойнта.

В комнате что-то изменилось. Я ощущала понимание, сочувствие, душевную близость, то, что искала в своих письмах к этому человеку, некую незримую связь между собой и мужчиной, молча и неподвижно сидевшим у стола.

Последний аккорд растворился в воздухе. Я замерла на стуле, внутренне сжавшись, ожидая его приговора. Прошла целая вечность, прежде чем я обернулась и посмотрела на него. Барри Кан медленно, с гримасой, словно у него болела голова, открыл глаза.

— Нельзя рифмовать «прощай» и «печаль». Такое может пройти где-то в глубинке, но будет резать слух, когда вы попытаетесь выйти на серьезный уровень.

У меня защипало в глазах. Я ничего не могла с собой поделать и потому разозлилась. На саму себя. Я обещала себе держаться.

— Эй, Мэгги, — сказал он, но я уже успела затолкать листы в дипломат и устремилась к двери, едва удерживаясь, чтобы не побежать.

Не дождется!

— Мэгги, — повторил Барри Кан. — Перестаньте плакать. Подождите.

Я повернулась к нему:

— Извините, что отняла у вас столько драгоценного времени. Но если все, что вы можете, это сунуть мне под нос какую-то паршивую рифму, то нам не о чем разговаривать. И не беспокойтесь, я не стану вам досаждать.

Я выскочила за дверь, промчалась мимо удивленной Линн Нидхэм и спустилась вниз на лифте. К черту тебя, Барри Кан! Чтоб тебе провалиться.

Я убеждала себя, что переживу и это. Жизнь научила быть крепкой и держать удары. Мне нужно заботиться о маленькой девочке, не говоря уже о себе самой. Вот почему, лежа в больнице Вест-Пойнта, я писала не только Барри Кану, но и еще в дюжину музыкальных компаний. Сегодня был он, завтра будет другой, послезавтра — третий.

Рано или поздно кому-нибудь понравятся мои песни, моя музыка. Иначе просто быть не может. Они слишком хороши, слишком правдивы, чтобы их не заметили, не услышали, не почувствовали.

Так что надо еще посмотреть, кто из нас проиграл, мистер У-меня-мало-времени!

Вы еще пожалеете, что упустили Мэгги Брэдфорд!

У вас возникало когда-нибудь желание стать посреди улицы и громко заявить: «Эй, послушайте, вот он я! Посмотрите, я не пустое место! У меня есть талант!»

Примерно эти слова я прокричала на Таймс-сквер. Почему бы и нет? И что? Никто даже не остановился. Никто не обратил внимания. В этом скопище полоумных я была лишь одной из многих.

Пару часов я бродила по улицам, не замечая ни падающего снега, ни слякоти под ногами, потом забрала Дженни из школы на Западной Семьдесят третьей улице. Уф, ну и денек.

— Давай устроим себе вечеринку. Завтра начинаются рождественские праздники. Обними покрепче любимую мамочку и пойдем в какой-нибудь ресторан. Вдвоем. Только ты и я. Куда бы ты хотела? В «Лютецию»? «Окна мира»? Или «Рампельмайер»?

Дженни неспешно обдумала предложение, наморщив лобик и потирая подбородок, как делала всегда, когда ей предстояло принять важное решение.

— А как насчет «Макдоналдса», мамочка? Потом мы могли бы сходить в кино.

— Ах ты моя бережливая! — Я рассмеялась и взяла ее за руку. — Ты мое сокровище, мой сладкий крольчонок. Ты — мое самое дорогое. И тебе нравятся мои песни.

— Я обожаю твои песни, мамочка.

Мы всегда находили друг для друга самые лучшие слова. Мы были «сестричками» и «подружками», «сладкой парочкой» и «болтушками». Мы знали, что «никогда не будем одиноки», потому что «всегда будем вместе». Такие вот девичьи разговоры.

— Как прошел день, милая? В Нью-Йорке нельзя быть кисейной барышней. К счастью, мы с тобой не кисейные барышни.

— В школе весело, мамочка. Сегодня у меня появилась новая подружка. Ее зовут Джули Гудиер. Она такая забавная. Миссис Кролиус сказала, что я смышленная.

— Конечно, ты смышленная. А еще красивая и добрая. Хотя и ужасно маленькая.

— Я сейчас маленькая, мамочка, а когда вырасту, буду больше тебя. Правда?

— Правда. Думаю, вымахаешь футов до семи или еще выше.

И так без конца.

Две болтушки.

Две подружки.

Вообще-то у нас действительно получалось не так уж плохо: мы понемногу привыкали к Нью-Йорку и понемногу забывали о Филиппе. Если такое можно забыть.

К черту Барри Кана!

Ты еще не знаешь, что потерял, мистер Важная Шишка!

* * *

К тому времени когда мы с Дженни добрались до дома, на улице уже стемнело. Возмущение остыло, обида улеглась, и я с тяжелым сердцем смотрела на обветшалый домишко из бурого песчаника.

Дела-то дерьмовые. Похоже, из этой дыры нам скоро не выбраться. Придется немного задержаться. Например, до конца жизни.

Я открыла входную дверь, и она распахнулась настежь, да так и осталась. Как будто дом зевнул и забыл закрыть рот. Типичная для Нью-Йорка реакция.

Черт! Лампочка в холле не горела, как не горела она и на первой лестничной площадке. Лишь через грязное окошко проникал свет уличного фонаря, стоявшего, по счастью, как раз напротив дома.

— Жутковато, — прошептала Дженни. — Жуть и страх.

— Нет. Это не жуть и страх. Это в Большом Яблоке такие забавы.

Я взяла дочку за руку, и мы стали подниматься по «веселой» лестнице.

Стоп! Я резко остановилась и сделала шаг в сторону, закрывая собой Дженни.

Кто-то сидел в темном углу лестничной площадки. Молча и неподвижно. Судя по неясному силуэту, он высокий и плотный.

Вот это уже плохо. Вот это уже страшно и жутко.

Я осторожно двинулась к темной фигуре.

— Эй! Кто тут? Эй...

В голове проносились ужасные истории о Нью-Йорке, которые я слышала и читала. Впрочем, кошмары случаются везде, даже в таком тихом месте, как Вест-Пойнт, о чем я знаю не понаслышке.

На голове у сидящего незнакомца было что-то вроде шляпы. Что-то похожее на цилиндр. Что-то чертовски необычное и пугающее.

Филипп!

Я вдруг подумала о нем. Конечно, это не мог быть Филипп, но на мгновение память словно перенесла меня в прошлое.

Филиппу нравилось пугать меня, выскакивая то из-за куста, то из-за шкафа. Его это забавляло, ему доставляло удовольствие осознание своей власти надо мной. Однажды на Хэллоуин мой муж вырядился индейцем и набросился на меня, размахивая томагавком. Я перепугалась, как никогда в жизни. Конечно, в конце концов игра в страшилки закончилась плохо именно для него, когда в руках у меня оказалось ружье и я выпустила в него три пули.

Филипп мертв, подбодрила я себя, а призраки не водятся даже в таком городе, как Нью-Йорк.

Я сделала еще один шаг вперед. Незнакомец по-прежнему не шевелился. Я ступила на площадку.

— Эй, послушайте, это уже не смешно. Пожалуйста, ответьте. Хотя бы подайте голос.

Звук наших собственных крадущихся шагов напоминал осторожные шаги Филиппа, пробирающегося по дому, будто охотник по лесу.

Чувствуя, что вот-вот поддамся затаившемуся во мне старому страху, я все же заставила себя продвинуться еще немного.

За спиной прошелестел шепот Дженни:

— Кто это, мамочка?

«Нет, — подумала я. — Дважды ты нас не испугаешь. Ничего у тебя не выйдет!»

Я сделала резкий выпад, выбросив вперед тяжелый дипломат.

Вот тебе, сволочь, получи!

Тот, кого я ударила, покачнулся и упал без намека на малейшее сопротивление.

— О Господи! — воскликнула я и истерично рассмеялась, поняв наконец, с каким противником имела дело. — О Господи! Невероятно! Ну и ну..

Дженни взбежала по ступенькам вслед за мной, и ее веселый смех смешался с моим. «Филипп» оказался огромной корзиной с дорожками — наверняка в несколько сотен долларов — розами на длинных стеблях.

Я подняла упавшую на пол карточку.

Мэгги Брэдфорд.

По случаю первого дня возвращенных надежд. Если вы и впрямь хотите получить работу, то, наверное, сошли с ума. Тем не менее вы приняты. Сегодня с вами я даже не заметил, как пролетело время.

Можете мне поверить.

Барри.

Веселая история, если смотреть на нее в ретроспективе. Настоящий американский хеппи-энд. Но сейчас, когда я пишу эти строки, в голове у меня вертятся далеко не веселые вопросы, а потому и сама история не кажется такой уж смешной.

Неужели я всегда вот так реагирую на опасность? Неужели мой первый импульс — убить? Неужели это живет во мне?

Неужели я убила не одного, а двоих?

Так считают многие. И в частности — прокурор южного района Нью-Йорка.

Первым, кого я убила, был Филипп Брэдфорд.

Вторым — Уилл.

Сан-Диего, Калифорния, июль 1967 года

Уиллу Шеппарду, мальчику шести лет, снились индейцы. Жестокие и безжалостные, они накатывались волнами, их кони ржали, били копытами и вставляли на дыбы, их стрелы, длинные, как копья, летели ему в сердце. Он любил это возбуждение, любил это кино в своей голове, любил опасность.

Всплеск. Он услышал всплеск!

Какой всплеск? Откуда? Уилл открыл и почти сразу же снова закрыл глаза, погружаясь в сон.

В его «фильме» никакой воды не было.

Во второй раз Уилл проснулся уже без четверти восемь; тихонько, стараясь не разбудить продолжающего спать брата Палмера, оделся и осторожно спустился вниз, на первый этаж притихшего дома.

В кухне он соорудил завтрак из виноградного джема, орехового масла, молока и хлеба. Завтрак на одного.

Кому нужна мать? Кому вообще кто-то нужен?

В блестящей стенке тостера отражались лицо Уилла и растрепанные светлые волосы. Как ни крути, приходилось признать: ему очень не хватало матери. Ему страшно ее не хватало. Она так хорошо делала желе и ореховое масло.

Уилл знал, что она уехала в Лос-Анджелес. В доме стало тихо, родители больше не скандалили, однако сейчас он предпочел бы ругань тишине. Иногда братьям становилось без матери так плохо, что они могли расплакаться в самое неподходящее время. Но вообще Уилл ненавидел ее. Вообще, но не сегодня.

Всплеск в бассейне?

Внезапно Уилл вспомнил. Он собрал тарелки и стакан, отнес их в раковину и выбежал в залитый теплым солнечным светом и наполненный криками птиц двор.

Обогнул угол их выкрашенного в бело-голубой цвет дома, подбежал к бассейну и резко, так, что едва не упал, остановился у самого края.

Остановился и закричал так пронзительно, что разбудил младшего брата, чье лицо появилось в окошке над его головой.

Уилл кричал и кричал, так громко и горько, что из соседних домов прибежали люди. Они окружили мальчика и постарались побыстрее увести от бассейна, чтобы он не смотрел больше на то, что уже увидел и что навсегда врезалось в его память.

А увидел Уилл покачивающегося на поблескивающей в лучах утреннего солнца воде отца в клетчатом красном халате и бежевых брюках. Одна желтая тапочка свисала с левой ноги, другая неспешно дрейфовала неподалеку от тела, напоминая лилию в пруду.

Глаза Шеппарда-старшего были открыты и смотрели прямо на сына. "Это все из-за тебя, Уилл, — как будто говорили они. — Ты плохой мальчик. Это все из-за тебя.

Понимаешь, что ты наделал?"

Понимаешь, что ты наделал!

В 5.52 утра Энтони Шеппард вышел из дома и утопился в семейном бассейне.

И то достойное, то хорошее, что еще оставалось у Уилла Шеппарда, то, что заслуживало спасения, словно утонуло вместе с отцом.

Через несколько дней после самоубийства отца Уилл и Палмер провели свой последний вечер в Калифорнии, перебирая одежду и игрушки. Каждый мог взять с собой по два чемодана. Не больше.

Мать отказалась принять сыновей. Никто так и не объяснил братьям почему. Тупая сучка, подумал Уилл. Так всегда называл ее отец, когда они ругались. После трагедии мальчики жили у няни, которая тоже не выразила желания оставить их у себя, а потом детям сказали, что им предстоит поездка в Англию, где у них нашлись родственники. Уилла и Палмера ждала новая жизнь, с тетями, Элеонорой и Вэнни, которых братья никогда не видели, но которые установили правило двух чемоданов.

В шумном, бурлящем, кишачем людьми зале Лос-Анджелесского международного аэропорта два ошеломленных переменами мальчика ожидали свой рейс вместе с доктором Энглзом, одним из немногих друзей их отца. Доктор Энглз рассказывал о гнусном Лондоне, о тупой королеве и идиотской смене караула у Букингемского дворца, и его рассказ звучал как одно из тех стихотворений, которые читала мать до того, как ушла из дому. Но Уилл почти и не слушал, что там бормочет тупой доктор Энглз. Он вспоминал покачивающегося на голубой воде отца и его пустые, мертвые глаза, глядящие из какого-то другого мира.

— Леди и джентльмены, мы готовы начать посадку на рейс четыре-одиннадцать компании «Пан-Америкэн», следующий в Нью-Йорк и Лондон.

Доктор Энглз подал Уиллу руку:

— Ну, идем?

Внезапно Уилл резко подался вперед и укусил эту руку так сильно, что показалась кровь.

— Черт! — воскликнул доктор Энглз, отбрасывая мальчика свободной рукой. — Ах ты, дрянь! Маленькое чудовище!

Уилл открыл рот. Передние зубы были красными от крови.

— Не хочу в Англию, — завыл он. — Хочу остаться здесь!

"Пожалуйста, папочка!

Пожалуйста, мамочка!

Пожалуйста, кто-нибудь, помогите мне.

Я не хотел убивать папочку. Не хотел.

Папа, пожалуйста, перестань так на меня смотреть. Пожалуйста, папочка".

Свои первые часы в Англии Уилл запомнил навсегда. Братья чувствовали себя так, словно перенеслись на Луну.

Тетя Элеонора встретила их в зале прибытия. Это была полная, суетливая, с напудренным добела лицом женщина, боявшаяся его, как быстро сообразил Уилл, еще больше, чем он боялся ее. Племянник невзлюбил тетю с первого взгляда.

«Она никогда меня не обидит, — решил Уилл. — Никто и никогда больше не обидит меня, особенно она».

Элеонора объяснила, что тетя Вэнни осталась дома, чтобы приготовить для мальчиков какой-то особенный обед.

«Какое-нибудь дерьмо, — подумал Уилл. — Англия — самое дерьмовое место в мире».

По пути из аэропорта Хитроу тетя Элеонора трещала без умолку, так что братья даже толком и не осмотрелись. Стоило одному из них повернуть голову к окну, как она грозила пальцем и напоминала о необходимости внимательно слушать ее. Уилл даже начал всерьез подумывать о том, чтобы откусить сей указующий перст.

— Многие из тех, кто работает в Лондоне, живут далеко от центра. Поближе к остановке метро. Мы, например, живем в Фулеме с тех самых пор, как ваша мать отправилась искать счастья в Америку. И она его нашла, не так ли, выйдя замуж за вашего отца? Ей достанутся все его деньги, а вы не получите ничего, кроме того, что она соизволит вам выделить. Мы тоже не получим ничего, хотя, видит Бог, нам от нее ничего и не надо. Только не от нее.

«Нет. От моей мамы ждать нечего».

Уилл узнал, что тетя Элеонора преподает историю в начальной школе, и это объясняло ее занудство, но от нее разило потом, и вообще, кто она такая, чтобы говорить о его матери? Палмеру новая родственница тоже не понравилась, и он, маленький притворщик, сделал вид, что спит.

Наконец такси остановилось перед трехэтажным домом из красного кирпича с крохотными окнами и шестью ступеньками, ведущими к двери.

— Вот мы и приехали, — бодро объявила тетя Элеонора, но Уиллу вспомнились высокие деревья, яркое солнце и просторы Сан-Диего, и грудь как будто сдавило.

Дома на улице, похожие на тот, у которого они остановились, теснились, едва не наползая друг на друга, а единственное попавшее на глаза дерево было кривое, мокрое от дождя и без листьев. Палмер взял один чемодан, тетя Элеонора другой, и Уиллу пришлось, пыхтя и надрываясь, тащить по ступенькам оба своих.

Они поднялись, дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина в узких черных брюках и черном свитере с высоким воротом.

Уилл глухо вскрикнул. Сердце застучало, а щеки вдруг стали горячими.

Женщина была молодая, с каштановыми волосами, спускавшимися почти до середины спины. Глаза у нее были голубые, а кожа бледная. «Мама», — подумал он.

Конечно, женщина не была его матерью.

Но тетя Вэнни, младшая сестра его матери, так сильно напоминала женщину, которая когда-то, как казалось Уиллу, очень давно, держала его на руках, говорила нежные слова, а потом исчезла. Странное чувство непонятной тревоги и необъяснимого восторга переполнило мальчика. Он не знал, чего ему хотелось больше: броситься ей на шею или с криком умчаться прочь.

— Прежде чем войти, снимите обувь, — сказала Вэнни. — Мы ведь не хотим, чтобы в доме

было грязно, верно?

Дом. Англия. Его новая родина. Новая жизнь. Кошмар, который только-только начинался.

Легенда начала складываться рано. Ее рассказывали разные люди, но варианты отличались незначительно. «Уилл необычайно умный и очень смьшленный мальчик, но при этом неисправимый лжец. Милый, очаровательный, дерзкий и отъявленный лжец! — так писал директор начальной школы Фулем-роуд весной 1970 года. — Прилагай Уилл больше усердия, его оценки были бы намного выше, но его, похоже, интересует только спорт, в котором он преуспевает, и драки с одноклассниками, в чем он является признанным чемпионом. Лично я до сих пор не уверен в том, привиты ли ему элементарные навыки общественного поведения и сознает ли он различие между реальностью и фантазией».

Различие Уилл понимал, однако всегда делал тот выбор, который казался ему предпочтительнее.

По выходным Уилл часто гулял по своему кварталу в одиночку. Однажды, когда ему было одиннадцать лет, он услышал крики, доносящиеся с расположенного в миле от дома тетушек стадиона, и, заинтригованный, отправился на разведку. Чтобы попасть на стадион, ему пришлось расстаться с отложенными за неделю карманными деньгами.

То, что он увидел там, представляло собой совершенно ошеломляющее действо, в котором участвовали двадцать два человека, разделенные на две команды, отличающиеся цветом формы, но объединенные целью. То, во что они играли, называлось в Англии футболом, а в Америке было известно как соккер. Прежде Уилл видел эту игру только по телевизору.

В школе он и сам играл в футбол, причем играл неплохо, но бегать в толпе ровесников, беспорядочно пиная мяч, показалось ему занятием скучным и небезопасным.

Там же, на стадионе, футбол открылся Уиллу с неожиданной стороны, в действиях игроков присутствовали симметрия и геометрия, координация действий атакующих и красота, сравнимая с красотой неотвратимо стремящихся к берегу океанских волн. Один игрок, ловко контролируя мяч ногой, продвигался вперед, другой бежал рядом с ним, третий, рванувшись по краю, на ходу получил мяч через второго и свернул к центру, преследуемый одним из защищающихся, который в последний момент бросился в ноги нападающему и выбил мяч одному из своих.

В следующий момент все переменялось, и волна как будто покатила назад. Защищающиеся превратились в атакующих, атакующие в защищающихся, и происходящее на поле напомнило калейдоскоп, подаренный Уиллу отцом на пятый день рождения.

И еще шум! Каждый раз, когда мяч переходил от одной команды к другой, каждый раз, когда форвард бил по воротам или голкипер отбивал мяч в немыслимом прыжке, зрители ревели так, словно дышали одними со спортсменами легкими, а когда счет был открыт, рев взлетел до такой высоты и достиг такой мощи, что Уилл всерьез испугался за барабанные перепонки.

В ту ночь к нему во сне пришла мать, и он, замерев от ужаса, видел, как она целует мертвые глаза отца, и слышал ее презрительный смех. Губы у нее были красные, и с них капала кровь.

"Знаешь, что ты наделал, Уилл?"

Это все из-за тебя".

* * *

Однажды утром, несколько дней спустя, он нашел на улице Фулема брошенную собаку. Желто-коричневой масти бродяжка стала первым приятелем Уилла в дерьмовой старой Англии.

— Пошли, пошли со мной, песик, — сказал Уилл и погладил собачку по спине. — Пошли,

Лесси.

Уилл направился в муниципальный парк, и одинокое животное потянулось за ним. Уилл не знал, что его разозлило, но что-то разозлило, причем очень сильно. Вообще такое случалось с ним часто после отъезда из Калифорнии. Точнее, после того, как отец утонул в бассейне. На Уилла самоубийство отца подействовало по-настоящему сильно. Он чувствовал себя виновным в его смерти. Более того, он убедил себя в том, что и сам закончит точно так же.

Уилл опустился на траву у небольшого пруда. Песик был рядом. Его новый приятель.

Он долго смотрел на собаку, потом покачал головой:

— Ты сделал большую ошибку, что остался со мной. Без шуток. Там, где я, там и беда.

Пес тявкнул и протянул ему лапу.

В жизни Уилла было много такого, что вызывало в нем злость: отец, Палмер, тетушки. Грудь ему словно стянул тугой ремень. В голове зазвенело. Перед глазами поплыл красный туман.

Он опустил руку в холодную воду, пошарил по мелкому дну, вытащил камень размером с кулак и ударил пса по голове. Потом ударил еще раз, и тот, скуля, завалился на бок. Печальный карий глаз смотрел на Уилла. Он продолжал бить, пока животное не затихло.

Уилл не знал, зачем или почему это сделал, пес ему нравился. Зато схлынула злость. Он почувствовал себя нормально. Точнее, он вообще почти ничего не чувствовал.

И еще Уилл сделал небольшое открытие: в нем определенно была хорошая сторона, но была и плохая.

Может быть, существуют два Уилла?

С самого начала Уилл знал, что его ждет великое будущее, хотя и не придавал этому большого значения. А вот другие придавали.

Уилл Шеппард стал самым юным футболистом из всех когда-либо игравших за первую школьную команду Фулема. В одиннадцать лет он упрямил тренера позволить ему заниматься с командой, был немедленно включен в состав и в скором времени, не обращая внимания на насмешки товарищей, большинство которых были старше его на пять-шесть лет, вышел на первое место по забитым мячам.

В год, когда Уиллу исполнилось двенадцать, Фулем стал чемпионом среди школьных команд и продолжал побеждать до тех пор, пока его лучший бомбардир не закончил школу. В четырнадцать лет он установил рекорд, забив девять голов в игре, которую Фулем выиграл со счетом 12:0.

Легкий, хрупкий, длинноногий, он отличался прекрасной для своего возраста координацией движений и бегал, по словам тренера, быстро, «как стрела», не уступая в этом аспекте южнокалифорнийским хавбекам.

Тренировался Уилл не просто каждый день — он посвящал этому каждый свободный час и довел свое мастерство до совершенства, так что мяч казался просто придатком ноги или по крайней мере спутником, соединенным с ногой невидимой проволокой. По субботам и воскресеньям Уилл проводил на поле по шестнадцать часов. Его домом стал стадион, а не то дерьмовое место, где жили две тети и Палмер.

Местные газетные репортеры создали из Уилла легенду. Они всегда отмечали его в высшей степени бесшабашный стиль отъявленного индивидуалиста, приписывая эту черту американскому влиянию.

Но причина, конечно, была совсем в другом. Никто не догадывался, что Уилл сам, целенаправленно выработал и усовершенствовал свой стиль. Его цель состояла в том, чтобы не быть похожим на других, отличаться от всех, выделяться, а не в том, чтобы прослыть одиночкой. Уилл понял, что означает игра в его жизни: футбол был для него возможностью избавиться от одиночества и страха, не думать и никогда не вспоминать ни о предавшей его матери, ни об отце.

Футбол был его единственным оружием. Футбол должен был спасти его.

Весна 1985 года

Барри Кан работал со мной полтора года, и за это время я сбила пальцы почти до костей. Мы начали с текстов, постигая теории Боба Дилана, Джонни Митчелла, Роджера и Харта, Джонни Мерсера и других. Что касается теории самого Барри, то она заключалась в том, что упорная работа побеждает посредственность.

Он заставлял меня писать и переписывать, все глубже и глубже погружаться в прошлое, пока у меня не появлялось желание попросить его остановиться, дать мне отдых. Но я не просила, мне не были нужны никакие поблажки. Втайне я даже хотела, чтобы эта попытка не кончалась.

Барри был безжалостен, и я тоже. «Ты боишься. Прячешься за дешевыми рифмами и придуманными сантиментами». Или: «Ты вообще ничего не чувствуешь. Я знаю, потому что сам ничего не чувствую. А если равнодушным остаюсь я, то как, по-твоему, отнесется к этому публика? Мэгги, тебя распнут».

— Какая публика? — спросила я.

— А разве ты не видишь своих зрителей? Разве не чувствуешь тех, кто должен услышать твои песни? Если так, то убирайся отсюда. Проваливай. Не отнимай у меня время.

Так продолжалось до тех пор, пока результат не стал устраивать нас обоих, и тогда мы перешли к искусству композиции. Барри не снижал требований, но музыка давалась мне куда легче, чем слова. С ней мне было комфортно. Однажды Барри сказал, что я могу открывать и закрывать ее, точно кран в ванной. Похоже, он немного завидовал, и мне это нравилось — то, что я могу соревноваться с ним, быть на его уровне.

Наконец пришла очередь пения, и в этой области Барри проявил себя настоящим мастером. Он учил меня дикции, акцентированию, фразированию. Показывал, как держаться перед зрителями, как пользоваться микрофоном в звукозаписывающей студии. По его словам, у меня был естественный, не похожий ни на какой другой голос, но именно в этой сфере все решало мнение публики.

«Кто бы мог представить, что голос Боба Дилана так зацепит душу аудитории? Твой голос — нервный и одновременно открытый. Ты можешь легко менять модуляции, выражая любое настроение. Я люблю этот голос!»

Неужели? Наконец-то комплимент. Я постаралась запомнить его дословно.

Занятия проходили в студии «Пауэр стейшн», и я не только пела, но и исполняла роль мальчика на побегушках, удовлетворяя потребности Барри в кофе и сэндвичах. Я носила высокие черные сапоги и длинный черный плащ. Я носила их везде. Я была «высокой блондинкой в плаще» и «эй, вы не принесете нам сэндвичи?». Я была «конечно, никаких проблем. Что еще?»

Разумеется, мне не нравилось такое обращение, и я сомневалась, что Барри когда-либо поступил бы так с женщиной, но он утверждал, что через это проходят все, а если мне что-то не по вкусу, то я могу проваливать на все четыре стороны.

Проваливать мне было некуда.

Не знаю, как бы я выдержала, если бы не Дженни. Мы оставались лучшими «подружками-болтушками» и «лисичками-сестричками».

Не знаю, как бы я выдержала, если бы не Линн Нидхэм, с которой мы по-настоящему сблизились и которая могла быть кем угодно: сиделкой, гидом по Нью-Йорку и просто плечом, на которое всегда можно опереться.

Мы жили в том же доме без лифта в Уэст-Сайде, в квартире, где единственной стоящей вещью была ванна последней модели, установленная на кухне. Как мне нравилось принимать

горячую пенную ванну!

Иногда в моей жизни появлялись мужчины, но до серьезных отношений дело не доходило. Я вспоминала, какой была до знакомства с Филиппом, как меня смущало то одно, то другое: высокий рост, маленькие груди, неопрятные волосы. Однако истинная причина заключалась, наверное, в боязни пережить то, что я пережила с Филиппом. У меня не было ни малейшего желания рассказывать кому бы то ни было о том, что случилось с моим мужем, точнее, о том, что я с ним сделала. На груди у меня все еще горела большая алая буква "У", и мне казалось, что она не сойдет никогда, как бы ни старалась я оттереть ее или отмыть.

Так что проваливать было некуда.

Итак, я бегала за кофе и сандвичами, но, знаете, это все равно нравилось мне в сто раз больше, чем моя прежняя жизнь. Иногда меня доставала придирчивость Барри, порой я ненавидела проклятую закусочную «Фэймос», и мне определенно осточертело быть «блондинкой в плаще», но я все равно любила все это. Я писала тексты, сочиняла музыку, училась. Я была частью чего-то такого, что могло быть прекрасным и трогательным.

Однажды утром, когда я, по обыкновению, возилась в своей каморке, готовя кофе для всей «музыкальной фабрики», ко мне заглянула Линн Нидхэм.

— Брось все, кроме, может быть, кофе. Тебя требует сам мистер Восхитительный.

Обычно Барри выделял мне некоторое время в конце дня, поэтому утренний вызов выходил за рамки привычной рутины.

Я буквально побежала в его офис: Барри очень ценил свое время.

— У меня есть для тебя две новости, хорошая и, к несчастью, плохая, — сообщил он, когда я переступила порог кабинета, в котором когда-то прошла прослушивание на роль мальчика на побегушках.

Сердце заколотилось.

Ну говори же, что случилось! Не тяни!

— Я отослал одну из твоих песен, «Расставание с надеждами», в Калифорнию, — продолжил Барри. — Тот, последний, вариант, который ты показывала мне на прошлой неделе. Кое-кому она понравилась. Ее хотят записать.

Я инстинктивно бросилась ему на шею. Наверное, это случилось в первый раз. Определенно в первый раз.

Барри улыбнулся, мягко отстранился и посмотрел мне прямо в глаза.

— Теперь плохая новость. Эта «кто-то» хочет спеть ее сама.

Кто-то хотел спеть мою песню.

— Передай ей, что я не согласна. — Мне вдруг стало не по себе. — Нет, Барри. Пожалуйста. Ты же не решил за меня?

— А ты не хочешь узнать, кто эта «кто-то»? Мне пришлось согласиться. Пришлось нарушить условия контракта.

Я представила, как мою песню исполняет какая-нибудь третьеразрядная певичка, еще одна перспективная выскочка, как она калечит то, что принадлежит только мне.

— Конечно, хочу. Но если она испортит мою песню, я ее убью!

Не самый лучший выбор слов, согласна.

— Думаю, она все сделает как надо. — Барри усмехнулся и превратился вдруг в самого милого на свете человека, каким становился по собственному желанию, но, к сожалению, не часто. — Это Барбра Стрейзанд. Она хочет записать «Расставание с надеждами». И хочет, чтобы ты присутствовала при этом.

Я снова обняла Барри. Прижала его к себе и расцеловала в обе щеки. Прощайте, походы за кофе и сандвичами! Привет, Голливуд!

Я заказала два билета на рейс в Лос-Анджелес, для себя и Дженни. Мы заслужили это. Мы это заработали. Прилетев туда, я взяла напрокат «сааб-турбо», в котором и подкатила к отелю «Беве́рли-Хиллз». Казалось, Вест-Пойнт остался где-то в другом мире, за миллионы миль отсюда.

— Розовый! — воскликнула Дженни, когда мы, свернув с подъездной дорожки, остановились перед входом. — Мой любимый цвет! И он здесь везде!

— Я попросила, чтобы все покрасили в розовый, специально для тебя. Позвонила заранее и сказала: «Все должно быть розовым! Сделайте нам розовое!»

— Болтушка! — крикнула Дженни.

— Навсегда!

Симпатичный коридорный подхватил наши потертые сумки так бережно, как будто это были дорогие кожаные чемоданы, и отвел нас к очаровательному коттеджу, расположенному за главным корпусом, бунгало номер шесть, нашему временному жилью, о котором предусмотрительно позаботился Барри («чтобы вы с Дженни произвели должное впечатление») и о котором я ничего не знала.

— Вам сюда, мэ. И вам тоже, мисс, — с улыбкой сказал коридорный, распахивая дверь.

Я невольно сделала шаг назад. Комната была уставлена великолепными ярко-красными розами.

— Здесь всегда столько цветов? — пошутила я, но коридорный, похоже, не понял моего юмора. Свет включен, подумала я, но в «Отеле Калифорния» явно не все дома.

— Нет, мэ, — ответил парень. — Это подарок. Здесь карточка.

Добро пожаловать в Голливуд.

Думаю, вы ему еще покажете.

Только не верьте всему, что блестит...

Как и нескольким дюжинам роз.

Люблю и целую тебя и Дженни.

Б.

«Я тоже люблю тебя, Барри. Но кофе ты от меня больше не дождешься».

Нетрудно представить, что я чувствовала.

Это было все, о чем только можно мечтать. Я шла по полутемному коридору к звукозаписывающей комнате "А" знаменитой студии «Деван», чувствуя, как невидимая рука вяжет в узлы мои внутренности.

Здесь записывались знаменитые песни. И моя песня тоже может стать знаменитой. Кто бы мог подумать!..

Вот он, тот самый успех, тот самый выстрел в «яблочко», о котором все твердят и к которому все стремятся. Многие ждут его всю жизнь, а я и не думала, что он выпадет на мою долю.

Я знала, что некоторые звукозаписывающие студии снискали себе довольно любопытную, почти мистическую репутацию в тесной среде самых великих музыкантов, мегазвезд и их менеджеров. На протяжении многих лет Элтон Джон соглашался записываться только в уединенном шато на юге Франции. «Роллинг Стоунз» предпочитали какой-то вонючий плавучий дом на Ямайке, где только и могли получить устраивающее их звучание. Многие исполнители кантри делали выбор в пользу весьма специфичной студии в Нэшвилле, где отдавали себя не иначе как в руки Чета Аткинса.

«Деван» имел такую же репутацию в Лос-Анджелесе. Я сжимала ручку Дженни. Словно зачарованные, наблюдали мы за тем, что разворачивалось прямо у нас на глазах.

Мне это не нравилось! Мне это очень сильно не нравилось. Я с трудом сдерживалась, чтобы не крикнуть им двоим, Барбре Стрейзанд и Барри Кану, что они делают все не так. Когда я сочиняла «Расставание», в голове у меня звучал совсем другой голос. Стиль Барбры так отличался от моего, был так узнаваем, что от моей песни не оставалось почти ничего.

— Что ты об этом думаешь? — обратилась я к дочери. Она слышала «Расставание» в моем исполнении сотни раз. Она знала об этой песне все.

— У нее получается не так хорошо, как у тебя, — после секундной паузы ответила Дженни, — но мне тоже нравится. Очень мило.

Предательница.

По мере того как они работали, песня звучала все лучше и лучше с каждой новой пробой. Я начинала слышать в своем произведении то, о существовании чего и не догадывалась. Песня оставалась моей, но становилась и ее. Приходилось признать, они составляли идеальный дуэт.

Я немного успокоилась. В перерывах между пробами к нам подходил Барри, который стал вдруг внимательным, милым и заботливым.

Через какое-то время мне начало казаться, что Барбра Стрейзанд поет только для меня, как я когда-то пела только для Дженни. Я словно перенеслась в некое место, где музыка соединяется с чувствами. Я снова оказалась в Вест-Пойнте, но в Вест-Пойнте счастливого периода, когда я пела только Смучу и лишь изредка позволяла себе дать волю мечтам.

Мной овладело приятное оцепенение.

Прошло по меньшей мере сто проб, прежде чем Барбра и Барри получили то, что хотели, и напряжение в студии рассеялось, сменившись нехитрыми шуточками и заразительным смехом. Я и сама вздохнула с облегчением, словно пережила все пробы, и устало опустила голову.

Кто-то положил руку мне на плечо. Я обернулась и увидела Барбру Стрейзанд, которая как-то незаметно оказалась рядом.

В реальной жизни — если это была реальная жизнь — она оказалась поразительно, хотя и не в привычном смысле слова, красива. Глаза сияли добротой, а улыбка источала сочувствие и

доброжелательность. Я уже видела, что она может быть резкой и твердой, но в ней была и другая, мягкая сторона. Не верьте тому, что пишут в газетах, — поверьте мне.

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете, — сказала Барбра. — Помню свой дебют на Бродвее, первую запись. Нервничаете, да?

— Такое чувство, как будто душа и тело живут отдельно друг от друга, — ответила я.

Она села рядом со мной и Дженни.

— Вы только не забывайте, что сами заработали все это. Все ваши слезы, весь пролитый пот дают вам право получить наконец это волшебное удовольствие. Ваша песня обязательно стала бы хитом, независимо от того, кто бы ее исполнил. Я лишь помогу привлечь к ней должное внимание. Мне очень нравится ваша музыка, Мэгги, и я не сомневаюсь, что она понравится всем. Напишите для меня что-нибудь еще. Пожалуйста.

Она обняла и поцеловала меня в щеку.

— В вашей песне правда жизни, и эта правда потрясает. На какое-то время я лишилась дара речи, но потом начала успокаиваться.

— Извините, я просто боюсь ляпнуть какую-нибудь глупость. Вы даже не представляете, как много это для нас значит, для меня и Дженни.

— Представляю, — уверила меня Барбра. — Прекрасно представляю. Первая песня всегда самая лучшая. — Она посмотрела на Дженни: — Твоя мама удивительная.

Моя дочь улыбнулась и кивнула:

— Я знаю. А вот она иногда — нет.

Мечтала ли я о чем-то подобном? Конечно, мечтала. Об этом мечтают все. Но мало у кого самые безумные мечты становятся вдруг реальностью.

За короткий период времени я продала множество своих песен. Они расходились, как хот-доги на стадионе. Но каждое утро, просыпаясь в своей крохотной квартирке в доме без лифта, я думала, что еще не могу от нее отказаться, потому что этого не могло быть.

Однажды вечером Барри повел меня в шикарный нью-йоркский ресторан, чтобы отпраздновать, как он выражался, «лучшие хиты Мэгги». Я все еще пользовалась бешеной популярностью. Статьи обо мне появились в таких журналах, как «Роллинг стоун», «Спин», «Пипл». Странно, удивительно, чудесно, нереально! Это был не мой стиль, но я не могла остановиться. И не хотела останавливаться. Пожалуй, впервые в жизни я чувствовала себя кем-то другим.

Уже смеркалось, когда мы подъехали к «Лютеции» на Пятидесятой улице Манхэттена. Нас встретили с немалой помпой и усадили в саду. Барри знал здесь и владельца, и шеф-повара, и официантов.

— Ты пригласил меня на свидание? — спросила я, надеясь, что он примет мои слова за шутку.

— Я лишь хочу раз и навсегда загладить свою вину за нашу первую встречу.

Он улыбнулся. Барри был в прекрасном настроении. Я тоже. Мы выпили шампанского, потом заказали закуску, лосося под щавелевым соусом и сливовое суфле.

— Я бы и сама могла все это приготовить, — сказала я, когда мы перешли к бренди и кофе.

— Нисколько не сомневаюсь. Знаешь, мне доставляет огромное удовольствие наблюдать, как ты...

— Как я возвращаюсь к жизни?

— Как ты расцветаешь. Мне трудно даются такие признания, но это правда.

Мне вдруг стало не по себе. Неужели Барри действительно пригласил меня на свидание? Если так, то мне нечего было ему сказать. Я не была готова к серьезным отношениям и боялась потерять дружбу с таким человеком, как Барри.

Словно почувствовав мой дискомфорт, Барри подмигнул.

— Люди хотят слушать тебя, Мэгги. И таких людей все больше и больше. Им нужны твои слова, твоя музыка, твой несравненный голос. Твое знойное контральто. Тебя уже не остановить, Мэгги. Ты взлетишь на самый верх.

Слезы навернулись мне на глаза. Мне было наплевать, видит меня кто-нибудь или нет. Я была абсолютно счастлива.

Барри вытер мне щеки подвернувшейся салфеткой. Мы оба рассмеялись.

— Расскажи о себе. Откуда ты, черт возьми, взялась, Мэгги? Кто ты такая? Не называть же тебя «блондинкой в плаще», а?

Раньше я старалась держать все в себе, но в тот вечер приоткрыла створки раковины. Барри стал моим другом, и я доверяла ему, что тоже было большим шагом вперед.

— Милях в двадцати от Вест-Пойнта есть один маленький городок, Ньюберг.

— Бывал там. Не хотел бы вернуться. — Он скорчил гримасу. — Главная улица напоминает Бейрут. Тот Ньюберг?

— Когда-то это был красивый город, Барри. Расположен прямо на Гудзоне. Так что я из той, маленькой, Америки.

— Я это понял по твоим песням, Мэгги. Искренним, честным, без цинизма. Немного

сентиментальные, но что из того, верно? — Он лукаво усмехнулся.

— Ты действительно хочешь услышать мою историю? — неуверенно спросила я.

— Перестань осторожничать. Пожалуйста. Ты теперь большая звезда. Что бы ты ни сказала, людям будет интересно. А меня ты заинтересовала еще при первой встрече.

Я ущипнула себя за руку. Сильно. Зажмурилась и снова открыла глаза. Мне было трудно рассказывать о себе. Даже Барри.

Наконец я глубоко вздохнула и начала:

— Мои родители сильно пили. Это мягко говоря. Они оба были алкоголиками. Отец, когда напивался, буянил. Бросил нас, когда мне исполнилось четыре. Из-за него у меня развилось сильное заикание. Я даже плакала. Но потом справилась. Сама. Мама умерла, когда я перешла в восьмой класс. Мы, три сестры, остались с тетей Ирэн. Я жила у нее, пока не закончила школу. Сестры вышли замуж и переехали в Нью-Йорк. Учителя советовали мне идти в колледж, но я даже не представляла, как и на что буду учиться. Пошла работать в ресторан возле Вест-Пойнта. Там и познакомилась с Филиппом. Он меня любил. Говорил, что любит. И вел себя соответственно. Мне было так нужно, чтобы кто-то меня любил. Я просто не могла без любви.

Барри нахмурился:

— С Филиппом у тебя повторилась та же история, что и с отцом. Мы все упорно повторяем собственные ошибки. Причем самые худшие из них. Согласна?

— Наверное, ты прав. Он был математиком в Военной академии. Слабый. Подавленный. Уязвимый. Филипп тоже пил, но об этом я узнала позднее. Разумеется, я хотела и пыталась спасти его. Думала, что у меня получится.

— Он бил тебя, верно?

Барри протянул руку и ласково погладил меня по щеке. Я не отстранилась, потому что он был моим другом.

— Я не знала, что делать, как выбраться из этой ситуации. Мне некуда было пойти, я не представляла, на какие средства буду воспитывать Дженни. Обычно я просто уходила на чердак и писала песни. Потом пела их Дженни. Мы обе там прятались.

— Значит, ты никогда не выступала на сцене?

Я покачала головой.

— О чем ты говоришь! У меня и в мыслях такого не было.

— Ты солгала мне при устройстве на работу. Уволена!

— Ладно. Теперь я в состоянии позаботиться о себе и дочери. Спасибо за помощь.

— Не за что. Я почти ничего не сделал. Ты удивительная женщина, Мэгги. Надеюсь, когда-нибудь ты и сама это поймешь.

Я наклонилась через стол и нежно коснулась его щеки губами. Мы были друзьями, и я любила его. Я так думала, но не могла сказать ему об этом.

— Ты — самый лучший.

— Нет. Я только на втором месте. Seriously, Мэгги. И не забывай, кто сказал тебе об этом первым.

Второе июля — лучший день в моей жизни. В этот день я вместе с Дженни и Барри была на стадионе «Мидоулендс», расположенном за городской чертой Нью-Йорка.

Это я не забуду никогда. И это у меня никто не отнимет.

В половине восьмого на концертную сцену стадиона вышел пританцовывая скандально знаменитый диск-жокей Брет Вульф, манерами и одеждой напоминающий проказливого подростка, родители которого совершили большую ошибку, выпустив сынишку из дому.

Зрители не знали, кого им предложат для разогрева, но знали, что те, ради кого они здесь собрались — группа «РВСР», — появятся намного позже, в лучшем случае часам к десяти вечера.

Однако их ждал большой сюрприз.

Голос Брета Вульфа едва перекрыл шум толпы:

— Мне доставляет истинное удовольствие представить вам... — Оркестр заиграл знакомую мелодию, и на крыше стадиона вспыхнул бледный полумесяц, к которому уже мчались сияющие диски, звезды и треугольники. — Леди и джентльмены, — «РВСР»!

На стадион словно обрушилась лавина тишины, сменившаяся полным хаосом. Лениво ползшие к трибунам струйки зрителей задержались и раскатились по рядам.

— Невероятно! Это они!

— Откуда? Их не должно быть еще пару часов!

— Боже! Да что же здесь происходит?

Стоя за сценой, я видела, как взмыли в небо длинные бумажные транспаранты и голубые электрические ленты фейерверка. Клубы дыма и золотистые искры вырвались словно из кратера вулкана и медленно потянулись в сторону Нью-Йорка. Эндрю Тоун, ведущий солист группы, гибкий и сексуальный красавец, взял микрофон будто живую и смертельно ядовитую змею. Правой рукой он отбросил со лба прядь длинных каштановых волос.

— Это мы! Нас еще рано хоронить!

Он вскинул руку со сжатым кулаком, и группа заиграла песню, которая уже несколько недель возглавляла списки хит-парадов по всему миру.

За ней последовал «Чемпион».

Потом знаменитая баллада «Женщина с характером».

Публика словно обезумела. Никто не понимал, что происходит. Десятки тысяч фэнов, не ожидавших столь раннего появления своих кумиров, спешно подтягивались к стадиону.

Наконец музыка смолкла. Эндрю снова подошел к микрофону и поднял руки, призывая к тишине.

— Не волнуйтесь. Мы еще повторим эти песни, когда все соберутся. Те же, кто не поленился прийти пораньше, заслуживают особого блюда. Вы ведь настоящие любители музыки, верно?

Аплодисменты. Свист. Смех. Но загадка так и не прояснилась. Почему «РВСР» вышли так рано? Что они делают на сцене?

— Мы спели эти песни, потому что на то есть особая причина. Все они, все три, — наши лучшие. Я это знаю. И вы тоже это знаете. Верно?

Зрители бурно выразили свое согласие с мнением Эндрю.

— А дело в том, что все они написаны одним человеком, одной женщиной.

Кто-то из десятков тысяч собравшихся, наверное, знал мое имя. Кто-то, возможно, слышал о том, что я еще и пою. За спиной Эндрю Тоуна несколько рабочих выкатили на сцену пианино.

Огни погасли, остался лишь круг света, в который мне предстояло войти.

Зрители настороженно притихли. Эндрю удалось разжечь их любопытство.

— Она — настоящая женщина с характером, — продолжал Тоун, отступая в тень. — Сегодня ее первый живой концерт — вот почему мы пришли пораньше. Мы хотим представить ее вам. Так что слушайте. Откройте души. ПЕРЕД ВАМИ УДИВИТЕЛЬНАЯ, ПОТРЯСАЮЩАЯ, ВЕЛИКОЛЕПНАЯ МЭГГИ БРЭДФОРД!

Я слушала Эндрю, а он все говорил и говорил. Лишнее, подумала я. Они будут ждать слишком многого. Они будут ожидать не меня, а какую-то звездную певицу.

Я слушала Эндрю. Он говорил не обо мне. Эти слова не имели ко мне никакого отношения. Не могли иметь. Напряжение уже сдавило грудь будто стальным обручем, а я и без того с трудом брала высокие ноты со своим контральто.

В какой-то момент показалось, что я не смогу не только петь, но и играть. Я совершенно не ощущала себя «женщиной с характером». Скорее наоборот.

От волнения я едва дышала.

И все же я заставила себя выйти на сцену. Раздались аплодисменты. Теплые, но слабые. Мне вспомнились слова Эндрю: «Сегодня ее первый живой концерт».

Набравшись храбрости, я обвела взглядом громадную колеблющуюся гору лиц с яркими пятнами одежды и остановилась на кажущемся огромным и пугающим в белом пятне света пианино.

О Боже, у меня ничего не получится. На меня смотрит целый город.

Накатившая внезапно волна паники словно перенесла меня в те далекие дни детства, когда я страдала от заикания и насмешек.

Я огляделась. Многие из музыкантов оркестра были знакомы мне по записям в Нью-Йорке. Сейчас они стояли и тоже аплодировали.

— Хватит, ребята! — крикнула я. — Или вы меня не узнаете?

— Давай, Мэгги, задай им! — прокричал в ответ барабанщик Фрэнки Константины. — Ты — лучшая!

Не знаю как, но мне все же удалось добраться до пианино. Я даже ухитрилась сесть, не свалившись со стула и не лишившись чувств.

При росте в пять футов и восемь дюймов я считаюсь довольно-таки высокой женщиной, и Барри потом уверял, что выглядела я в тот вечер «потрясающе», однако у меня было такое чувство, что я снова превратилась в неуклюжую, неловкую девочку-подростка. Единственное, в чем я была уверена, так это в волосах, длинных, роскошных волосах, каскадом падающих на спину.

Я взяла в руки блестящий серебристый микрофон и заговорила:

— Я жила в Вест-Пойнте, возле Военной академии. Была домохозяйкой и матерью. Меня называли миссис Брэдфорд. Помню, мне нравилось сидеть на чердаке. И еще там жила белка по кличке Смуч. До рождения моей дочери, Дженни, белка была моим другом. Мне нравилось сидеть на чердаке, потому что там я чувствовала себя в безопасности. Там я не боялась, что муж придет и ударит меня. Там я начала писать песни.

В голове у меня словно взорвалась бомба. Я ясно увидела Филиппа, я услышала его шаги по лестнице нашего старого дома, его злой голос.

«Ты не спрячешься от меня!»

Руки задрожали.

Я заставила пальцы ударить по клавишам и запела, вкладывая в песню всю душу, все сердце:

Прекрасная хозяйка,

Чудесная жена.

Вот кем еще совсем

Недавно я была.

Я даже любила домашние дела.

Потом он поднял руку,
Потом он поднял руку,
Он руку поднял на меня,
И я как будто умерла.
А ведь была любовь, была.
Ее он смог спалить дотла,
Она со мною умерла...
Хоть я живу, но я мертва.
К чему слова... К чему слова...

Аплодисменты стали громче, а потом — что уж совсем невероятно — еще громче. Зрители притопывали в такт музыке, и шум ощущался как некое физическое присутствие, как некая сила, поднимающаяся со стадиона и возносящая меня на небывалую высоту.

И тогда я поняла, что все эти люди поверили мне. Поверили тому, что я им рассказала.

Никогда в жизни я не испытывала ничего подобного, даже во сне, и, скажу откровенно, будь моя воля, я пела бы бесконечно долго.

Так было. Теперь все иначе.

Мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь я окажусь там, где нахожусь сейчас, в нью-йоркской тюрьме.

Это кажется невероятным, непостижимым. Самый изощренный ум не смог бы представить тот набор обстоятельств, совпадение которых создало сегодняшнюю ситуацию.

Несколько дней назад меня навестила женщина по имени Дебора Грин, одна из лучших и наиболее уважаемых специалистов в области психиатрии.

Подумав, я решила, что вряд ли можно обвинять кого-то в том, что меня сочли сумасшедшей.

Мужеубийца.

Так меня окрестили репортеры.

Черная вдова из Бедфорда.

Доктор Грин ожидала меня в маленькой комнате позади часовни, и это обстоятельство заставило меня улыбнуться.

Мне было приятно узнать, что доктор Грин специализируется не на убийствах, а на делах, связанных с физическим насилием в семье.

Наверное, чтобы снять напряжение, она начала с того, что рассказала о себе, объяснила причины, почему выбрали именно ее, и добавила, что, если я почему-либо буду против, она уйдет. Спокойная, примерно моего возраста, без претензий, доктор Грин умела располагать к себе.

В общем, мне она понравилась. Что касается доверия, то оно ведь не приходит вот так сразу, верно?

— Давайте сделаем так, — сказала я. — Я расскажу вам о себе, расскажу, что знаю. Думаю, нам ни к чему таить друг от друга какие-то секреты.

В комнате была кушетка, однако я предпочла не ложиться, а сесть у стола. Доктор Грин кивнула и улыбнулась. У нее это хорошо получалось — разговаривать с людьми.

Конечно, я совсем не собиралась выкладывать ей все. Был один секрет, который я не хотела выдавать ни ей, ни кому-либо другому.

По иронии судьбы именно то, что я держала при себе, могло сыграть в мою пользу.

— Делайте, как считаете нужным, Мэгги. Хотите облегчить душу — пожалуйста. Избавьтесь от всего этого хлама.

Я рассмеялась.

— Значит, по-вашему, это хлам, да?

Да, мне хотелось облегчить душу, хотелось избавиться от скопившегося там хлама.

Мы беседовали долго, и я рассказала собеседнице обо всем, что жаждали узнать газеты и телевидение и что они не смогли бы вытянуть из меня ни за какие деньги.

Я рассказала ей о том, что меня беспокоило, что злило, чего я стыдилась.

Об отце, бросившем семью в 1965 году. О том, как он ушел однажды утром, как будто оставил не дом, не жену с детьми, а какой-то мотель, в котором переночевал на долгом пути кочевника.

О своем ужасном заикании, которое мучило меня с четырех до тринадцати лет. О том, какой одинокой, беспомощной и никому не нужной чувствовала я себя из-за насмешек сверстников. О том, как я сама, без посторонней помощи, справилась с бедой.

Я рассказала ей о том, как сочиняла песни, чтобы не слышать чужие и враждебные голоса,

звучавшие у меня в голове.

Я рассказала о Филиппе, которого все считали милым, тихим и приятным преподавателем академии, но который не был ни тихим, ни милым. Я рассказала о Филиппе, который гонял по двору со скоростью сорок миль в час на черном «корвете»; о Филиппе, у которого была коллекция оружия; о Филиппе, который сам устанавливал в доме свои правила и требовал от всех их неуклонного исполнения.

Я проговорила почти два часа, и доктор Грин не останавливала меня.

Когда я закончила, доктор Грин некоторое время молчала, потом сказала:

— Думаю, вы кое-что упустили.

— Что именно?

— Ну, к примеру, как насчет Уилла Шеппарда? Помните его?

О да! Уилл.

Человек, за убийство которого я и попала в тюрьму.

— К этому-то я как раз и подходила. Уилл — особая тема.

Уилл быстро освоил искусство притворства в школе и умело пользовался им за ее пределами. Его уже провозгласили лучшим юниором Лондона. Он пользовался огромной популярностью, по крайней мере среди девушек. А вот хорошего друга у него не было.

В начале лета, вскоре после четырнадцатого дня рождения, Уилла свалил азиатский грипп. Он даже испугался, что умрет и встретится с отцом.

Все время, пока Уилл лежал с высокой температурой, за ним ухаживала тетя Вэнни. Довольно странно, потому что раньше, когда Уилла настигала какая-нибудь хворь, еду и лекарства ему приносила тетя Элеонора. Вообще присутствие Вэнни в его жизни почти не ощущалось. Она едва маячила где-то на горизонте: почти каждый вечер уходила из дома, встречалась с мужчинами, которые, однако, быстро исчезали, уступая место другим.

Оставаясь вдвоем, Уилл и Вэнни проводили время за игрой в шахматы и разговорами. Поначалу тетя легко обыгрывала племянника, однако Уилл быстро усвоил правила и суть стратегии, так что к концу недели они сражались уже на равных. Вскоре он поймал себя на том, что ждет этих встреч со все нарастающим нетерпением и волнением.

Шахматы дали ему прекрасную возможность получше изучить тетю вблизи. Еще до болезни братья не раз и не два обсуждали Вэнни вечерами, лежа в постели с выключенным светом. Их интерес возбуждали ее мужчины, ее случавшиеся время от времени поездки в Борнмут и на юг Франции. И вот теперь, сидя за шахматной доской, Уилл мог рассматривать ее чуть ли не в упор, отмечать каждое ее движение, каждый жест.

Стоило тете Вэнни опустить глаза к фигурам, как взгляд его перепрыгивал на ее груди. Он представлял, как целует их, осторожно всасывая нежные, мягкие соски, дразняще проступающие под каждой блузкой и каждым платьем, которое она надевала. Он представлял, как откусывает каждый сосок.

— Ты не проведешь меня, как других, — сказала однажды тетя Вэнни во время напряженного поединка. — Я знаю, что ты, Уилл, очень хитер, и знаю, что ты не хочешь, чтобы мы знали об этом. Но я знаю. Я даже знаю, о чем ты сейчас думаешь, мой милый мальчик.

* * *

После шести дней болезни Уиллу стало лучше, однако перспектива вставать и идти в школу его не радовала. Правда, он мог бы снова играть в футбол, по которому жутко соскучился за неделю, но, с другой стороны, пришлось бы забыть о шахматах и встречах с Вэнни.

Около половины десятого утра в дверь постучали. Палмер уже ушел — Элеонора повела его в зоопарк «Риджентс-Парк», — и Уилл решил притвориться более больным, чем на самом деле. Ему вообще нравилось притворяться, обманывать, играть.

— Я уже проснулся, — слабым голосом отозвался Уилл, изображая из себя Малютку Тима из диккенсовской «Рождественской песни». — Войдите, пожалуйста.

Дверь открыла Вэнни. На ней было клетчатое льняное платье, туго обтягивающее груди. Первое, что он заметил, были ее груди — его взгляд всегда упирался прежде всего в них.

— Я собираюсь приготовить яичницу, — сообщила она. — Болтунью. Вы можете мне разделаться с ней, мастер Уилл?

— Съем немного, — тем же жалобным голоском несчастного Малютки Тима ответил Уилл, вкладывая в роль все свои способности. — Может быть, половинку порции.

— Уж и не знаю, смогу ли приготовить так много, — подмигнула Вэнни.

Он не удержался от улыбки.

Вэнни назвала Уилла плутом и лгунишкой. Он знал, что ей нравится его улыбка, поэтому улыбнулся еще раз, уже специально для нее.

— Тогда оставайтесь в постели, мастер Уилл. Я принесу вам завтрак.

Провожая ее взглядом, он чувствовал приятное возбуждение. Вэнни вернулась через полчаса с яичницей и картофельным пюре на двоих и села на край кровати рядом с Уиллом. Это было уже по-настоящему приятно.

Еще минуту назад он умирал от голода, как будто не ел толком целый месяц, но теперь ее близость напрочь лишила его аппетита.

— Еще не проголодался? — спросила Вэнни, приканчивая свою порцию. — Тогда как насчет последней партии? На звание чемпиона Фулема, а? Играть-то ты сможешь? По-моему, выглядишь совсем даже неплохо.

— Ладно. На чемпиона.

" — А на что мы будем играть, Вэнни? Чего стоит наше чемпионство?

— Думаю, я знаю, на что ты хочешь сыграть".

Вэнни быстро унесла поднос с посудой и, вернувшись, поставила на кровать шахматную доску.

— Самые маленькие фигурки, те, что впереди, называются пешками, — насмешливым тоном произнесла она. — Пожалуйста, сделай ход, чтобы я смогла начать громить тебя.

Уилл полностью сосредоточился на игре. Брошенный вызов задел его, пробудил в нем боевой дух, и Уилл настроился только на победу. На какое-то время он даже позабыл о ее грудях и всем прочем.

Это была их лучшая партия, с почти равными шансами на победу, но в последнюю минуту, воспользовавшись его «зевком», она взяла его ладью конем и с самодовольной улыбкой откинулась на спинку кровати.

— Боюсь, вам шах и мат, мистер Спортсмен.

— О, черт! — взревел Уилл и в отчаянии ударил ладонью по доске.

Фигурки разлетелись по кровати, упали на пол, несколько закатилось под стол.

— Типичный неудачник. Типичный мужчина. — Вэнни покачала головой. — А как, по-твоему, чувствуют себя твои противники на футбольном поле?

Оба рассмеялись и начали собирать разбросанные по спальне фигуры: ферзя из-под ночного столика, ладью, оказавшуюся на стуле, короля, спрятавшегося под тонкий коврик с имитацией восточного узора.

Ползая на четвереньках, они одновременно добрались до короля, и локоть Уилла на мгновение уперся в плечо Вэнни. Она не отстранилась. Он тоже.

Атмосфера в небольшой комнате внезапно накалилась. Уилл почувствовал, как что-то напоминающее электрический ток прошло по спине. Дыхание сбилось.

«Она хочет меня. Я был прав. Я знал».

Вэнни смотрела в его глаза. Пристально, словно хотела найти там ответ на какой-то вопрос. В спальне стало тихо. Сердце у него в груди стучало так сильно, что Уилл испугался, как бы она не услышала этот стук. Он хотел приложить ухо к ее груди и послушать ее сердце.

Не говоря ни слова, Вэнни подняла руку, и ее пальчики медленно прошли по его щеке, спустились к горлу, взбежали на адамово яблоко.

Уилл застонал.

Вэнни подалась вперед и нежно поцеловала его. Потом легко укусила за губу. И наконец обняла за шею и прижала к груди.

Ее язык, напряженный и требовательный, проскользнул в его рот.

— Мой милый, милый мальчик, — прошептала она. — Ты не такой, как все. Ты особенный, Уилл.

Руки Уилла потянулись к ней. Сначала осторожно, как будто и сами еще не могли поверить в происходящее. Потом агрессивнее, вниз и вверх по ее на удивление упругой спине. Он трогал ее лицо, шею, плечи и в конце концов добрался до благословенных, удивительных, волшебных грудей.

«Она хочет меня. Наконец-то кто-то хочет меня».

— Не так быстро, — прошептала Вэнни. — У нас есть время, мастер Уилл.

— Знаю. Я много думал об этом.

Она улыбнулась, и ее зрачки слегка расширились от удивления.

— Ты думал? Неужели?

Его рука проскользнула у нее между ног, и платье сухо затрещало, как трещит воздух от

электрического разряда.

Вэнни сама развязала узелок пояска и притянула Уилла еще ближе к себе. Он не знал, что будет дальше, что может быть дальше.

Уилл был выше ее на полфута и сильнее, хотя Вэнни тоже была сильная. Ее руки проникли к нему под пижаму, а платье соскользнуло на пол. Боже, сколько же у нее рук! И где она научилась всему этому?

Его шея и лицо горели, в ушах стоял звон, а член стал непостижимо огромным, и когда он соприкоснулся с ее обнаженной плотью, с губ сорвался возглас удивления и восторга. Не зная в точности, что именно нужно делать, с чего начинать, он быстро все понял.

Вэнни, голая, лежала на спине на его кровати, разведя ноги и раскрывая себя руками. Ее щеки были розовыми, и ему доставляло удовольствие видеть ее такой.

— Ну, Уилл. — Она протянула руку. — А теперь самое время.

Она хотела, чтобы это случилось. Она хотела его так же сильно, как он хотел ее.

Он рассматривал ее: прекрасные карие глаза; упругие, высокие груди; темный треугольник волос у развилки ног. Желание наполняло его такой силой, что он с трудом верил, что так может быть. Но самое главное заключалось в другом: Уилл знал, что надо делать. Знал, как будто это знание жило в нем давным-давно.

— Не торопись, Уилл, — прошептала Вэнни. — Не спеши.

— Не беспокойся. Я тоже не хочу, чтобы все быстро кончилось.

Тем не менее все кончилось довольно быстро, и они лежали рядом, и она поглаживала его по волосам.

— Ты очень красивый. Ты сможешь заполучить любую, кого захочешь. — Вэнни улыбнулась. — Ты просто неотразим, Уилл.

Это он уже знал, только не был уверен, что именно это значит.

Быть неотразимым. Хорошо ли это или очень, очень плохо?

Аллан Томас по кличке Капитан ничем особенным не выделялся и походил скорее на торговца, чем на тренера, но Уилл понимал, что Томас самый важный человек в его жизни.

Аллану было сорок с небольшим, и работал он менеджером футбольной команды «Хаммерсмит рейнджерс», но при этом, если верить слухам, тренировался вместе с игроками и любил заключать пари, предлагая деньги любому, кто сможет обыграть его один на один. Согласно тем же слухам, последнее не удавалось еще никому.

Мужчины, как и подобает истинным джентльменам, чинно сидели в гостиной. Элеонора и Вэнни тактично удалились, предоставив племяннику и гостю возможность поговорить о футболе.

— Я видел тебя в деле, Уилл, — сказал Томас, сразу беря быка за рога, чего и ожидал от него собеседник.

— Приятно слышать, сэр. Польщен.

Как же! Все лондонские клубы следили за Уиллом и присылали на его игры своих скаутов.

— У тебя природный талант, здесь вопросов нет. Я мог бы сделать из тебя отличного игрока. Не сразу, конечно, а за какое-то время.

Уилл спокойно посмотрел на Томаса. Он вообще все делал спокойно.

— Я уже отличный игрок, сэр. И вы это знаете, иначе не пришли бы сюда.

— Тебе всего пятнадцать. В таком возрасте игроков не бывает. Ты только потенциальный футболист.

— Я игрок.

— Вижу, от скромности ты не умрешь, — добродушно рассмеялся Томас.

— Нет, сэр, не умру. Не люблю притворяться. Я — форвард, сэр. Забивной. Мне наплевать на команду, на всех остальных. Я одиночка, мое дело — гол. Я такой же, какими были Йохан Кройф, Пеле, Герд Мюллер. Я лучший из всех футболистов моего возраста в Англии. Я сильнее их всех. Так пишут в газетах.

Томас широко улыбнулся. Дерзость этого юнца забавляла его. Впрочем, парень недалек от истины.

— Так пишут местные газеты, Уилл.

— И «Телеграф». И «Сан». Послушайте, мистер Томас, почему бы нам не поговорить начистоту? Хотите, чтобы я играл за вас? Ладно, я тоже хочу играть за вас. Короче, сколько вы будете мне платить?

* * *

— Ну, давай, Уилл, обыграй меня. Если ты на это способен. Если считаешь себя вторым Кройфом. Согласен?

После тренировки Томас и Уилл остались на поле вдвоем. Это повторялось каждый вечер. Такого маниакального стремления к совершенству Капитан не видел еще ни в ком, ни в одном прошедшем через его руки футболисте. Уилл действительно был природным голеадором, настоящим бомбардиром.

— Что я получу, если обведу? Какой мой интерес?

— Двадцать фунтов, — сказал Томас и сплюнул. Уилл рассмеялся и отошел, качая головой.

— За двадцатку я бы даже вашу жену трахать не стал.

— Ладно. Пятьдесят фунтов. Но только если пройдешь вчистую.

Уилл повернулся, принимая вызов. Томас бросил ему мяч. Уилл поймал его на ногу. Небрежно. Пусть Капитан считает его придурком, наглецом и дерьмом.

Томас принял стойку защитника.

— Ну, сынок, я готов. А ты?

Он тоже был готов, но он не был ничьим сынком.

Ложный финт влево, ложный финт вправо, проброс мяча, и вот уже Уилл мчится по полю, вскинув правую руку с выставленным в понятном всему миру жесте средним пальцем, а Томас стоит у него за спиной, застыв в позе человека, у которого бутсы приклеились к траве.

— Оставьте деньги себе, — бросил, смеясь, Уилл. — Там, куда я собираюсь, они мне не понадобятся.

* * *

Уилл Шеппард отыграл за «Рейнджерс» два года, прежде чем его контракт выкупил «Ливерпуль», бессменный чемпион первого дивизиона Английской футбольной лиги последних лет. За молодого нападающего заплатили полтора миллиона фунтов. Он уже считался самой крупной звездой Англии. За первый сезон Уилл стал лучшим бомбардиром чемпионата и едва не получил звание «Футболист года». Ему исполнилось девятнадцать лет.

Газеты с удовольствием расписывали таланты Уилла, его «врожденную агрессивность», его «сверхъестественную способность буквально летать по полю». «Он может парить, как орел, в вышине, а затем устремляется к гнезду — воротам противника», — писала о нем «Гардиан».

«Он — Белокурая Стрела, пущенная в цель».

«На футбольном поле Уилл Шеппард законченный эгоист; его менталитет — менталитет бомбардира. Он играет так, как будто больше на поле никого нет».

В девятнадцать лет имя Уилла Шеппарда начало появляться в колонках светских сплетен. Он «охотился на лис с друзьями в Глостершире», «стрелял куропаток в поместье лорда Данна близ Балморала», «играл в поло в Суинли-Форест в присутствии королевской семьи».

В двадцать лет Уилл привел «Ливерпуль» к победе в Лиге чемпионов. Его называли самой крупной звездой европейского футбола. ФИФА выдвинула его кандидатом на звание лучшего футболиста мира. «Откровенно говоря, — заявил он, комментируя решение жюри, — мне наплевать на то, кто и что думает о моей игре. Я сам скажу вам, лучший я или нет».

В то же самое время Уилл играл и за национальную сборную США, в чем проявилось его упрямое желание поддерживать связь с Америкой. Однако бегать с кучкой ослов ему быстро надоело, и он ушел из команды.

В сообщениях о нем скоро начали звучать тревожные нотки, что только подогревало интерес публики. Говорили, что Уилл злоупотребляет алкоголем, наркотиками и кое-чем похуже. Он все чаще пропускал тренировки, объясняя это «причинами личного характера». «Ливерпуль» продал звезду своему амбициозному конкуренту за два миллиона фунтов. В межсезонье Уилл принял участие в автомобильных гонках, чем грубо нарушил условия контракта. «Если я останусь в живых, это не будет иметь никакого значения. Если умру — тем более» — так ответил Шеппард на вопрос репортера.

Уилл Шеппард по кличке Белокурая Стрела оставался самим собой — абсолютно неотразимым.

Неотразимый.

Уилл сидел за рулем дорогущего красного «феррари», в котором вез Мелани Уэллсфлит в ее поместье в Сомерсете. Скорость практически не опускалась ниже девяноста миль в час, а на одном особенно опасном, узком и крутом отрезке новенький автомобиль разогнался даже до ста пятнадцати.

— Черт, это же не гоночная машина! — смеясь, воскликнула Мелани, когда ее игрушка вышла из очередного захватывающего дух виража.

— Теперь — гоночная. Ты не забыла, кто за рулем? Держись, Мел. Кто еще тебя так прокатит!

Поместье в Сомерсете не только отвечало всем ожиданиям Уилла, но и превосходило их. Газоны выглядели так, словно их обрабатывали щипчиками; двадцать шесть комнат Райертон-Холла походили на музей.

— Мой босс неплохо устроился, — заметил Уилл после того, как Мелани провела его по всем девяти спальням особняка. — Выходит, я не зря выкладываюсь на поле.

Мелани был тридцать один год, и она уже несколько лет состояла в браке с сэром Чарльзом Уэллсфлитом, владельцем футбольной команды, за которую выступал Уилл, а также прекрасной конюшни со скаковыми лошадьми и весьма уважаемого издательства. Сэру Чарльзу Уэллсфлиту шел шестьдесят девятый год.

— Этот дом принадлежал моему мужу задолго до твоего появления на сцене, — рассмеялась, обнимая Уилла, Мелани.

Их роман продолжался уже четвертую неделю. Она никак не могла насытиться им и не сомневалась, что Уилл чувствует то же самое по отношению к ней. Иногда, в редкие минуты подавленности и одиночества, бывшая топ-модель ободряла себя тем, что так притворяться невозможно.

— Я так скучала по тебе, — объявила Мелани, когда они вошли в главную спальню с величественным видом на сад с искусно подстриженными деревьями и водную террасу. — Я хочу, хочу, хочу тебя. А ты? Чего ты хочешь?

Вопрос как будто застал его врасплох. Уилл обошел просторную комнату, выдвигая ящики, открывая шкафы, перебирая ее платья. В конце концов он выбрал несколько платьев, вечерних нарядов, белье, две или три пары чулок и столько же обуви и разложил все это на кровати.

— Позволь спросить, что ты задумал, Уилл? — обиженно спросила Мелани. — Что-то я не замечала за тобой склонности к фетишизму.

— Вообще-то так оно и есть. Устроишь мне показ? Я же никогда не видел тебя во всех этих чудесных вещах. А хотелось бы.

Мелани улыбнулась. Ей нравилось его воображение, его стремление внести в секс элемент игры. Уилл Шеппард совсем не походил на других пустоголовых футболистов, которых она во множестве перепробовала в прошлом. К тому же он подтвердил закрепившуюся за ним репутацию исключительного любовника. Теперь Мелани прекрасно понимала, почему о нем так много говорят. Она просто сходила по нему с ума и не представляла, как нормальная женщина может отказаться от такого удовольствия.

Исполняя желание любовника, Мелани надевала вечерние наряды от Карла Лагерфельда, демонстрировала черные платья Джила Сандера и сандалии салона «Хлоя». Все это время Уилл сидел на кровати, абсолютно голый, наблюдая за ней и играя сам с собой.

Мелани уже убедилась в его необычайной мужской выносливости. Если у Уилла и были

проблемы в постели, то заключались они скорее в том, что он не мог достичь оргазма. По крайней мере с ней у него этого не случалось. Что ж, тем заманчивее перспективы, не так ли?

Мелани демонстрировала красное платье с перламутровым шарфиком, когда почувствовала, что желание переполняет ее, и в одно мгновение преодолела разделяющие их ярды.

— Ну же, ну же, ну же! Пожалуйста! — Она рассмеялась и театрально задвигала бедрами. — Насади меня на свой меч!

Уилл не дал ей возможности снять платье от Каролины Эрреры, стоящее несколько тысяч долларов. Он даже не позволил ей сбросить босоножки от Эрнесто Эспозито. Чулки и поясок пригодились, чтобы привязать женщину к кровати. А потом он занимался с ней любовью. Несколько часов без перерыва. Она кончала столько раз, что он даже потерял счет, но сам — ни разу.

* * *

Сэр Чарльз Уэллсфлит возвратился в свое поместье в Сомерсете около одиннадцати вечера. День выдался ужасно утомительный, заполненный долгими деловыми встречами, и он полагал, что жена, как обычно, уже спит.

Мелани, однако, совсем даже не спала, хотя и лежала на кровати. Ее глаза напоминали шарики из синего мрамора для игры в «марблс», и вид у нее был такой, словно она проплакала несколько дней подряд. Миссис Уэллсфлит была по-прежнему привязана к кровати пояском и чулками, и на ней не было ничего, кроме шарфика на шее. Лицо ее отекло и отливало нездоровой бледностью. Роскошное и дорогое итальянское белье валялось на кровати вместе с босоножками и разорванным платьем.

Летом того же года Уилл расстался с командой сэра Чарльза. Пресса высказывала самые невероятные предположения о причинах ухода, но так и не угадала истинную. Уилл устал от Мелани. Ему требовалась более масштабная сцена.

Однажды вечером, незадолго до начала нового сезона, Уилл пригласил брата в свою квартиру в Челси. Обставленная дорогой мебелью гостиная казалась едва ли не стерильной, как будто в ней никто и не жил. Из динамиков доносился голос Мэгги Брэдфорд.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал Уилл, прикладываясь к стакану с дорогим бренди.

Стакан был уже четвертым или пятым, а пластинку с песнями Мэгги Брэдфорд Уилл слушал в третий раз.

Палмер удивленно посмотрел на брата — тому никогда прежде не требовалась ничья помощь.

— Чем же я могу тебе помочь?

— Мне необходим менеджер. Думаю, ты прекрасно справишься с этой ролью. Это не спонтанное решение.

— Тебе нужен менеджер? Разве твоими делами не занимается Джейкоб Голдинг?

— Он действительно ведет мои дела. Но я говорю о личном менеджере. Мне нужен человек, который бы присматривал за мной. Держал меня подальше от неприятностей.

«Я начинаю бояться себя самого, брат. Если ты не поможешь мне, то кто тогда?»

— Хочешь, чтобы я стал твоей нянькой, а? — Палмер рассмеялся и покачал головой.

Уилл пожал плечами:

— Называй как хочешь. Так что, возьмешься? Оплата будет чертовски хорошая.

Палмер выпил бренди и поднялся:

— Нет, братец. Ни при каких обстоятельствах.

— Почему? Чем таким важным ты сейчас занимаешься?

— У меня неплохая работа в отделе маркетинга «Кэдбери». Но даже если бы я был безработным, все равно не принял бы твое предложение.

Уилл улыбнулся:

— Так сильно меня ненавидишь?

Палмер покачал головой. Волосы у него были такие же светло-русые, но только не длинные, а короткие.

— Нет. Просто не хочу жить в твоей тени. А ненависти к тебе не питаю. Не думаю, что кто-то может тебя ненавидеть.

— Тогда почему бы не помочь брату? Открою небольшой секрет: я глубоко несчастен. Я опустошен. Едва ли не каждую ночь мне в голову приходят ужасные мысли о самоубийстве.

Палмер смотрел на своего старшего брата, такого красивого, такого успешного, и не знал, верить ему или нет.

— Ты серьезно, Уилл? — Он снова сел. — Или прикидываешься? Это что, твоя очередная игра?

— Я абсолютно серьезен, черт бы все побрал! Мне даже сейчас хочется покончить с собой. Посмотри на меня повнимательней. По-твоему, я играю?

— Кажется, нет, — медленно сказал Палмер. — Господи. Ты действительно серьезен. Или уже рехнулся. А может, и то и другое.

— Мне плохо, — продолжал Уилл. — Чертовски плохо. Ты единственный, кто в силах помочь. Палмер, мы должны держаться друг за друга.

Палмер опять поднялся. На его лице появилась странная, немного печальная улыбка.

— Мне очень жаль, Уилл, но я не в силах тебе помочь. Извини. Поищи кого-нибудь другого.

Проводив брата взглядом, Уилл налил в стакан бренди и залпом выпил.

— Кого искать? — прошептал он. — Кто сможет полюбить такого, как я?

Пора посмотреть правде в глаза, Мэгги. Пора перейти к Уиллу, поговорить о нем и покончить с этим раз и навсегда. Именно этого от тебя ждут. Именно это все жаждут услышать.

Люди, особенно репортеры, часто спрашивают, как я могла влюбиться в Уилла Шеппарда. Мне всегда хочется ответить: с вами случилось бы то же самое. Не обманывайте себя. Чтобы влюбиться в него, достаточно одного взгляда.

Хотя в моем случае было иначе.

Уилл Шеппард мог быть исключительно обаятельным. Вы даже не представляете, насколько обаятельным! А мне так нужна была любовь. Больше всего на свете. Мне всегда ее не хватало. А разве у других не так? У вас, например?

В общем, так все и случилось. Я расскажу вам правду, только правду, и ничего, кроме правды. А уж верить или нет, решайте сами.

Мой первый европейский тур начался с Лондона. Было тяжело, утомительно, но прекрасно. Самое замечательное в моей жизни время. Мы с Дженни остановились в отеле «Клариджес». Мы гуляли по городу, наблюдали смену караула у Букингемского дворца, смотрели «Мышеловку», посещали Вестминстерское аббатство, любовались Биг-Бе-ном. Мы не расставались. Лучшие подруги.

В Лондоне мне предстояло дать два концерта. Меня пригласили на костюмированный бал в Мейфэре — входной билет 1000 фунтов стерлингов, деньги идут в Фонд борьбы с раковыми заболеваниями у детей.

Прежде чем отправиться на благотворительный вечер, я продемонстрировала свой костюм в гостиной.

— Мама, нет! Боже, ты же не собираешься появиться на публике в этом наряде! — воскликнула Дженни и скорчила такую гримасу, словно только что отхлебнула теплого пива.

Я поднесла к глазам расшитую золотыми узорами маску, подошла к зеркалу и рассмеялась. Дженни права. Жесткое бальное платье едва удерживало мои формы, а груди только что не вылезали из лифа. Ну и ну!

— В том-то и дело, что собираюсь. На мой взгляд, оно просто великолепно. Думаю, Барбара Картленд со мной бы согласилась.

— Кто такая Барбара Картленд? Твоя портниха? Или художник по костюмам фильма «Дракула»?

— Ты не знаешь, кто такая Барбара Картленд? Да-а. Это только доказывает, что ты ничего не понимаешь в маскарадах. А значит, не имеешь права голоса в данном вопросе.

Дженни закатила глаза.

— И кого же ты собираешься изображать? Пожалуйста, скажи. Не оставляй меня в таком жутком неведении.

— Королеву времен Людовика Четырнадцатого. А кого же еще?

Дженни прыснула со смеху, свалилась на ковер и прокатилась по комнате.

— Не знаю насчет королевы, но, по-моему, ты больше похожа на стриптизершу. Извини, извини. Шучу.

— Да уж, так будет лучше.

Я тоже рассмеялась.

Какая разница, как я выгляжу, если все происходит во сне? Ведь наяву такого просто не может быть.

Все было слишком хорошо, и я была слишком счастлива.

Это было совершенно не в моем духе. И потому так прекрасно.

Бал-маскарад проходил в доме лорда Тревелина — четырехэтажном особняке, освещенном мощными прожекторами, установленными на крышах ближайших зданий.

Одновременно со мной на стоянку въехало черное такси, из которого вывалилась шумная группа, изображающая литературный кружок Блумсбери. На женщинах были панталоны, суфражистские блузки и длинные, пышные юбки; в руках они держали запыленные книжки и корзиночки с цветами. Дженни бы это понравилось.

Войдя вместе с «суфражистками» в зал, я обнаружила по меньшей мере человек двести гостей в костюмах всех веков и народов. Все пили шампанское — мне тоже подали бокал — и весело болтали.

Толпа притихла, когда протрубила труба. По ступенькам, ведущим в главный зал, где собралась основная часть гостей, спускалась — кто бы вы думали? — сама королева Елизавета 1! Украшенная рубинами и сапфирами корона сияла в ярком электрическом свете; платье, расшитое жемчугом, было достойно настоящей королевы.

Это ведь сон, правда? Хотя и прекрасный сон.

Королевой была, конечно, леди Тревелин, наша хозяйка.

— Обед подан, — провозгласил дворецкий, и мы перешли в великолепную столовую, где нас ждали лосось и салаты, фрукты, сыры и птифуры.

По прошествии примерно часа леди Тревелин поднялась и сделала знак двум ливрейным лакеям, которые распахнули двери в просторный танцевальный зал.

Грянула музыка.

Через какое-то время ко мне подошел незнакомый мужчина. Я отвернулась и попыталась отступить, но кругом стояли люди.

Незнакомец был во всем черном, с капюшоном на голове. Лицо закрывала маска, так что я видела только глаза. Чудесные глаза. Что-то шевельнулось во мне. Странно.

— Вы — Мэгги Брэдфорд, — сказал он. — Пожалуйста, отдайте мне свои драгоценности, или мне придется украсть их.

— У вас преимущество, — ответила я. — Вы знаете мое имя, но я не знаю, кто вы.

Он поклонился и, взяв мою руку, поднес ее к губам.

— Я — Раффлз, знаменитый вор. К вашим услугам. И я, пожалуй, возьму ваше сердце, а не драгоценности.

Я не могла отвести от него взгляд.

— Тогда позвольте и мне увидеть ваше лицо. Не могу же я отдать свое сердце неизвестно кому.

Он вел себя как-то странно. Многие мужчины пытались соблазнить меня после того, как я стала кем-то, добилась известности, но здесь ко мне применили новый подход.

«И я, пожалуй, возьму ваше сердце, а не драгоценности».

Незнакомец снова поклонился и одним движением снял капюшон и маску.

Передо мной стоял, говорю это без всякого преувеличения, самый красивый из всех мужчин, каких я когда-либо видела. Длинные светло-русые волосы падают на плечи, зеленые глаза лучатся светом. В голове у меня зазвучала музыка. Судя по смуглой коже, он много времени проводил под открытым небом, но морщины пощадил лицо, которое оставалось по-юношески гладким. Улыбка приоткрыла идеально ровные белые зубы.

— Раффлз? Неужели? А как вас называют при свете дня?

— Уилл. Уилл Шеппард.

Он отступил на шаг, вероятно, желая насладиться произведенным эффектом.

Никакого эффекта. Его имя не говорило мне абсолютно ничего. Я никогда его не слышала.

— Очень приятно. — От меня не укрылся некоторый акцент. — Вы американец?

— Родился в Америке. Большую часть жизни провел в Англии. Что касается акцента, то мне не хотелось, чтобы меня принимали за англичанина. Я, знаете ли, бываю иногда довольно упрямым. Точнее, почти всегда.

— И чем же вы занимаетесь, мистер Шеппард? Когда не похищаете драгоценности?

Его улыбка стала еще шире.

— Боюсь вас разочаровать, но я играю в футбол. У вас это называется соккер. Вы могли бы посмотреть, как я играю.

— С удовольствием. Когда-нибудь. Хотя, должна предупредить, я не большая поклонница спорта.

— Зато я ваш стойкий и преданный поклонник. Мне нравятся ваши песни. Особенно слова. — Он вдруг взял меня за руку. — Я постоянно слушаю вашу музыку, Мэгги Брэдфорд, и хочу, чтобы сегодня вечером вы поехали со мной. Я говорю правду. Мы будем заниматься любовью. Давайте уйдем отсюда. Вы ведь тоже этого хотите.

Как он посмел сказать мне такое? Как мог... «Вы ведь тоже этого хотите».

— Как вы смеете подобным образом разговаривать со мной! — крикнула я, перекрывая звучащую в зале музыку.

Я ударила его по лицу. Сильно. Наотмашь.

Он отступил, похоже, удивленный. Мой крик, должно быть, долетел до музыкантов, потому что они остановились, не доиграв мелодию. Все повернулись и уставились на нас.

Мне было наплевать — пусть смотрят! Его прикосновение — прикосновение Филиппа, его слова — слова Филиппа.

— Если вы действительно слушали мои песни, то должны были понять, что я думаю о таких, как вы. — Голос мой дрожал, меня трясло. — Вы испортили мне вечер. Мне совершенно безразлично, кто вы такой, пусть даже лучшим в мире футболист. Для меня вы — заурядная мразь, дрянь, и если вы еще хоть раз осмелитесь заговорить со мной, я... — убью вас, едва не сорвалось у меня с языка.

Он уже повернулся и направился к выходу, поэтому я не закончила. Он шел размеренным шагом, высоко держа голову, по-мужски твердо, провожаемый взглядами всех присутствующих.

Я застыла на месте, стараясь совладать со смущением, отвращением и гневом. Снова заиграла музыка, и гости обратились к танцам. Леди Тревелин подошла ко мне и погладила по руке.

— Извините, — сдерживая слезы, пробормотала я. — Мне очень жаль, что так случилось. Я вовсе не собиралась устраивать сцену, но... извините.

— Даже и не думайте, — с улыбкой сказала она. — Уилл Шеппард получил по заслугам, и в этом зале нет женщины, которая не аплодировала бы вам сейчас. Это, конечно, не значит, что они не готовы при первой возможности запрыгнуть к нему в постель. Но в любом случае мы все благодарны вам.

На то судебное заседание меня повезли утром. Не помню, каким по счету оно было, но помню, что одним из самых ранних. Выход за пределы камеры всегда приятен, пусть даже только для того, чтобы прокатиться от тюрьмы до здания суда и обратно.

Разумеется, поездка легкой не получилась. Конечно, в нашей стране человек считается невиновным до тех пор, пока суд не докажет обратное, но множество людей уже вынесло вердикт заочно. На меня повесили ярлык убийцы. Для одних я виновна в убийстве, другие просто считают, что я спала со всеми подряд и поплатилась за это, хотя, видит Бог, в этом предположении нет ни грана правды. Больше и глубже ранят те, кто называет меня плохой матерью. Если бы они увидели нас, всех троих, вместе или расспросили обо мне моих детей, то сразу бы поняли, как сильно ошибаются.

Но меня осудили досрочно. Женщины, как оказывается, виновны до тех пор, пока не докажут обратное.

Итак, в то солнечное летнее утро я отправилась в суд, радуясь уже тому, что оказалась на улице. В воздухе плыла пыльца, и многие прохожие чихали, а припаркованные машины покрывал тонкий слой зеленоватой пыли.

Тюремные охранники знали меня и, проявляя сочувствие, старались защитить от собравшейся у здания суда толпы. Некоторые из моих «поклонников» размахивали заранее приготовленными плакатами: «Мэгги — убийца», «Мэгги — черная вдова» и «Посадите Мэгги на стул — она устала от убийств».

— Опустите голову и просто следуйте за нами, — сказал один из охранников.

После многих дней взаперти мне хотелось оглядеться, может быть, увидеть знакомое лицо, но охранник был прав. Я опустила голову, хотя с опущенной головой обычно ходят виновные.

Репортеры — люди хитрые и прекрасно знают, где нужно спрятаться, чтобы выскочить из засады, когда их жертва менее всего ожидает подвоха.

Как обычно, на меня обрушилась лавина самых бестактных вопросов. Некоторые из репортеров совали микрофоны чуть ли не в лицо — может быть, хотят, чтобы я им спела?

Какая-то женщина с жидкими обесцвеченными волосами перегнулась через веревочное ограждение.

— Мэгги! Послушайте, Мэгги! Пожалуйста! — умоляюще прокричала она.

Я невольно повернулась, встретившись с ее взглядом.

— Как насчет Патрика? — неожиданно спросила она. Из-за ее спины в меня безжалостно целился объектив телекамеры. — Его вы тоже убили? Убили, Мэгги?

Никогда в жизни я не плевала в человека. Никогда. Но в то утро я плюнула в ту женщину. Сама не знаю, что на меня нашло.

Разумеется, оператор успел это заснять, чтобы показать уже в ближайшем выпуске новостей и потом еще много-много раз.

Вот она, настоящая Мэгги Брэдфорд.

Как насчет Патрика?

Вы убили трех мужчин, Мэгги?

Никто особенно не удивится, если вы сделали это.

— Бухгалтеры ни черта не понимают. А если так, то с какой стати мы им платим? Без этих расходов я как-нибудь проживу!

Так говорил Патрик О'Мэлли, стоя на пороге ванной комнаты, на третьем этаже своего до сих пор остающегося безымянным отеля на углу Шестьдесят пятой улицы и Парк-авеню.

Объектом гнева в данном случае стал его бухгалтер и финансовый директор Морис Фройнд. Мнение босса о бухгалтерах Фройнд слышал уже не раз, а потому реагировал на него спокойно.

— Мы оба знаем, во что это обойдется. Ты запросто сможешь сэкономить.

— Мыло «Пирс» необходимо! — бушевал О'Мэлли. — И полотенца «Порто» тоже необходимы! И без джакузи эти апартаменты не имеют права называться апартаментами!

Фройнд вздохнул и пожал плечами:

— У нас есть хорошие новости: все номера уже зарезервированы. И есть плохие: мы теряем деньги на каждом предварительном заказе.

— Пересмотрим чертовы цены. Если обещаешь лучшее, то и давать надо лучшее, а мой отель будет лучшим, черт возьми, или я засуну это мыло в твою задницу!

— Я не против, если это будет «Пирс», — усмехнулся в ответ Фройнд.

О'Мэлли хмыкнул.

— Строители идут по графику?

— Да. По своему графику. С опозданием на восемь месяцев и перерасходом на двадцать процентов.

— Но это все же меньше, чем мы первоначально прикидывали?

— На десять процентов.

— Так возьми на мыло и полотенца из этих денег.

— Невозможно. — Фройнд взял босса за руку и повел к лифту. — Зная тебя, могу предположить, что перерасход будет по всем статьям. Нам придется поднимать цены.

Если О'Мэлли и имел по этому вопросу свое мнение, он предпочел оставить его при себе и перевел разговор на другую тему.

— Я знаю, как его назвать.

Хорошее известие, подумал Фройнд. И вовремя.

— Как?

— Я хочу назвать его «Корнелия».

— "Корнелия". Отлично! — Фройнд знал, что босс наблюдает за его реакцией, но притворяться не пришлось — восхищение было искренним. — Очень хорошо. Прекрасный выбор. Идеальный вариант.

— Не знаю, называли ли какой-то отель мирового уровня именем женщины, но... — В голосе О'Мэлли зазвучала нотка неуверенности, почти робости.

— Уникальный отель вполне достоин уникального названия. Да и время подходящее.

— Корнелия и сама была уникальной женщиной, — сказал О'Мэлли. — Это уж точно. Ладно, Морис, по крайней мере в чем-то мы согласны.

Фройнд с серьезным видом пожал ему руку. Похоже, этот бухгалтер не был лишен человеческих чувств.

— Отель станет данью памяти той единственной женщине, которую ты любил.

На протяжении более двадцати лет Корнелия и Патрик О'Мэлли были и оставались одной из самых уважаемых и, вне всякого сомнения, популярных супружеских пар Нью-Йорка. Совершенно, казалось бы, разные: он грубоватый, неотесанный, всего добившийся сам предприниматель, создавший сеть высококлассных отелей на территории США, в Европе и Азии; она светская красавица, бросившая вызов своей семье тем, что сначала влюбилась, а потом и вышла замуж за католика, который не учился в Принстоне, — они на самом деле прекрасно подходили друг другу. Сдержанность и невозмутимость Корнелии умеряли его горячность и пыл, тогда как страсть Патрика возбуждала ответные чувства в ней. В общем, на тех высочайших орбитах, на которых вращаются богатейшие из богатых, они напоминали две луны, незапятнанные и тенью скандала. Несмотря на многочисленные соблазны, Патрик сохранил верность супруге, и его поддержка всегда давала силы той, у которой под броней величественных манер расцвели нежность и доверие.

Так было до тех пор, пока глиобластома не отняла у нее жизнь за восемнадцать месяцев, силы и волю намного раньше и не оставила Патрика в возрасте пятидесяти четырех лет ни с чем, если не считать богатства, мятежного сына Питера и сочувствия друзей.

* * *

Сейчас Патрик О'Мэлли возводил самый величественный из своих отелей на месте старинного особняка, взяв пример с Хелмсли. Проект предусматривал четыреста номеров, включая семьдесят апартаментов, в некоторых из которых сохранялся мрамор Уизерспун-Хауса. Гостям предлагалось на выбор несколько стилей: итальянский Ренессанс, французский восемнадцатого века, ультрасовременной Америки.

И в каждом номере «Корнелии» — О'Мэлли с удивлением спрашивал себя, почему не подумал об этом названии раньше, когда только планировал строительство — мыло «Пирс» и полотенца «Порто». Он намеревался возвести настоящий гранд-отель, ничем не уступающий тем, которые строились в лучшие времена, до появления бухгалтеров.

В отеле О'Мэлли провел весь день: утром встретился с Фройндом, затем лично проследил за ходом работ по шлифовке мраморных колонн, проверил освещение и мебель в «Золотом баре», в полдень вызвал главного архитектора Майкла Харта.

Разговор продолжили за ленчем. Харт остановился на самых важных вопросах, касавшихся, в частности, золочения украшений главного фойе и резьбы над окнами у входа на Лексингтон-авеню.

Оставшись один, О'Мэлли прошел в кухню, где были наконец, после четырнадцатинедельного опоздания, установлены плиты и духовки, и с удовольствием отметил, что посуды вполне достаточно для того, чтобы открыть большой скобяной магазин на Манхэттене.

В половине восьмого, проходя в очередной раз через главное фойе, он оказался под антикварными часами, украшавшими некогда Зимний дворец Екатерины Великой.

В центре атриума возвышался оригинальный фонтан Бернини, перевезенный из Рима и реставрированный во всем своем великолепии и блеске. Водопроводные работы были завершены буквально несколько часов назад, и руководитель подрядной фирмы «Тимоти Салливан» сам позвонил О'Мэлли, чтобы объявить о том, что все системы работают.

— Значит, все готово, — пробормотал О'Мэлли, нажимая кнопку.

Струи воды с тихим журчанием хлынули вверх и в стороны, и лицо владельца отеля осветилось счастливой улыбкой ребенка, получившего долгожданный рождественский подарок.

— Черт, красиво, — пробормотал он, стоя в пустом фойе. Однако, понаблюдав за фонтаном со стороны, Патрик пришел к выводу, что напор должен быть сильнее, а струи подниматься выше.

О'Мэлли покрутил регулятор, однако положение не изменилось. "Вода на этом уровне никогда не попадет под солнечные лучи, — подумал он. — Давление явно недостаточное. Как эякуляция у девяностолетнего старика.

Это все Салливан. Вот же пройдоха. Все системы действуют! Я ему устрою так, что у него уже никакой эякуляции не будет!"

Он тряхнул головой, как бы делая мысленную пометку на следующий день, снова прошел через фойе и остановился у двери, чтобы проверить часы.

Восемь шестнадцать! Часы в фойе спешили на три минуты!

В груди похолодело. «Успокойся, Пэт», — услышал он голос Нелли. Но разве можно оставаться спокойным, когда тебя со всех сторон окружают некомпетентные ослы и жополизы? Да и что толку беречь себя, когда после смерти Нелли в жизни не осталось ничего хорошего.

Когда Дженни исполнилось тринадцать и пришло время отправлять ее в среднюю школу, я купила красивый дом на Гринбрайер-роуд в городке Бедфорд, в штате Нью-Йорк. Мы обе решили, что настала пора обзавестись постоянным, настоящим жильем. А самое главное, мне хотелось, чтобы дочь ходила в хорошую школу.

Я испытывала потребность в стабильности, спокойном и тихом окружении для себя и Дженни. Дом выбирали вместе; нам пришлось по душе и место, где предстояло жить, и сам город Бедфорд. Наша мечта наконец-то сбылась.

К тому времени мои приоритеты окончательно определились и я значительно сократила количество концертов, стараясь меньше гастролировать и чаще бывать с Дженни. Я никогда не считала себя звездой, не собиралась вести «звездный образ жизни» и воспитывала дочь соответственно.

Годы жизни с Филиппом научили меня не рассчитывать на большее, чем покой и согласие в семье. Все не так уж плохо, постоянно повторяла я себе.

В Бедфорде для Дженни нашлась чудесная школа, и мы жили всего в часе езды от Нью-Йорка, так что я могла и наслаждаться уединением, и не отставать при желании от светской жизни. В общем, город представлялся нам идеальным местом, тихим и уютным, вполне подходящим для того, чтобы стереть из памяти неприятные следы уходящей в прошлое трагедии.

Дженни назвала наш дом «Шангри-ла, ла, ла» и объяснила, что это имя надо не говорить, а петь. У нее был хороший голос, а чувство юмора и того лучше.

* * *

Вечера в нашем доме проходили по большей части в блаженной тишине, нарушаемой лишь пением птиц, редким тьяканьем соседской собачонки да музыкой, звучащей из машин проезжающих подростков. Именно это последнее напоминало мне о детстве, проведенном в Ньюберге, который, кстати, находился в тридцати милях к северу.

Вот почему я так удивилась, когда однажды апрельским вечером услышала громкий стук в дверь. Гостей мы не ждали. Проблем с полицией, насколько я знала, у меня не возникало. Дженни в своей комнате делала уроки, и я надеялась, что она еще слишком юна для того, чтобы обзавестись нервным бойфрендом.

О том, что Мэгги Брэдфорд живет в Бедфорде, знали немногие, так что неожиданный гость вряд ли мог быть поклонником или хулителем. Может быть, кто-то просто ошибся и постучал не в ту дверь?

Немного обеспокоенная, я подошла к двери и прильнула к глазку. На крыльце стоял незнакомый мужчина в помятом, но не дешевом костюме, со сбившимся галстуком, растрепанными волосами и апоплексическим лицом. Сочтя его достаточно безобидным, я открыла дверь.

— Миссис Брэдфорд? — с ноткой раздражения спросил он.

— Да. Чем могу вам помочь? И откуда вы знаете, кто я?

— Ваше имя указано на почтовом ящике. Дедукция.

— На двери есть кнопка звонка. Почему бы не воспользоваться ею вместо того, чтобы стучать?

— Кнопка? — Его удивление показалось мне вполне искренним. — Наверное, не заметил.

От злости. Прошу извинить.

Если незнакомец и был зол, то злость его, очевидно, уже испарилась. Во всяком случае, никакой опасности в нем не чувствовалось, и я пригласила его войти.

— В чем все-таки дело?

Он проследовал за мной через прихожую в гостиную.

— Если бы я строил отели так же, как «Дженерал моторс» собирает автомобили, меня бы давно уже распяли. Эти чертовы...

Вот и объяснение.

— У вас проблема с машиной?

— Вот именно. Новенький «мерседес». Кабриолет. Еще и тысячи миль не пробежал. И вот я, усталый как черт после рабочего дня, выкатываю на шоссе, никому не мешаю и... Что вы думаете? Этот сукин сын берет и подыхает. В прямом смысле слова подыхает. Без всякого предупреждения. Даже без предсмертных судорог. Как будто говорит: «Да пошел ты, Патрик!» А есть ли у меня в машине телефон? Конечно, нет. Если бы был, я бы, разумеется, им воспользовался, но мне нравится возвращаться домой, ни на что не отвлекаясь, предаваясь приятным мыслям и наслаждаясь благословенным покоем. Единственная причина, оправдывающая присутствие телефона в автомобиле, — это возможность поломки, но кто думает о поломке, катаясь на новенькой машине, за которую выложил восемьдесят тысяч долларов? Никто. Вот так. Ха! — Он вдруг остановился и улыбнулся. Улыбка сделала его похожим на Пола Ньюмана. — Можно от вас позвонить? Я, наверное, единственный ирландский католик, который является членом ААА, а не АА^[1].

— Да, конечно, звоните, — ответила я, с трудом сохраняя серьезность. Он был смешной и естественный, по крайней мере в тот вечер. — Телефон у меня в кабинете. Но что вы делали на Гринбрайер-роуд в такой поздний час?

— Я живу на Гринбрайер-роуд. Примерно в трех милях отсюда. Вы, наверное, тысячу раз проезжали мимо моего дома. Меня зовут О'Мэлли. У меня громадный дом в георгианском стиле. Живу в нем, чтобы производить впечатление на друзей.

Я знала дом, о котором говорил мой гость. Точнее, видела. Он действительно был одним из самых внушительных на Гринбрайер-роуд.

— Вы упомянули об отелях. Тогда вы, должно быть...

— Да. Патрик О'Мэлли. Как раз сейчас я строю отель на Парк-авеню. «Корнелия». Вам нравится название? Скажите, что нравится, и будете первой его гостьей.

На сей раз я уже не удержалась и рассмеялась.

— Осторожнее, мистер О'Мэлли, я могу поймать вас на слове. Хотите выпить?

Он поклонился:

— Вы очень, очень любезны. Скотч, пожалуйста.

Я отвела О'Мэлли в кабинет, а сама прошла в кухню. В этом богаче было что-то располагающее, искреннее и вместе с тем смешное. Мимикой он напоминал классических комиков времен немого кино.

Гости у меня бывали не часто и в основном из музыкального мира. Посторонних в свой уютный, безопасный, закрытый мирок я почти не допускала, убеждая себя, что мне так нравится. На самом деле мне это совершенно не нравилось.

Я налила виски, вернулась и вошла в кабинет, предварительно постучав. То, что я там увидела, заставило меня остановиться и рассмеяться.

Патрик О'Мэлли снял свой смятый пиджак и аккуратно повесил его на спинку стула. Черные туфли стояли рядом.

Сам же он лежал на моем старом цветастом диванчике и крепко спал.

На следующее утро я проснулась довольно рано, однако, спустившись вниз, обнаружила, что Патрик уже ушел. Мы с Дженни совершили обычную трехмильную пробежку, позавтракали, и она отправилась в школу. Я ушла в кабинет, где поработала над новой песней, она называлась «Жестокая, как любовь».

В половине одиннадцатого меня ждали на конном дворе. Жизнь текла размеренно и спокойно, и я чувствовала себя вполне довольной таким ее течением. Может быть, в ней чего-то не хватало, но и причин жаловаться у меня определенно не было.

Около полудня во двор въехал грузовичок службы доставки, и парнишка с торчащими оранжевыми волосами и пластмассовыми солнцезащитными очками торопливо вручил мне букет перевязанных ленточками фрезий.

К букету прилагалась карточка. О'Мэлли, подумала я, испытываю странное радостное волнение.

Дорогая Маргарет Брэдфорд!

Прошу прощения за то, что не сразу вспомнил ваше имя, но я слушаю только «Клэнси бразерс».

Не уверен, что после случившегося наберусь смелости предстать перед вами еще раз. Но попытаюсь. Сделаю все, что в моих силах.

Не будете ли вы столь любезны пообедать со мной на этой неделе в любой удобный для вас день? Позвольте мне исправиться.

У вас самые прекрасные голубые глаза, которые я когда-либо видел, и я торжественно обещаю слушать ваши песни, пока не выучу их наизусть.

Кающийся соня (ваш сосед) Патрик.

Глаза у меня совсем не голубые, а карие, и я подозревала, что Патрик О'Мэлли знает об этом и знает о том, что я знаю, что он знает.

Пообедать? Почему бы и нет? Надо же обзаводиться знакомствами в Бедфорде. Я оставила сообщение на его автоответчике, выбрав для обеда четверг.

Голубые глаза — это у Синатры, а не у меня.

Как ни странно, обед удался на славу. Я смеялась как сумасшедшая. Парик оказался замечательным рассказчиком, и каждая его история переплеталась с другой, за ней следовала следующая, и так бесконечно. У него была чудесная теплая улыбка и поразительно щедрая натура. Я поняла, что обрела первого друга в Бедфорде, и это было приятно.

В последующие недели мы виделись еще несколько раз, и я неизменно наслаждалась его совершенно особенным, немного мрачным, но при этом доброжелательным чувством юмора, его способностью замечать комичное в самых, казалось бы, обыденных ситуациях, его сентиментальными, но тем не менее трогательными рассказами о детстве, прошедшем в большой ирландской семье, его по-детски наивным желанием поселить своих родителей в апартаменты для новобрачных в первом построенном им отеле.

Патрик объехал много стран, что дало мне повод называть его самыми разными именами: Падриак, Патрис, Патрицио. Я видела, что ему это приятно. Сам он никогда не называл меня иначе, как Мэгги или, иногда, Маргарет, что делала только мама в далеком детстве.

— Вообще-то моей первой любовью было море, — рассказывал Патрик, — и когда я вспоминаю Ирландию, то вижу в первую очередь море.

У него была небольшая яхта, и однажды утром, не дожидаясь выходных, мы дошли с ним до Зунда. Патрик решил отдохнуть от отеля, а я позволила себе оторваться от пианино и привычной рутины.

День выдался теплый и ясный. Мы шли вдоль берега, и я, наблюдая за мчащимися по дороге машинами, чувствовала себя счастливницей.

— Завидуйте, несчастные! — крикнул Патрик и рассмеялся.

Он, вероятно, уже успел вовлечь в заговор Дженни, потому что на борту обнаружили продукты из моего холодильника, из которых мы приготовили привычный для меня завтрак. Не забыл Патрик и мои любимые соки и витамины.

— Так ты все-таки покончила с ублюдком, Мэгги? — неожиданно, как всегда спонтанно, спросил Патрик, и я поняла, что речь идет о Филиппе.

Мы говорили с ним о моем бывшем муже, но не очень много.

— И да, и нет, — ответила я, зная, что могу говорить то, что думаю и чувствую.

— Понимаю. — Он обнял меня одной рукой, другой направляя нос яхты навстречу волнам. — Жаль, но ничего не могу тебе посоветовать. Стрелять в мерзавцев мне не приходилось, хотя некоторые это заслужили. Ты не обижаешься, что я говорю об этом в таком легком тоне? Знаешь, я ведь по-другому не умею.

Я кивнула. Даже когда дела шли совсем плохо, Патрик сохранял способность шутить. Он постоянно смешил меня, и мне это нравилось.

— Нет, не обижаюсь. Он действительно был ублюдком, и мне остается только сожалеть о своей ошибке, о том, что я вышла за него замуж.

Патрик сердито махнул рукой:

— Перестань! Он просто воспользовался твоей молодостью и неопытностью. Разыгрывал из себя настоящего офицера, кормил обещаниями, лгал. Я знаю, что надо сделать. Давай поплывем на север, к Вест-Пойнту. Раскопаем могилу и разбросаем кости.

Я покачала головой, но не удержалась от улыбки.

— Ты меня смешишь.

— Такая уж у меня работа. Неплохо получается, а? Я посмотрела на него:

— А что, по-твоему, получается у меня?

Патрик развел руками:

— О, всё. По крайней мере всё, что я видел. Тебе, пожалуй, не хватает открытости, но это единственная область, где еще можно что-то улучшить.

— Ты забавный и очень милый.

— Думаешь?

— Уверена.

— Тогда послушай, что я скажу. Мне далеко до тебя. Ты прекрасный человек. Это видно по тому, как ты разговариваешь, как думаешь, как воспитываешь Дженни. Это видно из твоих песен. Потому твоя музыка так популярна.

— Я не...

— Не возражай. Я знаю, что говорю. И хочу попросить тебя об одолжении. Об очень большом одолжении.

Я напряглась.

Патрик моргнул.

— Видишь, что он с тобой сделал, милая Мэгги? Меня трясет от злости, когда я вижу, что тебе страшно. У тебя это превратилось в рефлекс. Твоя спина как стиральная доска.

— Я поправляюсь.

— Знаю. А теперь успокойся. Не сжимайся. Я попрошу тебя об одолжении. Об очень большом одолжении. И это самое прекрасное, о чем я только могу мечтать.

Я не могла, представить, о чем идет речь. Напряжение ушло — с Патриком мне было покойно и хорошо, — но о чем он мог попросить?

— Ладно, говори. Сделаю все, что смогу. Видишь, как я тебе доверяю?

— Отлично. Это самые чудесные слова, которые я от тебя слышал. А теперь, Мэгги, я хочу попросить, чтобы ты сделала для меня то, что не может сделать никто другой.

Спой одну из своих песен. Любую, по своему выбору. Прямо сейчас, здесь. Спой для меня одну из твоих чудесных песен. Пожалуйста.

Разве можно отказать в такой прекрасной просьбе?

Я спела для Патрика.

Однажды вечером, примерно через неделю после той прогулки на яхте, я отвезла Дженни в дом ее подруги Милли, а сама поехала к Патрику.

Он встретил меня сообщением, что «дал выходной шеф-повару и посудомойке», а потому обедать нам придется тем, что ему удалось приготовить «на скорую руку»: жареными лобстерами в чесночном соусе, жареной картошкой и приготовленной на углях кукурузой. «Просто, но со вкусом».

После обеда мы прогулялись к яблоневому саду, раскинувшемуся в дальнем конце его владений. Там Патрик обнял меня за талию и нежно поцеловал в макушку.

— От тебя пахнет цветущими апельсинами.

— Скорее шампунем «Нет больше слез» от «Джонсон и Джонсон».

— Все равно. Запах чудесный.

Он поцеловал меня в щеки, потом в лоб, потом в нос и подбородок. Потом кончик его языка дотронулся до моих губ.

Я отстранилась. Мы целовались и прежде, и я всегда отстранялась, хотя никогда не ощущала его страсти по-настоящему. В тот вечер все было иначе. Патрик целовался изумительно, и мне казалось, что его сердце бьется вместе с моим.

Рядом с ним я чувствовала себя в безопасности. Ночной ветер тихо шептал что-то, шевеля листьями деревьев. Патрик поцеловал меня снова, и на этот раз мое тело отозвалось.

Невозможно закрываться всю жизнь. Невозможно прожить всю жизнь в страхе.

— Давай вернемся, — сказал Патрик. — Я однажды уже спал в твоём доме. Причем не получив на то никакого разрешения, о чем ты мне постоянно напоминаешь. А ты останешься на ночь у меня?

Я повернулась к нему и улыбнулась, впервые за все время радуясь тому, что Дженни осталась у подруги.

— Надеюсь, ты предложишь мне что-нибудь получше, чем диван.

— Конечно, — прошептал он, прижимая меня к себе. — Идем. Пожалуйста. Доверься мне.

Должно быть, страх оказался сильнее, чем я думала, потому что даже Патрик ощущал его. Доверься мне. О, как бы я хотела! Мы повернули к дому, когда перед моими глазами встало перекошенное злобой лицо Филиппа. Я невольно поежилась. Будь он проклят! Может быть, нам действительно стоило разрыть его могилу и разбросать кости?

— Знаешь, нам ведь некуда спешить, — словно догадавшись о моих страхах, сказал Патрик. — Я не знаю всего, что случилось с тобой тогда, но мы вполне можем позволить себе подождать. Ты первая за долгое время женщина, которая так много значит для меня, и я хочу, чтобы мы оба делали только то, что хотим.

Где еще встретишь такого внимательного и любящего мужчину?

Я знала, что могу довериться ему.

— Давай вернемся в дом, Патрик, — сказала я и с трудом узнала собственный голос. — Мы оба сегодня хотим одного и того же.

Необычно тихо и молча мы разделись в залитой лунным светом просторной спальне Патрика на втором этаже. Мне казалось, что тишина только усиливает биение сердца. Какие только мысли не лезли в голову, какие только сомнения не одолевали меня.

Он расстанется со мной, когда узнает получше. Достаточно ли хорошо я его знаю? Расслабься, Мэгги. Пожалуйста, просто расслабься.

Он выглядел прекрасно. Подтянутый живот человека, который много работает и мало сидит. Мускулистые ноги. Широкая грудь, покрытая серебристыми и светло-каштановыми волосками. Мне было приятно видеть его таким.

Раскройся, Мэгги. Не бойся. Время пришло.

Он обнял меня и осторожно привлек к себе, целуя волосы и шею. Мы стояли у окна, и он ожидал, пока я буду готова. Мне почему-то казалось, что он мог ожидать очень и очень долго.

Патрик снова поцеловал меня, и у меня появилось вдруг чувство, что нас притягивает друг к другу. Нежными, легкими поцелуями он покрывал мои глаза, лоб, щеки. И в какой-то момент я ответила. Я тоже его поцеловала.

— Милая, милая Мэгги, — прошептал Патрик. Он знал, что мой страх еще не ушел. Он всегда знал, что я чувствую. Патрик был очень умным и проницательным, но никогда не выставлялся, никогда не стремился произвести впечатление на других. — Ты чудесная. Ты совершенно особенная. Я обожаю тебя, Мэгги.

Я слушала его голос.

Легко, словно пушинку, он поднял меня на руки и понес к широкой кровати. В какой-то момент душа моя словно воспарила на крыльях, как будто Патрик разрубил невидимые цепи, годами державшие меня в плену. Дальше все походило на волшебный медленный танец. Для меня это было таким новым — может быть, потому, что я уже забыла, как это бывает, а может быть, никогда и не испытывала ничего подобного.

Из некоего потаенного места внутри меня, из места, о существовании которого я давно позабыла, пробился источник наслаждения, и волны его растеклись по мне. Боже, как не хватало мне этого ощущения.

В ту ночь оно приходило снова и снова.

— Добрый, нежный Патрик, — прошептала я улыбаясь. — Ты слишком хорош для меня. Нет, ты просто хорош, точка.

— Это же только начало, — тоже улыбаясь, ответил он. — Дальше все будет еще лучше. Поверь мне. Поверь в нас.

И я поверила. Наконец-то смогла поверить другому человеку.

Уилл Шеппард должен был бы чувствовать себя на вершине мира, но почему-то не чувствовал. У него была слава, у него были деньги, но и то и другое не давало чувства удовлетворенности. Более того, раздражало. В ту ночь он вдобавок ко всему перебрал с кокаином.

Лондонский оборотень вышел на охоту. Берегись.

Две дозы наркотика — одну он принял в самом начале концерта, вторую непосредственно перед появлением Мэгги Брэдфорд — оказали свое действие, и Уилл ощущал себя всемогущим и всемогущим. А почему бы, черт возьми, и нет? Он был звездой не только на футбольном поле, но и среди той публики, которая собралась в тот вечер на представление в «Альберт-холле».

Ему то и дело приходилось оглядываться, улыбаться, махать рукой. Вон Пит Тауншенд, а это Стинг, там Мик Джаггер, а здесь новенькие, группа «Хэзбинс». И даже Руперт Мердок и Маргарет Тэтчер, два человека, уничтожающих Англию.

Все они пришли, чтобы послушать Мэгги Брэдфорд, позволить ей излечить их измученные души. Да, именно такой эффект производили на людей ее баллады. Ее песни были настоящим чудом, в них замечательно соединялись выразительная мелодия, проникновенные слова и чарующий, завораживающий голос. Ни один исполнитель не мог вложить в одну песню столько разных эмоций, столь доходчиво и убедительно передать сложность современной жизни. По крайней мере так казалось Уиллу.

Ее выход на сцену приветствовали громкими аплодисментами, а она выглядела смущенной и даже робкой. И это при том, что билеты на концерт были распроданы еще несколько месяцев назад. Мэгги Брэдфорд села за пианино и запела.

Уилл ничего не помнил о случае на приеме у леди Тревелин, а потому смотрел на Мэгги так, как будто видел впервые, любясь ее длинными шелковистыми волосами и безыскусной красотой лица.

Но в этот вечер она как будто светилась. Интересно почему? В чем ее тайна? Что такое познала эта женщина, чего не дано ему?

Ее голос не отличался ни особенной силой, ни драматичностью, стиль исполнения был абсолютно лишен аффектации. Но чистота и искренность пения пронзали сердце точно меч, и Уилл чувствовал настоящую, сладкую боль.

Она пела о печали, остающейся после утраченной мечты, об отчаянии одиночества, и Уиллу казалось, что Мэгги рассказывает о нем.

Слезы текли по его щекам. Музыка трогала, цепляла и не отпускала. Некий свет распространялся со сцены, захватывал Уилла и переносил из концертного зала в уединенное место, где были только они вдвоем, она и он. «О чем это, черт возьми, я думаю?» Уилл чувствовал себя полным идиотом.

Боже, как он любил звук ее голоса. Голоса, который мог бы слушать до конца жизни.

Странное чувство родилось в Уилле Шеппарде: Мэгги Брэдфорд может спасти его от самого себя.

* * *

— Эй, Уилл! Ты что, забыл про меня? Вот скотина!

Уилл повернул голову и посмотрел на изящную темноволосую женщину, державшую его за

руку. Кажется, они были на концерте вместе. Он действительно совершенно забыл о ней и не имел ни малейшего представления о том, кто она такая и откуда взялась. Красивая, в темных очках. Как ее зовут? Черт, он снова превратился в оборотня!

Женщина была потрясающе хороша собой, но с другими он и не встречался. Модель? Актриса? Продавщица? Студентка? Где они познакомились? Ситуация складывалась довольно неловкая. Впрочем, такое с ним происходило не впервые.

— Давно подсел на кокс? Это ведь кокаин, верно? Только не лги — такое не сыграешь. И как тебе еще удастся выходить на поле?

А, вот оно что! Уилл облегченно вздохнул. Репортер! Теперь он вспомнил. Она — репортер из «Таймс». Захотела написать о нем статейку? Что ж, он не против. Ему тоже хотелось кое-чего. Почему бы не произвести честный обмен? Ты мне — я тебе.

Уиллу хватило нескольких мгновений, чтобы переключиться в привычный режим. При желании он мог очаровать любую. Они сами выскакивали из трусиков. Даже репортеры «Таймс».

— Нет, Синтия, дело не в наркотиках. — Синтия! Синтия Миллер! Вот как ее зовут. Его переполнила гордость за себя. — Мне нравятся песни Мэгги Брэдфорд. По-настоящему нравятся.

— Ты уже говорил об этом, когда мы ехали на концерт. У тебя в машине полно кассет с ее записями.

— Ее музыка такая естественная, такая душевная, — продолжал Уилл. — Разве тебе не нравится?

— Я уже отвечала на этот вопрос, когда мы ехали на концерт. Да, нравится. Хотя, возможно, не так сильно, как тебе.

Он поцеловал ее в щеку. Легко, почти целомудренно.

— Что дальше? Куда отправимся? — Осторожно, Уилл. Не забывай, что она репортер.

Синтия Миллер лукаво улыбнулась.

— Мне бы хотелось услышать о Белокурой Стреле, — проворковала она, и Уилл подумал, что уже встречал таких, невероятно циничных, донельзя испорченных романтиков.

— Услышать? А может, еще и увидеть? — насмешливо спросил он и подмигнул.

Конечно, она хотела. Они все хотели, за исключением одной.

Мэгги Брэдфорд! А он хотел только ее. Он нуждался в ней, в единственной на всем свете женщине, которая могла понять и спасти.

Звонок в дверь заставил Уилла отложить утреннюю газету и выглянуть в окно. На дорожке красовался серебристо-голубой «роллс-ройс». Служанка уже открыла дверь, впуская гостя, из прихожей донеслись его шаги.

— Мистер Шеппард, к вам мистер Лоуренс.

У порога гостиной стоял улыбающийся светловолосый мужчина, лет на десять старше хозяина. Уилл хорошо знал, кто такой Уинифред Лоуренс и чем он занимается. Этот человек был движущей силой американского соккера, тем, кто вознамерился привить красоту и элегантность утонченного спорта нации, перекормленной американским футболом. Адвокат, агент, но в первую очередь и прежде всего самый настоящий хастлер, «толкач», берущийся за все, на чем можно заработать.

Подождав, пока гость войдет в комнату, Уилл медленно поднялся из кресла и пожал протянутую американцем руку. Подобно большинству представителей своей, их, страны тот не стал ходить вокруг да около, а сразу перешел к делу.

— Скажите, Уилл, почему, на ваш взгляд, немцы постоянно являются главными претендентами на Кубок мира? — спросил Лоуренс с улыбкой, которая, казалось, приклеилась к его лицу. — Из года в год, каким бы ни был состав, они выставляют мощную команду.

Вообще-то этот самый вопрос Уилл и сам не раз задавал себе.

— Наверное, все дело в дисциплине. Они сильны не столько индивидуально, не столько тактически, сколько командной игрой.

Лоуренс расцвел в улыбке, как это часто делают американцы, получая удовольствие от очевидного.

— Вот именно. И именно этот командный стиль я стремлюсь привнести в игру нашей команды. Но нам также нужны индивидуально сильные личности. Нам остро нужен мощный, забивной нападающий. Голеадор. Бомбардир.

— Я так понял, что именно потому вы ко мне и пришли.

— Да, Уилл, вы правы. Я пришел для того, чтобы убедить вас вернуться в сборную Соединенных Штатов Америки. И не уйду отсюда, пока не получу ваше согласие.

Уилл рассмеялся — самоуверенности и наглости его гостю явно не занимать.

— Вам придется сильно постараться. Америка не может соперничать не только с Германией, но и с десятком других стран. Со мной или без меня. Стоит ли стараться, тренироваться, чтобы вылететь на стадии отборочных игр? Или я чего не понимаю?

Лоуренс открыл дипломат и, вынув листок бумаги, положил его на стол перед Уиллом.

— Посмотрите сами, Уилл. Забудьте на время о ваших сомнениях. Посмотрите. Северная зона. Центральная зона. Зона Карибского бассейна. Американская команда проводит отборочные игры в Северной зоне.

— И что из того?

— Неужели не понятно? Что ж, позвольте кое-что объяснить. У нас нет серьезных противников. И не будет, пока мы не попадем в число двадцати четырех финалистов.

Уилл снова рассмеялся. Лоуренс знал свое дело, но не все так просто.

— Может быть, вы не в курсе, мистер Лоуренс, но Америку всерьез тоже никто не принимает. Любая сборная будет только рада оказаться с нами в одной группе. Для всех игра с Америкой не более чем легкая прогулка.

— Но в этом и кроется наше преимущество! — Лоуренс положил руку на плечо собеседника. Кем бы его ни считали, он оставался прежде всего хорошим торговцем, знающим,

как подать товар и чем привлечь покупателя. — Мы воспользуемся элементом неожиданности. Не убедил? Ладно. А если я вам скажу, что тренировать американскую команду согласился Вольф Обермайер?

Обермайера знали все, он уже успел привести к чемпионскому титулу команды Германии и Аргентины. За ним закрепилась репутация блестящего теоретика и выдающегося практика. Обермайер знал о футболе все. Известен он был и своей резкостью и острым языком.

— Сильный ход, — согласился Уилл. — По крайней мере теперь вы привлекли мое внимание. Рассказывайте дальше, мистер Лоуренс. Пробудите во мне интерес.

— А разве вы не хотите закончить карьеру в ранге чемпиона мира и национального героя? — усмехнулся американец.

"Попробуйте представить финал чемпионата США по бейсболу, матч за Суперкубок по американскому футболу, Кентуккское дерби и съезды республиканской и демократической партий. Представили? А теперь смешайте все это вместе, и вы получите некоторое представление о том, что такое матч за Кубок мира по футболу, — писал в популярном американском журнале «Спортс иллюстрейтед» Микки Тревор. — Вообразите далее, что вы находитесь в Рио-де-Жанейро, где футбол, возможно, более важен, чем секс и самба, и Марди-Гра на этом фоне покажется вам слетом девочек-скаутов.

А теперь посмотрите на две дошедшие до финала команды: признанных фаворитов — бразильцев, трехкратных чемпионов мира, послужной список которых не менее впечатляющ, чем у «Нью-йоркских янки», и никому не известных, непризнанных выскочек-американцев, парней в красно-бело-голубой форме, бросок которых из сумрака заурядности к вершине напоминает сказочное превращение Золушки в принцессу. Только здесь мы видим не сказку, а самую настоящую, хотя и невероятную, реальность.

Ребята, эта история способна встать вровень с «Королем Львом»! Вы, возможно, не заметили, как американцы тихо и спокойно выиграли турнир в Северной отборочной зоне и попали в финальную стадию чемпионата. Не исключено, что ваше сердечко застучало сильнее, когда наша команда вышла из группы, проиграв лишь Германии. Молодцы, наверное, подумали вы, радуясь за своих ребятишек, которые играют в футбол в школе. Молодцы, но хватит, дальше ловить нечего, финиш, — так подумали вы, переключаясь на любимый бейсбол и удивляясь, почему это весь мир так увлечен каким-то соккером. А между тем наши взяли верх над Нигерией и оказались в восьмерке.

Но настоящие волнения начались позже, когда Соединенные Штаты взяли да и побили в четвертьфинале не кого-нибудь, а Италию со счетом 3:2! И все три гола забил великолепный Уилл Шеппард. В полуфинале наших ждала Германия, и мы сделали ее! 2:1! Если после этого температура у вас не поднялась до точки кипения, если сердце не загрохотало, если вы не отложили все намеченные на воскресный вечер дела, чтобы остаться дома и посмотреть финал, если всего этого не случилось, тогда вы просто не американец, вы не любите спорт и вообще — вы мертвец.

У Америки есть Уилл Шеппард и еще десять парней, которые, возможно, никогда не попадут в состав сильнейших мировых клубов.

Но Шеппард... Ах, Шеппард!

Футбол — командная игра, однако даже Вольф Обермайер, наставник американской сборной, признает, что в данном случае команда — это Уилл Шеппард. «Без Уилла мы бы никуда не пробились. С Шеппардом — посмотрите, где мы сейчас» — вот его слова.

Что ж, посмотрим".

* * *

— Bravo! Мои поздравления «Спортс иллюстрейтед»! Наконец-то написали что-то стоящее. Обычно у них, кроме купальников, других тем нет.

Уилл дочитал статью и довольно хмыкнул.

— "Шеппард — команда". Неплохо звучит. И написано на удивление верно. Bravo!

— Я прочитала, пока ты спал, — сказала Виктория Лэнсдаун.

Длинноногая британская кинозвезда уютно устроилась поверх покрывала. В ее чудесных темно-синих глазах застыло восхищение мужчиной, с которым она познакомилась только накануне. Белокурая Стрела. Самый популярный на нынешний день спортсмен.

Кондиционеры не помогали, и в номере отеля «Рио-Хилтон» было жарко и душно. Оба, мужчина и женщина, так и не оделись после затяжного секс-марафона, и их прекрасные тела блестели от пота.

— Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что если ты играешь в футбол так, как делаешь кое-что еще, то разделаешь бразильцев под орех.

Он улыбнулся:

— Похоже, ты довольна.

— Довольна? Нет, мой милый. Тебе придется еще постараться, чтобы я была довольна. Я ненасытная. Или ты не читаешь газет? Не слышал о моей «цепи любовников»?

Уилл провел взглядом по ее полным грудям, покрытому ровным загаром телу, разведенным изящным ногам. Она напоминала ему Вэнни. Многие напоминали ему ее. Может быть, поэтому в нем проснулось раздражение.

— Как насчет... забить еще один гол?

Виктория проследила за его взглядом. Ей нравилось ощущать свою власть над самыми сильными и волевыми мужчинами. Этот, однако, отличался от остальных. Он был куда смысленнее и хитрее, чем она предполагала.

— Пожалуй, нет. Наверное, твоей «цепочке» пришло время порваться. — Он ослепительно улыбнулся в ответ.

— Эй, в чем дело? В колчане не осталось стрел? Или любовный сок истощился?

Уилл справился с всплеском ярости и заставил себя рассмеяться.

— У меня завтра игра. Очень важная игра. Не слышала? Ты же говоришь, что читаешь газеты.

— И поэтому у тебя уже не встает?

— Не трогай меня, — предупредил он.

— А то что? — усмехнулась Виктория. — Ты меня накажешь? Отшлепаешь? — Она облизнула палец и потерла им между ног. — Ладно, если не можешь, мне придется сделать это самой. Вот была бы тема для таблоидов. «Виктория ублажает себя сама. Уилл отдыхает?»

В следующее мгновение он с ревом набросился на нее.

— О! — выдохнула она. — О Господи. Мне больно. Уилл! Мне больно!

Виктория Лэнсдаун попыталась сбросить любовника с себя, но он уже прижал ее руки к кровати.

— Пожалуйста, Уилл. Боже! Прекрати. Остановись! Умоляю тебя, Уилл! Я серьезно. Остановись!

Но ничто на свете уже не могло остановить Белокурую Стрелу.

В день финала Кубка мира температура на сахарно-белых пляжах Копакабаны и Ипанемы взлетела до девяноста трех градусов по Фаренгейту. В стране был объявлен национальный праздник. Богатые и бедные в ожидании крупнейшего мирового спортивного события отдыхали, сберегая энергию к вечеру.

Затем, как-то неожиданно и вдруг, день скатился к жаркому, раскаленному вечеру. Казалось, весь Рио высыпал на улицы, чтобы стать свидетелем и участником национальной игры по имени «футбол».

Широкие авеню типичного южноамериканского города превратились в арену шумного и опасного карнавала. Автомобильные гудки, людские крики, стук барабанов сливались в единый клич: «Бразилия! Бразилия!» Авенида Бразилия и Кастелло-Бранко заполнились сотнями обернутых в желто-зеленые флаги студентов. Все автобусы и такси украсились яркими вымпелами и транспарантами. На улицах танцевали женщины в обтягивающих груди блузках и развевающихся юбках.

К семи часам десятки тысяч болельщиков соединились у входов на легендарный стадион «Маракана». Полиция строго проверяла билеты, но сотни фанатов все равно проникли на трибуны.

Двести тысяч разгоряченных кариокас размахивали разноцветными флагами и плакатами, провозглашая победу в игре и социальную революцию, приветствуя и ободряя своих любимцев под ритмичный бой десяти тысяч барабанов и вдвое большего количества трещоток.

Стоя вместе со своими товарищами у выхода на поле, Уилл слушал.

Он слышал, как колотится сердце о стенки грудной клетки. Он слышал...

— Нумеро нуэве... Де Америка... Уилл... Шеппард! — донесся из громкоговорителей голос диктора.

Его заглушил протяжный свист и неодобрительный гул, из которого вырывались крики «пальхако» — «клоун». Но даже в Рио многие приветствовали Уилла Шеппарда одобрительными аплодисментами. Знатоки всегда ставят искусство выше национальной или клубной принадлежности, а то, что делал Уилл, было искусством. Четверо полуобнаженных парней выскочили на поле, и на груди у каждого красовалась цифра "9".

Шум усилился, когда Уилл появился у кромки, высоко подняв над курчавой головой руку со сжатым кулаком. В его голове смешались звуки и образы, фантазии и мечты. Ему не хватало воздуха.

Дрожь пробежала по телу.

Вот оно! Сегодня его никто не остановит!

Уилл знал, что войдет в историю спорта на глазах половины мира. После этого матча в Рио его не забудут уже никогда.

В 8.32 колумбийский арбитр поставил мяч в центре поля.

Бразилия против Америки! Невероятно, невозможно, немыслимо! И тем не менее...

Финальный матч за Кубок мира по футболу начался.

Арту́ро Рибейро, живой и проворный как ртуть девятнадцатилетний форвард, восходящая звезда Бразилии, подхватил мяч, передал его товарищу по команде и, подчиняясь инстинкту, выработанному многомесячными тренировками, рванулся вперед. Мяч уже летел к нему. Развернувшись спиной к воротам, Рибейро подпрыгнул и нанес удар в падении через себя.

Трибуны взорвались.

ГОООООЛ!! БРАЗИЛИЯ!!! объявил диктор. Забил АРТУРО РИБЕЙРО!

С начала игры прошло тридцать три секунды.

* * *

Менее чем через шесть минут бразильцы забили второй мяч. Легко, как могло показаться, без особых усилий.

В проходах между секторами начались танцы. Из тайком пронесенных корзин выпустили оципаных цыплят и черных змей. В небо взлетели сотни сигнальных ракет, полицейские сирены завывали так, словно давно ожидаемая революция вступила наконец на улицы города.

Посторонний мог подумать, что выражать радость более шумным способом уже невозможно, но то, что началось после третьего гола, забитого Рибейро на тридцать третьей минуте, превзошло все ожидания, все мыслимые и немыслимые пределы.

Первый тайм завершился со счетом 3:0 в пользу Бразилии!

Финал превращался в разгром, побоище, унижение.

* * *

«Слушать не хочу этого надутого придурка», — думал Уилл, сидя с опущенной головой в раздевалке во время перерыва.

— Ты играешь как заторможенный, — говорил Вольф Обермайер. Он уже дал разнос остальным игрокам и, отправив их на поле, вел беседу с Уиллом в пустой раздевалке. — Тебя что-то беспокоит? Или ты действительно что-то принял? Это наркотики?

— Может быть.

Уилл улыбнулся. Нельзя же быть таким серьезным, таким упертым. Сказать по правде, он и сам не знал, что с ним происходит. Воспоминания о прошлой ночи отступили, усталости не было, но все же что-то мешало ему. Уилл пожал плечами, стараясь не смотреть на немца. Азарт, волнение, жажда борьбы ушли, а вместе с ними и скорость и реакция.

— Нам нужно, чтобы ты стал дьяволом, — продолжал Обермайер. — Три гола. Отыграть их практически невозможно. Но я видел, как ты творил невозможное. Сегодня не самое подходящее время показывать свою худшую игру — ты должен стать героем, а не козлом отпущения. — Тренер поотцовски потрепал Уилла по голове. — Докажи, что ты мужчина.

Мужчина.

Уилл вышел на поле в полной растерянности. «Я участвую в финале Кубка мира, а играю

так, словно по-прежнему выступаю за Фулем. Передо мной бразильцы. Лучшие на планете. Одержу победу — навеки войду в историю. Обермайер прав. Будь мужчиной».

Он сделал глубокий вдох и потрусил к скамейке. Над стадионом пронесся рев, но Уилл знал, что приветствуют не его, а только что появившихся бразильцев. Он поднял голову — над ним бушевало многоцветное море. А, чтоб вас! В конце концов, они имеют дело с Белокурой Стрелой. Ему не впервые совершать невозможное.

* * *

В первом тайме Уилл смог продемонстрировать на «Маракане» только высочайшую технику, хитроумный дриблинг и невероятную скорость, но, не имея поддержки, так и не вышел ни разу на ворота.

На девятой минуте второго тайма он перехватил пас бразильского «чистильщика» Рамона Палеро, грудью остановив летящий со скоростью пули мяч.

Кожаный снаряд камнем упал ему под ноги. Почти в тот же момент, когда его правая нога пошла назад, бедро пронзила острая боль, и Уилл понял, что порвал какую-то мышцу.

Плевать. Посланный им мяч уже летел в верхний левый угол бразильских ворот. Голкипер успел вскинуть руку, но парировать удар не смог.

— ГООООЛ! — услышал Уилл голос диктора и только тогда понял, что забил. АМЕРИКА! УИЛЛ ШЕППАРД!

Ему показалось, что в голове взорвалась адреналиновая бомба. Ощущение пьянящего восторга, нечеловеческой силы и всемогущества раскатилось по всему телу. Боль в ноге стихла. Он словно обрел крылья.

Голеадор!

Бомбардир!

На поле не было никого, кроме него. Одинокий охотник!

До конца игры оставалось три минуты, когда Уиллу снова удалось освободиться из-под опеки бразильских защитников. Он протолкнул мяч по бровке, сделал вид, что отдает пас, обошел застывшего в растерянности защитника и выскочил к воротам.

Удар, и... белое ядро едва не порвало сетку ворот за спиной смуглолицего вратаря.

ГООООООЛ! УИЛЛ ШЕППАРД!!!

До конца второго тайма оставалось еще две минуты и сорок шесть секунд.

Вполне достаточно.

Двухсоттысячная толпа зрителей притихла и замерла, разделив внимание между происходящим на поле и гигантским табло с как будто застывшей стрелкой. Менее трех минут, а ситуация на поле изменилась самым драматическим образом.

Не может один игрок победить великую команду. Даже если этот игрок — Уилл Шеппард.

Так считали все, но никто не был уверен в этом на сто процентов. Американец показал себя великим нападающим, возможно, самым великим из всех, когда-либо блиставших на футбольном поле. Он был волшебником или, может быть, заключил сделку с дьяволом.

Уилл перехватил пас, адресованный бразильскому крайнему, и с невероятной скоростью устремился к воротам едва ли не через все поле. Все, что теперь требовалось, — это не потерять концентрацию, не допустить ошибку в маневре, отработанном тысячи, если не миллионы раз. Ложный финт влево, рывок вправо, проброс мяча мимо остолбеневшего защитника — и вот перед ним уже только голкипер противника, яркое пятно в воротах.

«Он не остановил бы меня, даже если бы был Богом», — подумал Уилл. В глазах вратаря застыл страх. Уилл перебросил мяч с правой ноги на левую. Выставил локоть, оттирая защитника. Наклонил корпус вправо...

Девяносто минут матча истекли. Судье понадобится еще несколько секунд, чтобы поднести свисток к губам. Уйма времени, чтобы войти в клуб бессмертных, присоединиться к компании Пеле и Кройфа.

Расслабься!

Бразильский голкипер сдвинулся влево, предвидя удар американца в левый угол, и оставил правый незащищенным.

Судья поднимал свисток. Еще несколько секунд, и игра закончится.

Уилл приготовился к своему коронному удару: подрезать мяч левой ногой, чтобы тот, обогнув вратаря, вошел в правую «девятку». Не попасть в такой зазор, все равно что проскочить мимо ворот Ада!

Он вдруг как будто взглянул сразу во все со стороны: замерший в оцепенении стадион, мяч на зеленом газоне, перекошенное страхом лицо бразильца, отчаянный «подкат» запоздавшего «чистильщика».

Перед ним встало лицо отца. Его глаза. Мертвые, открытые глаза, глядящие на него из бассейна.

Словно полчище злобных демонов налетело на Уилла, овладевая его телом, инстинктами и душой.

Нет! Он не позволит им взять верх над собой!

Взревев от боли, Уилл Шеппард ударил по мячу левой ногой. Удар получился именно таким, каким он видел его мысленным взором.

Ему хотелось посмеяться над теми, кто сомневался, крикнуть обидные слова в лица, глядящие на поле сверху вниз.

* * *

Толпа сошла с ума. Буквально, в полном смысле этого слова, обезумела. Совершенно незнакомые люди обнимались и целовались, в проходах начались дикие пляски, и во всем этом буйстве приняла участие едва ли не все двести тысяч зрителей. Гудки, сирены, трещотки и

барабаны наполнили чашу «Мараканы» безумной какофонией звуков. В небо взлетели сотни шаров, петард и ракет.

Сразу после удара силы покинули Уилла Шеппарда, и он свалился на траву, напряженно вслушиваясь в крик, которого почему-то не слышал: «ГОООЛ! АМЕРИКА! ГОО-ОООЛ! УИЛЛ ШЕППАРД!»

Он видел бегущих с поля футболистов, спешащих укрыться в раздевалке от ринувшейся вниз толпы обезумевших болельщиков. Не понимая, что происходит, попытался подняться, но не смог. Страх растекся по его телу холодным, липким потом.

Но ведь игра закончилась вничью. Впереди дополнительное время. Кроме игроков, на поле не должно быть никого. Почему этих придурков не останавливают? Где судья?

Вольф Обермайер подошел к нему и, взяв за руку, постарался помочь.

— Не повезло, — сказал тренер.

— Разве игра не закончилась вничью? — спросил Уилл и тут же понял все по выражению лица немца.

В то же мгновение демоны снова налетели на него, еще более шумные и страшные, чем лица тысяч зрителей. Отец с матерью на руках. Она уже умерла, и кровь стекала из открытого рта. Отец протянул ее Уиллу как трофей, как приз.

Кошмар вернулся.

И тогда Уилл Шеппард закричал. Он наконец-то все понял.

Бразилия выиграла Кубок мира.

Стрела пролетела мимо цели.

Он промахнулся.

"Это все из-за тебя.

Это ты виноват во всем".

В ту ночь Рио был охвачен самым большим, самым горячим карнавалом в своей истории, и не было на земле другого места, где кипели такие же страсти и бушевало такое же веселье. Танцующие конгу толпы заполнили все улицы, растеклись по ним шумными огненными змейками. Уилл как бешеный несясь через город во взятом напрокат «корвете».

Дерьмо. Неудачник. Оборотень из Рио.

— Тебя ведь зовут Ангелита, да? — спросил он женщину, сидевшую рядом с ним.

Она была высокая, темноволосая, очень стройная и поразительно красивая. Несколько минут назад она сказала, что хочет полюбоваться на Белокурую Стрелу, почувствовать ее в себе.

— Да, меня зовут Ангелита. Ты спрашиваешь об этом постоянно, как будто имя от этого изменится. А я хочу сказать, что если мы будем так мчаться, то попадем совсем не туда, куда едем.

— Очень смешно и очень верно. — Уилл включил четвертую передачу, и машина полетела по широкой авеню, протянувшейся вдоль Копакабаны. — Такие женщины, как ты, могут быть очень опасны, верно?

Ангелита откинула назад черные волосы и рассмеялась.

— Боишься, что я украду у тебя сердце, да?

— Нет, совсем нет. Как раз наоборот. Я боюсь, что ты не украдешь мое сердце. Боюсь, что никто этого не сделает. Ты меня понимаешь?

— Ни единого слова, дорогой.

— Вот и замечательно.

Он привел ее в свой номер. Комнату освещали огни ликующего города, поэтому Уилл не стал включать лампу. Внизу, на улице, всю гремели барабаны.

— Возьми меня прямо здесь, Уилл Шеппард! — воскликнула Ангелита, обнимая его у порога. — Возьми меня, нумеро нуэве, я не могу больше ждать.

Когда это было? По меньшей мере несколько часов назад. Он взял ее, как она того и хотела. Сначала она стонала, потом пыталась кричать. Потом — выдернуть «стрелу», пронзившую ее сердце.

— Что ты наделал? О Господи, что ты сделал со мной?

— Я хотел взять твое сердце, — шепотом ответил он. — Так ведь?

Ее имя снова и снова вылетало из головы. Кто, черт возьми, она такая? Ах да, Ангелита.

Сейчас Ангелита лежала в ванне. Он посмотрел на нее и понял, что на этот раз зашел слишком далеко.

Так далеко, что переступил через край.

Видели бы его фанаты. Вот он, настоящий Уилл Шеппард. Жалкий подонок. За красивой оболочкой бьется сердце тьмы. Конрад, верно? Эту книгу Уилл прочитал еще в школе и прекрасно ее понял, от начала до конца.

Никто так и не узнал его тайну, за исключением, может быть, Ангелиты. Вот она теперь знает, правда?

Ее карие, неподвижные и уже остекленевшие глаза смотрели на него как будто косо. Он ведь был ее богом, так? Ее спасителем. Он подобрал ее на грязных улицах Рио. Ей так хотелось потрахаться со звездой. Что ж, вот он ее и трахнул.

В руке Уилл держал стакан с какой-то красной жидкостью. Он пил за нее. Пил ее кровь.

— Мне очень жаль, — прошептал Уилл. — Впрочем, какого черта, ни хрена мне не жаль.

Поднося стакан к губам, он понимал, что это конец. Он совершил убийство. Теперь его ждет

суд. Приговор.

Капельки пота выступили у него на лбу.

Белокурая Стрела... серебряный стилет... вампир... какая теперь разница, как его назовут.

Я знала все о том, как «расстаются с надеждами», но, как оказалось, совершенно не представляла, как люди влюбляются. То, что происходило между мной и Патриком, было прекрасно. С каждым днем наши чувства становились все глубже и глубже. Это так отличалось от обычного увлечения, хотя его мы тоже пережили.

Я училась любить, и Патрик помогал мне в этом.

Почти каждый день он говорил мне о том, что я особенная, самая лучшая, бесценная. И впервые в жизни я начала в это верить.

Он старался лучше узнать музыку, которую я писала, и в конце концов стал понимать и ценить ее лучше, чем многие из тех, кто пишет для «Роллинг стоун» и «Спин».

Он сдружился с Дженни, и они могли говорить обо всем на свете.

Он часто удивлял и восхищал меня своими рассказами, своим умом и своей пронцательностью.

Вообще в течение того первого полугодия, что мы были вместе, единственной проблемой оставался сын Патрика. Питер оказался настоящей скотиной и полной противоположностью отцу. Он даже попытался завладеть отцовской компанией, однако не достиг цели. Патрик очень переживал свою неудачу с сыном и говорил, что потерял его.

Все было замечательно, пока...

Мы сидели в моей гостиной. Я не знала, как справлюсь с тем, что мне предстояло. Потом вздохнула, собралась с силами и сказала:

— У нас будет ребенок, Патрик.

Я не могла больше скрывать. Мы использовали все меры предосторожности, и все же я умудрилась забеременеть.

Хотя меня и считали певицей и артисткой, хотя и причисляли к миру искусства, в душе я придерживалась традиционных взглядов, и нежданная беременность потрясла меня до глубины души. Я сразу же рассказала обо всем Дженни.

— Ты любишь Патрика, и он любит тебя, — ответила она. — Я люблю вас обоих и рада, что мы забеременели.

Для меня поддержка дочери значила очень многое.

И вот теперь лицо Патрика отобразило целую гамму чувств: изумление, потрясение, ужас, беспокойство, сомнение и радость. Да, радость. Ошибки быть не могло. И он улыбнулся той широкой улыбкой, которую я так любила.

— Когда? О Боже, Мэгги, расскажи мне обо всем подробно.

— Ребенок должен родиться через пять месяцев и двенадцать дней. Час доктор Гамаш не уточнил.

Патрик уже пришел в себя.

— Мальчик или девочка?

Он взял мои руки в свои.

— Судя по всему, мальчик. Алли. Тебе нравится это имя?

— Чудесное имя. — Патрик покачал головой, словно никак не мог поверить своим ушам. — Я очень рад, Мэгги. Я счастлив. Счастливее всех на свете. Я давно говорил, что люблю тебя?

— Недавно, — прошептала я, — но скажи еще. Слышать это мне никогда не надоест.

В ту же ночь мне приснился тот, кого, казалось, я уже начала забывать. Мне приснился он. Филипп вернулся, чтобы попытаться все испортить.

Он был пьян, что случалось с ним не так уж редко. Так пьян, что едва стоял на ногах. Он колотил в дверь, выкрикивал мое имя, а я спряталась в кухне и не отвечала, даже когда нас разделяло не более пары футов.

Филипп был совсем другим, когда мы познакомились в Ньюберге. Офицер и джентльмен, к тому же ученый. Ему ничего не стоило произвести впечатление на девятнадцатилетнюю девчонку. Я была так одинока и так отчаянно нуждалась в ком-нибудь. Откуда мне было знать, что роль преподавателя претит ему, что он пошел в армию, чтобы воевать, а не для того, чтобы преподавать. Но ему приказали, а он всегда подчинялся приказам. Да, Филипп подчинялся приказам других и твердо верил, что я должна подчиняться его приказам.

— Когда я зову тебя, ты обязана отвечать: «Да, Филипп», — с ухмылкой превосходства заявил он.

— Только не когда ты в таком состоянии. Нет, Филипп, от меня ты этого не дождешься. Никогда.

Он наотмашь ударил меня по губам.

— Когда бы я ни позвал, ты обязана отвечать: «Да, Филипп».

Я промолчала. Его очки в тонкой металлической оправе сбились и едва держались на носу. Он походил на того самого псевдоинтеллектуала, высокомерного сноба, каким всегда боялся быть.

— Мэгги.

В тихом голосе отчетливо прозвучала угроза.

Я не ответила. Он снова поднял руку. Не будучи одарен физической силой, мой муж все же весил на шестьдесят фунтов больше.

— Да, Филипп, пошел ты...

Я редко ругаюсь, но тогда произнесла самые крепкие слова.

— Что? Что ты сказала, женщина? Что это такое я только услышал?

— То, что я сказала.

Он замер. Потом ухмыльнулся:

— Ладно. Сама напросилась.

Филипп попытался схватить меня, но я увернулась, взбежала по лестнице на чердак и захлопнула за собой дверь.

Там, на чердаке, Филипп хранил свою коллекцию оружия. У хорошего солдата в доме всегда найдется оружие. Я схватила винтовку и передернула затвор. Оставалось только ждать. Вскоре из-за двери появилось его перекошенное злобой лицо.

— Еще один шаг, и я выстрелю, — предупредила я, сама удивляясь тому, как спокойно прозвучал мой голос.

Внутри у меня все тряслось.

Несколько секунд мой муж смотрел на меня, ожидая, что я дрогну, опущу глаза или отведу дуло винтовки, а потом рассмеялся, громко, сухим, похожим на клекот смехом.

— Ох, милая. Этот раунд ты выиграла. Но ты еще пожалеешь об этом.

Он оказался прав. Прошли годы, а я все еще боялась.

Было ясное и тихое утро, когда Патрик повез меня в больницу Северного Уэстчестера в городе Маунт-Киско, штат Нью-Йорк. В тот день он казался таким растерянным, таким взволнованным и не похожим на себя, что мне даже стало его немного жаль. Дженни поехала с нами — она единственная сохранила рассудительность и спокойствие и контролировала ситуацию.

Машина Патрика мчалась по узкой, обсаженной соснами дороге, а я упорно отгоняла то и дело возникающие мрачные мысли. «Думай о ребенке», — приказывала я себе, а вместо этого вспоминала газетные и журнальные истории, портившие мне настроение с тех самых пор, как о моей беременности стало известно широкой публике.

ОЧЕРЕДНОЙ ХИТ МЭГГИ БРЭДФОРД!
ЧЕМ МЭГГИ ВЗЯЛА ПАТРИКА!

Оставалось только удивляться, как удается репортерам превращать самые прекрасные человеческие отношения в нечто постыдное и недостойное. Кто пишет все это? Кто хочет это читать? Я говорила Патрику, что мне наплевать на то, что там кто-то говорит, но, конечно, мне и в голову не приходило, что средства массовой информации могут быть так жестоки. Я чувствовала себя униженной и оскорбленной.

Конечно, тогда я даже не представляла, насколько жестокими они могут быть.

— Патрик, знаю, ты и так спешишь, но нельзя ли еще чуточку побыстрее? Пожалуйста.

В больнице нас ожидал доктор Льюис Гамаш.

— Привет, мама.

Он посмотрел на меня через толстые стекла очков. Я познакомилась с Льюисом несколькими месяцами раньше в деревне Чаппакуа. Он был врачом общей практики и специализировался в акушерстве, и я доверяла ему куда больше, чем многим знаменитым врачам, предлагавшим свои услуги в Нью-Йорке.

— Здравствуйте, Льюис. Что-то мне не очень хорошо. Я попыталась улыбнуться, борясь с тошнотой и стараясь удержаться, чтобы не упасть в обморок.

— Вот и хорошо. Значит, нам уже скоро.

Он усадил меня в кресло-каталку.

Нам уже скоро! Только в одиннадцать вечера две медсестры в белых халатах вывезли меня из палаты в коридор и покатали в операционную. Я была вся мокрая от пота. Волосы слиплись и торчали во все стороны. Боль казалась почти невыносимой и не шла ни в какое сравнение с той, что я испытывала, когда рожала Дженни.

Доктор Гамаш уже был в операционной, как всегда спокойный и улыбающийся.

— Ну что, Мэгги? Почему так задержались?

Схватки уже начались, так что я ответила, едва ворочая языком за стиснутыми зубами:

— Хотелось продлить удовольствие.

— Рок-н-ролл жив.

Я поняла, что это шутка, но не засмеялась.

* * *

В 11.19 доктор Гамаш объявил:

— Мэгги, у вас мальчик.

Он положил ребенка рядом со мной, чтобы я смогла взглянуть на него. Мой сын, похоже, зевал. Успел устать от планеты Земля? Но какой же он был красавец!

Получив классический шлепок по попке, новоявленный гражданин Соединенных Штатов издал едва слышный крик.

— Не думаю, что он унаследовал твои легкие, — сказал доктор Гамаш и, повернувшись к медсестре, добавил: — Положите его на грелку.

— Моего сына зовут Аллен, — успела сказать я и отключилась.

Патрик с сияющим от счастья лицом почти влетел в мою больничную палату. Мы поцеловались. Он был одновременно и Полом Ньюманом, и Спенсером Трейси — нежным, внимательным, заботливым, ласковым. Патрик хотел сделать мне предложение — вообще-то он уже просил меня стать его женой, но что-то, может быть, память о прошлом замужестве, заставило меня перенести разговор «на потом». Патрик сказал, что все понимает, и я искренне надеялась, что это так. И еще я надеялась, что он попросит еще раз.

Мы обнялись, и что-то хрустнуло в кармане его спортивного пиджака. Я просунула руку в карман и закатила глаза.

— Ну, приятель, на этот раз ты зашел слишком далеко. Что это? Сигары? Признавайся в прочих грехах.

— Я простой парень, и грехи у меня обычные. — Он пожал плечами. — Сигары — для друзей. А для неженатого папаши я купил ирландского виски.

— Уже видел Аллена?

— А то! Ну и яйца у него! Больше кулачка. Впечатляет.

Я рассмеялась:

— Вот что тебе интересно!

— Подумал, его мамаше тоже будет приятно узнать.

— Узнать что? Что ее сын экипирован для жизни?

— Вот именно.

Патрик наклонился и бережно привлек меня к себе. Я чувствовала, как стучит его сердце. С каждым днем это нравилось мне все больше и больше.

О лучшем отце невозможно и мечтать.

Я повторила это вслух, чтобы Патрик услышал. Никогда в жизни мне не было так хорошо. Я знала, что скоро мы поженимся. Впрочем, мы и так уже были семьей, крепкой и счастливой.

В ту ночь я в первый раз спела для маленького Алли.

Вот как это случилось, дорогие читатели. То самое, третье, убийство, о котором вы слышали столько самых ужасных сплетен, распространяемых телевидением и газетами. Вот мое признание, и оно еще никогда и нигде не публиковалось.

Патрик любил свою работу, те отели, которые строил; любил нас троих, Алли, Дженни и меня, и любил море, любил ходить под парусом. Единственная проблема заключалась в Питере, его первом сыне, который не оставлял попыток прибрать к рукам компанию и особенно завладеть отелем «Корнелия». Питер не раз ясно давал понять, что ненавидит и презирает меня. Мы с Патриком решили, что нам ничего не остается, как терпеть. И будь что будет.

Тот майский день останется в моей памяти навсегда. Первый весенний выход в океан, первый случай побыть вдвоем.

Мы встали рано утром, оделись и уже к пяти выпили по чашке горячего шоколада. Жившая со мной миссис Лей, наша горничная и чудесная женщина, уже воспитавшая двоих своих детей и ставшая частью нашей семьи, пожелала нам счастливого пути.

— И ни о чем не беспокойтесь, миссис Брэдфорд, здесь все будет в порядке.

Мы сели в машину и отправились в порт Вашингтон на Лонг-Айленде. Впереди у нас был целый день. Какой праздник!

В половине седьмого мы уже шли по залитому солнцем настилу знаменитого яхт-клуба «Виктория Манхэссет Бэй».

Воздух был свеж, но утро обещало приятный день. У трапа я остановилась, обняла Патрика и поцеловала.

— Я люблю тебя. Вот так.

— И я люблю тебя, Мэгги, — улыбнулся он.

Поднявшись на борт яхты, Патрик сказал, что мы поплывем «к солнцу, подальше от земли».

— На прошлой неделе здесь промчался шторм, так что досталось всем, нашей тоже, — заметил он, проводя быструю инспекцию. — Видишь, здесь еще осталась вода. Двигатель, похоже, вышел из строя. Антенна сломана. Черт! Напомни, чтобы я никогда не брался за строительство лайнера. Это будет еще один «Титаник».

* * *

«Бунтарь» покинул стоянку около четверти восьмого. Нам предстояла приятная прогулка. Как ни любила я проводить каждую свободную минуту с Алли, как ни скучала по нему с первой минуты расставания, мне требовался хотя бы небольшой отдых. И я так соскучилась по Патрику.

Над нами голубело небо, что автоматически настраивало на хорошее настроение. Патрик стоял у штурвала. На горизонте медленно двигался сорокавосемифутовый кеч, возможно, к Карибам.

К полудню наша яхта уже спокойно скользила по синей глади навстречу вскипающим белыми шапками волнам. Нью-Йорк остался далеко позади. Отель, Питер О'Мэлли, даже Дженни и Алли были забыты. Мы и море. Я спрашивала себя, не выбрал ли Патрик этот день для того, чтобы предложить мне руку и сердце.

Внезапно на северо-западе появились дымчатые черные тучи. Шторм надвигался стремительно. Температура в течение пяти минут упала на десять градусов.

— Вот черт! — выругалась я. — Холодно.

Патрик озабоченно посмотрел на небо.

— Свяжусь с береговой охраной. Надо узнать прогноз погоды. Может быть, удастся переждать.

Он направился к кабине, но остановился, сделав лишь пару шагов.

— Проклятие. Связи нет. Придется поворачивать назад. Встань к штурвалу, Мэгги. И держи крепко.

— Да, сэр.

Пока я боролась со ставшим вдруг непослушным рулевым колесом, Патрик пытался убрать главный парус, чтобы поставить небольшой кливер. «В крайнем случае, — сказал он, — уберем и его и пойдем домой на двигателе».

А потом нас догнал шторм!

Яхту окутал густой холодный туман, и тут же полил дождь. Уже через несколько минут мы вымокли до нитки. Ветер завывал, волны перехлестывали через борт. Стихия как будто решила продемонстрировать нам свою силу и ярость.

Руки постоянно соскальзывали со штурвала, и удерживать курс становилось все труднее. Восторг схватки постепенно уходил, а за ним уже, точно готовая к броску змея, поднимал голову страх. Дело принимало нешуточный оборот.

Патрик громко выругался, потом выругался еще раз, уже по-настоящему, и побежал, скользя, к хлопавшему, как мокрая простыня на веревке, парусу.

Уже добравшись до него, он словно замер в нерешительности, и я заметила, что он подволакивает левую ногу.

Какую-то секунду Патрик стоял неподвижно, будто не зная, что делать, а потом упал на колени, как если бы кто-то ударил его сзади по голове.

— Патрик! — вскрикнула я.

Он попытался подняться, прижал руку к груди и рухнул на палубу.

Бросив штурвал, я метнулась к нему по скользким доскам. Его лицо было блее паруса, дыхание неглубокое и прерывистое. Патрик лежал на боку, и когда я перевернула его на спину, моргнул от боли. Мне вдруг стало нечем дышать.

Я постаралась укутать его шерстяными одеялами и укрыть куском брезента, а потом опустилась рядом и взяла за руку. На глаза навернулись слезы.

— Не уходи, — прошептал он. — Пожалуйста, не уходи. Дай мне посмотреть на тебя, Мэгги.

Яхту сильно качало.

— Я здесь, с тобой. И ты тоже не уходи. Все будет хорошо.

Верила ли я тому, что говорила? Отчасти да. Но страх внутри меня расползался, и мне то и дело приходилось отворачиваться, чтобы Патрик не видел моих слез.

Его лицо стало пепельно-серым. На лбу и над верхней губой выступили бисеринки пота, хотя ветер оставался холодным.

Господи, пожалуйста. Пожалуйста. Я так его люблю. Пожалуйста, не отнимай его у меня.

— На случай, если я вдруг не выберусь, — сказал Патрик. — Хочу, чтобы ты была счастлива. И сделай так, чтобы наш сын тоже был счастлив. Я знаю, ты сможешь. И пусть Дженни ни в коем случае не выходит замуж за ирландца. Обещай.

— Обещаю, — прошептала я, смахивая слезы.

Взгляд его вдруг изменился — он как будто смотрел мимо меня. Какой-то странный звук поднялся из груди, и Патрик выпустил мою руку.

Я вскрикнула.

Господи, пожалуйста, не дай ему умереть.

Слезы хлынули из глаз. Я крепко прижала его к себе и опустила голову ему на грудь. Сердце уже умолкло.

Пожалуйста, пожалуйста, не дай этому случиться. Боже, сжался надо мной.

Патрик не слышал меня. Он умер. Ушел от меня так же быстро, как налетел тот проклятый шторм.

Я просидела с ним, должно быть, около часа, не думая о том, что может случиться с потерявшей управление яхтой или со мной.

Буря унеслась на восток, море успокоилось, хотя я ничего этого не заметила. Слабые лучи выглянувшего из-за туч солнца раскрасили верхушки серо-зеленых волн янтарными полосками.

Я беспомощно сидела рядом с Патриком на пустынной, мерно покачивающейся палубе и думала о том времени, которое мы провели вместе.

«Не уходи. Пожалуйста, не уходи. Дай мне посмотреть на тебя, Мэгги».

И ты тоже не уходи. Все будет хорошо.

Моряки из береговой охраны нашли меня на закате. Я сидела на палубе, продолжая обнимать Патрика.

Так что получите — вот как я убила Патрика.

Уилл вздрогнул, услышав громкий и настойчивый стук в дверь его номера в отеле «Рио-Хилтон». Пошатываясь, он поднялся с кровати и скрылся в ванной.

Эти несколько шагов дались ему с немалым трудом.

«Уходи, кто бы ты ни был. Уходи отсюда ко всем чертям! Убирайся!»

Дверь открылась. В комнату кто-то вошел. Уилл услышал голоса. Горничная и кто-то еще.

«Господи, им же нельзя сюда входить! Сюда входить нельзя никому!»

— Спасибо, что впустили, — произнес мужской голос. — Теперь я справлюсь сам.

"Палмер!

Какого черта? Кто его сюда приглашал?

Здесь никого не должно быть, даже Палмера.

Что со мной?"

* * *

Палмер Шеппард внимательно огляделся, пытаясь представить, что здесь произошло. Детали не позволяли воссоздать всю картину: закрытая дверь ванной, лежащее на ночном столике зеркало, бритва, свернутая бумажка в сто долларов и повсюду белый порошок. Кокаин? На полу — пустая бутылка из-под текилы. На другом столике — бокал, наполовину заполненный какой-то красной жидкостью. Портвейн? Чинзано?

Но где Уилл? Куда, черт побери, подевался его брат?

— Я здесь, малыш!

С жутким воем оборотня обнаженный Уилл выскочил из своего укрытия и, прыгнув на Палмера, повалил его и прижал руки к полу. Потом уселся ему на грудь, как делал в детстве.

— Ты проиграл. Я победил!

Все как в детстве, только глаза у Уилла испуганно-сумасшедшие, а тело — о Господи! — испачкано кровью.

— Уилл, что ты с собой сделал? — с ужасом спросил Палмер.

Уилл громко рассмеялся.

— Порезался, когда брился.

Он соскочил с брата и, пританцовывая, прошелся по комнате. Поднял со столика полупустой бокал и протянул брату.

— И ее порезал. Знаешь, кровь неплохо идет с текилой. Хочешь попробовать?

— Кого ты порезал? Что здесь произошло? Перебрал с наркотиками?

— Ангелита. Ее тело в ванной. Она просто шлюха. — Уилл снова протянул Палмеру бокал с темно-красной жидкостью. — Боюсь, большую часть я выпил сам. Завтрак для чемпионов.

— Нет, — прошептал Палмер, неуверенно поднимаясь на ноги. — Ты не мог этого сделать.

— Что «нет»? Чего я не мог?

— Убить ее.

— Ну, не знаю. — Глаза у него были большие, как долларовые монеты. Глаза безумца. — Давай посмотрим. Идем.

Уилл открыл дверь ванной и отступил в сторону, поверяя брату свою тайну.

— Что скажешь, братишка? Каков приговор? Я это сделал или не я? На этот раз ты поможешь мне?

На сей раз гневные статьи в спортивных журналах в основном соответствовали истине или по крайней мере той ее части, которая стала достоянием общественности. Это знал Уилл. Это знал его брат.

Уилл был опасен, по-настоящему опасен, даже еще более опасен, чем подозревали таблоиды. Шесть последующих недель ему пришлось провести в частной нью-йоркской клинике, проходя «курс восстановления после нервного срыва». В Рио у него была «проблема с наркотиками».

Уилл сделал много такого, по сравнению с чем кокаин мог показаться детской шалостью, и все же выкрутился, ушел от ответственности. Разумеется, пришлось заплатить — его любимый брат получал теперь еженедельно круглую сумму за то, что держал рот на замке, — зато он остался на свободе, а не сел в тюрьму до конца жизни.

Они вместе решили, что Уиллу следует пожить какое-то время подальше от Лондона. Точнее, на этом настоял скотина Палмер. Такова была часть «сделки». Уилл сам не знал почему, но его потянуло в Нью-Йорк.

Он снял квартиру в Ист-Сайде, и вскоре ему так там понравилось, что он принялся искать дом, который можно было бы купить. В «Таймс» Уиллу попала на глаза заметка, в которой говорилось, что Мэгги Брэдфорд живет в Уэстчестере. Там жил и Уинни Лоуренс. Уилл решил поискать жилье в первую очередь там.

Он по-прежнему оставался поклонником Мэгги Брэдфорд. Ее песни звучали и в квартире, и в машине. Ее музыка оказывала на него целительный эффект, в этом он убедил себя сам. Уилл даже поговорил на эту тему с одним популярным психоаналитиком. Док тоже оказался фанатом творчества Мэгги, так что он понял, что имеет в виду клиент, или по крайней мере решил, что понял.

Уилл представлял, как встретится однажды с Мэгги в Уэстчестере. Он не сомневался, что сумеет это устроить. На такое ведь ума много не надо, а ему удавались комбинации и посложнее.

Я перехожу к рассказу о том, чего не понимаю и сама. Может быть, именно поэтому люди проявляют к случившемуся такой интерес, интерес, который не только не ослабел за минувшие недели и месяцы, но и разгорается по мере приближения суда. Да, это настоящая загадка, даже для меня. Часть жизни, прожитая с Уиллом Шеппардом, — темная сторона моей души. Как такое могло случиться? Как такое случилось?

После смерти Патрика, его сердечного приступа, я до минимума сократила общение, стараясь держаться подальше от репортеров, которых возненавидела еще со времени беременности. Однажды утром, примерно через год после трагедии с Патриком, я работала в саду. Неподалеку играл Алли. Внезапно я услышала голос охранника, нанятого для того, чтобы не пропускать в дом незваных гостей, то есть практически всех.

— Извините, миссис Брэдфорд, но к вам мистер Натан Бейлфорд. Знает, что вы никого не принимаете, но говорит, что это очень важно.

Натан жил неподалеку, но я знала его не очень хорошо. Тем не менее я помнила, что он известный и влиятельный адвокат и что его услугами пользовался Патрик О'Мэлли. Что ему нужно? Зачем он явился сюда? Какие еще новости принес? Может быть, какие-то проблемы из-за Питера?

— Пропустите мистера Бейлфорда, — неохотно разрешила я и повернулась к сыну: — У нас гости, Алли. Пойдем приведем себя в порядок.

Адвокату было около шестидесяти, но выглядел он не более чем на сорок пять. Он улыбнулся, однако темно-серый костюм, белая рубашка и красный с золотом галстук показывали, что визит носит строго деловой характер.

Натан Бейлфорд крепко пожал мою протянутую руку.

— Знаете, после похорон я много раз проезжал мимо вашего дома и каждый раз думал, что нужно зайти, но в итоге так и не решился и предпочел оставить вас в покое.

— Рада, что вы наконец-то зашли.

«Друг Патрика — мой друг», — подумала я и постаралась продемонстрировать гостеприимство.

— Итак, вы в порядке? — спросил он.

— Как сказать, по-всякому бывает, — ответила я. — Хуже всего по ночам. Наверное, у меня просто черная полоса.

Не зная, что ответить, Натан Бейлфорд замялся, а потом ограничился улыбкой, чем сразу расположил меня к себе.

— Вообще-то я к вам по делу, — признался гость, когда мы выпили кофе за столиком во дворе. — Видите ли, ждать дальше невозможно. Со времени смерти Патрика прошел почти год. Так что мне пришлось к вам заехать.

Он поставил чашку на стол, и я заметила, как дрожит его рука. Адвокат ослабил галстук.

— Назначен день для оглашения завещания. Вы не представляете, в каком невероятном беспорядке находились документы. Ничего подобного в жизни не видел. Но в общем пожелания Патрика выражены достаточно ясно, и мы сделали все, чтобы они были исполнены. Мэгги, должен вас предупредить: предстоит тяжелая борьба. Питер О'Мэлли очень недоволен последней волей отца и постарается оспорить завещание. Патрик был прав, когда говорил, что его сын настоящий мерзавец.

Я поняла, что совершенно не готова к такому разговору. Мысль о деньгах, ценных бумагах и недвижимости Патрика никогда не приходила мне в голову, а нервозность Натана напугала меня.

Уже одна перспектива судебной тяжбы с Питером представлялась достаточно тревожной, а о том, что будет, когда об этом пронюхает пресса, мне не хотелось и думать.

— Но какое это имеет отношение ко мне? — спросила я. — Натан, у меня нет ни малейшего желания быть хоть как-то вовлеченной в разбирательство.

Адвокат посмотрел мне в глаза.

— Патрик оставил контрольный пакет акций корпорации вам, Дженни и Аллену. Питеру выделена весьма приличная сумма, огромная сумма, но двадцать семь процентов бизнеса отныне принадлежат вам и вашим детям.

Я не верила своим ушам. Не могла поверить!

— И с-с-сколько это? — заикаясь спросила я.

— Более двухсот миллионов в наличных, ценных бумагах и недвижимости. Плюс-минус несколько миллионов. Это очень много, Мэгги.

Меня вдруг охватила злость.

— Но почему, Натан? Мне не нужны эти двадцать семь процентов. Мне вообще ничего не нужно. У меня есть деньги, больше, чем нужно. Я не хочу их. Правда.

Внезапно я громко рассмеялась, и гость удивленно вскинул голову.

Ну разве не смешно? Я только что унаследовала двести миллионов, а чувствовала себя так, словно оказалась за решеткой.

Он нес Дженни на руках! Как это случилось? Я не могла поверить глазам, но это не было ни галлюцинацией, ни миражом.

Уилл Шеппард, футболист, пытавшийся «снять» меня на вечере в доме Тревелинов в Лондоне, стоял у моей двери, держа на руках мою дочь. Это определенно был он, я не могла ошибиться. Те же длинные белокурые волосы, то же лицо и еще кое-какие запомнившиеся детали.

Охранник позвонил мне от ворот и сказал, что Дженни, похоже, ушиблась и какой-то мужчина несет ее к дому. Увидев этого мужчину, я чуть не окаменела.

Безумие.

Я не стала спрашивать о Дженни — одетая в спортивный костюм, она с вполне довольным видом болтала ногами.

— Опустите ее! Пожалуйста, опустите Дженни, — громко сказала я.

— Куда, мэм? — тихо и спокойно спросил Уилл Шеппард.

Держать на руках мою дочь ему было, наверное, не труднее, чем подушку.

— Вот сюда. На диван в гостиной. Хорошо. Пожалуйста, опустите ее!

Он поднял голову и встревожен но посмотрел на меня.

— Послушайте, я едва не сбил ее своей машиной. К счастью, она успела отпрыгнуть и всего лишь подвернула ногу. Это случилось перед домом Лоуренсов. Я у них остановился. Подавал машину задним ходом и не заметил вашу девочку.

— Спасибо за то, что доставили ее сюда. Вы очень добры, — холодно поблагодарила я. — А теперь, пожалуйста, уходите. Еще раз спасибо.

Дженни привстала с дивана, на который он успел ее положить.

— Ты могла бы по крайней мере предложить ему кофе. Или что-нибудь еще.

— Мистер Шеппард и так уже сделал для нас достаточно много, и, уверена, у него хватает собственных дел.

— Вы меня знаете? — искренне удивился он.

Подонок.

— Да, мы встречались, — коротко ответила я.

Он недоуменно покачал головой:

— Неужели? Интересно где? За кулисы я не хожу, хотя и слышал, как вы поете. Был на концерте в «Альберт-Холле». Когда там была королева.

— Нет, мы встречались не на концерте. На вечеринке.

— Если так, то я не помню. Вас бы я не забыл. Абсолютно в этом уверен.

Он наклонился и ощупал колено Дженни.

— По-моему, ничего не сломано. Я переломал столько костей, что стал чем-то вроде эксперта по этой части. Тем не менее, если хотите, вызовите врача.

— Я так и сделаю, как только вы уйдете. Спасибо за совет.

Он медленно выпрямился.

— Приятно было познакомиться с тобой, Дженни. Надеюсь, ты скоро поправишься.

Он повернулся к двери.

— До свидания, мистер Шеппард, — сказала моя дочь, и я вдруг подумала, не играет ли она во всем этом какую-то роль.

Подросткам нравится выслеживать рок-звезд, почему бы им не переключиться на спортсменов?

— Я не хочу, чтобы ты разговаривала с ним, — твердо заявила я, когда за гостем закрылась дверь.

Дженни непонимающе уставилась на меня.

— Мама, ты вела себя отвратительно. Как ты могла! О Господи!

Дженни соскочила с дивана, вскрикнула и упала. Похоже, она действительно подвернула ногу. Может быть, Уилл Шеппард поступил правильно, когда принес ее домой. Может быть, на этот раз ошибалась я?

Мой дом располагался по соседству с одним из лучших загородных клубов Уэстчестера — Озерным клубом. Члены Озерного клуба платили астрономические взносы, благодаря которым правление имело возможность нанимать на работу прекрасных поваров и опытных садовников. Его аккуратно подстриженные газоны и уединенные сады напоминали мне Гштаад, Лейк-Форест, Сан-Тропе и другие подобные места, в которых я побывала во время концертных туров по Европе.

В конце сентября меня пригласили в клуб на вечеринку. Это было одно из моих первых возвращений в реальный мир после смерти Патрика.

Запыхавшись, я остановилась на вершине крутой, выложенной бульжником лестницы, которая вела от подъездной дороги к главному входу. Последний большой прием, на котором мне довелось присутствовать, был посвящен открытию «Корнелии», и при мысли о Патрике к глазам снова подкатились слезы.

— Черт! — прошептала я.

«Возьми себя в руки, Мэгги».

Чудесная лужайка оказалась заполненной людьми. Оглядевшись, я заметила бар и небольшой джазовый оркестр. Я здоровалась с теми немногими жителями Бедфорда, с которыми успела познакомиться, и улыбалась другим, чьи имена должны были быть мне известны, но по тем или иным причинам не были. Какой-то бродвейский продюсер отвел меня в сторону и предложил назвать сумму, за которую я готова участвовать в его шоу. Мне ничего не оставалось, как ответить, что предложение льстит моему самолюбию, но говорить о возвращении на сцену пока преждевременно. Я пообещала позвонить ему, когда буду готова. Тем не менее он не отступал, и меня начало охватывать знакомое ощущение беспокойства.

Все происходило слишком быстро. «Вот что случается с затворниками, когда они возвращаются в мир, — подумала я. — Черт, не надо было сюда приходить».

Извинившись, я решила прогуляться по саду, примыкавшему к принадлежавшему клубу скаковому полю. Мне было не по себе, я чувствовала себя дурой, изгнанницей, неудачницей, ненормальной. Такое часто случалось со мной в детстве, когда высокий рост и заикание мешали моему общению с мальчиками.

Тишина и покой сада, напоенный ароматами воздух позволили немного расслабиться. Так-то лучше.

— "Расставанье с надеждой, нет горше прощанья... но любовь ты можешь обрести..."

Мои слова. Кто-то прошептал их у меня за спиной, и я круто повернулась на голос.

Передо мной стоял Уилл Шеппард.

Я вздрогнула.

Я сделала шаг назад, но не очень большой. Странно, но в этом чудесном саду при свете дня он не показался ни таким уж отвратительным, ни опасным.

— Прощу извинить за то, что нарушил ваше уединение, но мне хотелось бы узнать, чем я обязан столь холодному приему, который вы оказали мне, когда я принес вашу дочь.

Моему удивлению не было предела. Ну не может же он быть настолько туп.

— Вы действительно ничего не помните?

Он покачал головой, и солнце заиграло в белокурых вьющихся прядях.

— Не представляю, о чем вы говорите. Расскажите. Пожалуйста.

— Костюмированный бал у Тревелинов в Лондоне. Вы предложили мне отправиться с вами домой. Вы изъявили желание... быть со мной. Вели себя очень грубо. Даже нет, гораздо хуже, чем грубо.

— Не по... — Он остановился и хлопнул себя по лбу. Лицо залилось краской. — О Боже.. Вот черт. Вам придется простить меня. Я был пьян и, возможно, перебрал с наркотиками. В общем, полный идиот.

— Вы были отвратительны, — добавила я. — Так что не забывайте об этом. Приятно было увидеться. Прощайте.

Я повернулась и пошла к клубу.

Он бросился за мной.

— Но сейчас я не пьян, не под кайфом и лишь немного идиот. Пожалуйста, поговорите со мной. Это очень важно. Для меня. Пожалуйста. Думаю, что смогу объяснить свое поведение.

— Но есть ли у меня желание слушать?

— Справедливо. Конечно, я получил по заслугам, но, повторяю, я действительно почти ничего не помню.

Несколько секунд я молча смотрела на него. На нем был слегка помятый льняной костюм. Волосы отливали золотом. Надо признать, Уилл Шеппард был красивым мужчиной.

— Я лишь хочу сказать, — с искренностью, в подлинность которой мне не хотелось верить, продолжал он, — что для меня, как и для многих, вы настоящее вдохновение. Когда вы пели на концерте в честь королевы, мне казалось, что вы поете для меня. Знаю, это не так, но такое у меня было чувство. Вы тронули меня, и за это я очень вам благодарен.

Я невольно повернулась к нему.

— О какой песне вы говорите? О «Расставании с надеждами»?

— О ней и о других. Мне ведь нравятся все, ну по крайней мере большинство. У меня тогда был трудный период, настоящая черная полоса. Вы напомнили мне о том, что жизнь не кончается, если теряешь любовь. Что ее можно обрести заново.

— Да. И что? Обрели? — спросила я.

На его лице появилось грустное выражение, и я вдруг подумала, что он ведь тоже человек.

— Нет, боюсь, что нет. Слишком многое испорчено. Да и после провала в Рио...

— А что случилось в Рио?

Впервые за время разговора он улыбнулся. Это было что-то.

— Вы серьезно ничего не знаете?

— Боюсь, что нет. В тот раз, на балу у Тревелинов, я уже говорила, что не отношусь к поклонникам спорта. У меня нет альбома с вырезками из газет, посвященными вашим достижениям. В кухне у нас стоит кружка из «Макдоналдса» с Майклом Джорданом, и это, пожалуй, единственный экземпляр нашей спортивной коллекции.

— Ну и слава Богу, — сказал он.

Улыбка немного потускнела, но все же осталась на лице.

Некоторое время мы оба молчали. «Он застенчив, пожалуй, даже робок, — подумала я. — Не знает, что еще сказать, не находит темы для продолжения разговора».

«Господи, Мэгги, не начинай все сначала. Даже не думай. Тебе только этого сейчас не хватает».

— Мне пора возвращаться. Извините, но меня ждут.

— Надеюсь, с тем, кто вас ждет, ничего не случится, верно? Давайте просто немного прогуляемся, хорошо? Обещаю вести себя примерно, как и подобает отставному джентльмену.

Я замялась, не найдя что ответить.

— Мне уже пора. Видите ли...

— Не уходите. Пожалуйста. Знаете, вчера за обедом мы как раз о вас и говорили. Уинни Лоуренс, Джул и я.

— Вот как?

— Да. Они рассказали о Патрике О'Мэлли. Мне очень жаль.

— Это было ужасно.

У меня не было ни малейшего желания развивать тему.

Мы пошли по дорожке, обсаженной соснами, и я с удивлением поймала себя на том, что говорю с ним о самых неожиданных вещах: старой железнодорожной ветке Гарл-Ривер (Уилл оказался знатоком по части железных дорог); о том, насколько Уэстчестер не похож на сельскую Англию; о последнем романе Джеффри Арчера, который мы оба недавно прочли. Уилл вел себя очень корректно, точно школьник с учительницей, и я почувствовала, что ко мне возвращается прежняя застенчивость.

Уилл был очень мил и делал все, чтобы не испортить это впечатление; к тому же, что скрывать, находиться в компании такого красивого мужчины приятно любой женщине.

Взрыв смеха, аплодисменты... Я и не заметила, как мы вернулись к лужайке перед клубом, и посмотрела на часы.

— Невероятно. Мы проговорили более часа. Мне и впрямь надо идти. Сегодня моя очередь готовить. Мне очень жаль, Уилл.

— А вот я несколько не жалею. Видите ли, сегодня я здесь в качестве почетного гостя. Прощальная вечеринка. Так что мне тоже надо идти.

Прежде чем расстаться, он на секунду взял меня за руку, осторожно притронувшись к локтю, и тут же отпустил.

— Мне это было нужно. Господи, уже и не помню, когда я с кем-нибудь так разговаривал.

— Я тоже, — вырвалось у меня. — Вот видите, мы обменялись секретами.

— Мы могли бы увидеться еще как-нибудь? Я действительно не такой жуткий тип, каким вы меня вообразили.

Я предполагала, что он задаст этот вопрос, и уже приготовила ответ.

— Боюсь, что нет. Для меня это слишком рано.

— Конечно, вы правы. Кроме того, на свете много мужчин, с которыми куда интереснее, чем с бывшим футболистом.

Мне нравилось, что он так говорит о себе, но не было ли сие умаление собственного достоинства частью ритуала обольщения? Ему, наверное, нелегко. Оставить любимое занятие в таком возрасте. Как бы я себя чувствовала, если бы мне пришлось отказаться от пения?

— На свете также много куда более молодых и красивых женщин, — заметила я.

— Мне сейчас нужно нечто более глубокое, чем молодость и красота. Кроме того, вы ведь прекрасны. Разве вам это не известно? Скажите, Мэгги?

— Извините, мне действительно пора.

Возвращаясь домой, я думала, что Уилл Шеппард оказался совсем не таким, каким представлялся мне до сих пор. В нем ощущались незаурядность и сложность натуры. Любопытно.

В Мэгги Брэдфорд было все, что обещали ее песни, и еще многое сверх того. Сама она, похоже, этого не понимала, и все же была очень и очень привлекательной женщиной.

Уилл убедился — только она может спасти его. Он убедил в этом себя, и теперь мечты о ней овладевали им все сильнее. Мэгги становилась наваждением. Он должен увидеть ее еще раз. Ее песни звучали везде и всегда.

Разумеется, Уилл тщательно все спланировал и начал с длинного письма, в котором просил не о встрече, а о понимании. В следующем он подробно рассказал о своей матери, которая оставила его давным-давно, а затем о самоубийстве отца. Он писал, что ее песни помогают ему расслабиться и успокоиться, и просил только об одном: чтобы она ответила, отозвалась.

Ответа не было, и Уилл, как обычно, обратил внимание на других женщин, вымещая на них свою злость и досаду. Ничего такого, что дотягивало бы до уровня Рио, но все же испугаться было от чего. Нью-йоркский оборотень.

Потом, совершенно неожиданно, Мэгги написала ему письмо. Она сказала, что первый шаг на пути к исцелению — это смириться с болью, признать ее. Тогда Уилл позвонил наконец ей и попросил о встрече. В Нью-Йорке. Не обед, всего лишь безобидный ленч.

Они встретились в час дня двенадцатого ноября в Дубовом зале отеля «Плаза». Место было выбрано с таким расчетом, чтобы не вызвать у нее ни малейших подозрений или опасений. Уилл все рассчитал. Он знал, что возьмет над ней верх. Он не мог позволить себе проиграть еще раз.

Он планировал соблазнить ее.

Победить ее.

И не сомневался, что все так и будет.

Прошло полтора месяца, прежде чем я снова увидела Уилла Шеппарда. Несколько раз он писал. Письма открыли даже больше, чем разговор. Я увидела глубину, чуткость и ранимость. Когда Уилл наконец позвонил, я уже была готова встретиться с ним. Всего лишь ленч. Что может быть безобиднее?

Но ленч с Уиллом Шеппардом! Даже в мрачном, полутемном Дубовом зале. Я не сомневалась, что многие женщины дорого заплатили бы за такую возможность. Некоторые из них оказались там, рассматривая нас из-за соседних столиков.

Должна признать, с ним было приятно. Уилл показал себя внимательным кавалером, обаятельным и веселым собеседником. При этом он оставался чутким и ранимым. Оглядываясь назад, я спрашиваю себя: а не было ли все это отрепетировано заранее?

— Люблю поговорить с людьми, знающими, что такое популярность, — признался Уилл. — Конечно, с теми, у кого голова на месте.

Я потрогала шею.

— С моей все в порядке?

Уилл рассмеялся. Мы оба рассмеялись. Я прекрасно понимала, что он имеет в виду, когда говорит о людях, переживших «звездную болезнь». В какой-то степени это нас объединяло.

— Расскажите мне о Рио, — попросила я, когда мы перешли ко второму блюду. — Нет, лучше расскажите что-нибудь интересное.

Уилл покачал головой:

— Не хочу говорить о себе.

Это тоже было неожиданно и приятно. Главная причина, по которой мне не доставляло удовольствия общение со звездами, заключалась в том, что большинство из них обожали обсуждать только одну тему: самих себя. Я была готова держать пари, что и Уилл из их числа. Приятно иногда ошибиться в человеке.

— Оставим это, — сказал он, делая глоток вина и глядя куда-то в пространство. — Я на пути перемен и надеюсь на лучшее. Как в вашей песне.

— Мне кажется, у вас все получится, — мягко ответила я.

Уилл протянул руку и коснулся моих пальцев. Ему так не хватало понимания и сочувствия. Вообще-то мне доставило большое удовольствие, что ему так нравятся мои песни. Наверное, я хотела, чтобы он говорил и обо мне.

— Помогите мне, Мэгги, — тихо попросил Уилл.

— Как? Как я могу помочь вам?

Он посмотрел на меня так пристально, что у меня вспыхнули щеки.

— Включите меня в свои песни.

* * *

Я поступила иначе. Включила его в свою жизнь. Все получилось само собой. Как будто звезды на небе объединились и решили все за меня.

Он попросил о свидании, попросил так робко, так неуверенно, что я не нашла в себе сил отказать. Уилл сумел дать понять, что для него есть только одна женщина на свете. Только я. Он не позволял себе отвлекаться на другие темы. Смотрел только на меня, слушал только меня, говорил только обо мне.

Вот так и получилось, что я согласилась встретиться с ним снова.

* * *

Вначале было очень романтично. Все шло своим чередом. Неспешно.

Мы даже не целовались до четвертого свидания. И получилось это естественно, у дверей моего дома, когда он прощался со мной. В его поцелуе были нежность и страсть, на которые я не смогла не ответить.

— Не спеши.

Я выставила вперед руку.

Он поцеловал меня снова, и на сей раз поцелуй продлился дольше. Я испытала и наслаждение, и боль. Я хотела его и боялась этого желания. О нем много писали и рассказывали, и мне не очень-то верилось, что такой человек способен исправиться. Тем не менее Уилл так отчаянно стремился стать другим.

Он отстранился первым. Открыл мне дверь и ушел.

Какое-то время я смотрела ему вслед. Потом, когда его спортивная машина исчезла из виду, просто смотрела в темноту. Чувства мои перемешались, но они определенно расцвели новыми красками.

В ту ночь Уилл поехал напрямик на Манхэттен, выжимая из машины более сотни миль в час. Какой молодец! Какая игра! Но к восторгу примешивалась досада. К тому же ему срочно требовалась женщина. Он уже не знал, хватит ли у него терпения продолжать этот медленный танец, это утомительное ухаживание. Уилл просто не привык к такому.

Мэгги оказалась именно такой, какой он представлял ее по песням, искренней и откровенной, но стоила ли она его времени и усилий? Уиллу изрядно осточертело выступать в роли пай-мальчика. Иногда он чувствовал, что, возможно, недостаточно хорош для нее.

Игра в кошки-мышки, подумал Уилл, въезжая в Нью-Йорк. С женщинами все сводится именно к этой игре. Он всегда ловил их — просто одни доставляли чуть больше хлопот, чем другие. В какой-то степени эта игра заменяла ему футбол, хотя и сам футбол был заменителем чего-то.

Ребекка Пост торговала произведениями искусства и жила в большой кооперативной квартире на Восточной Шестьдесят первой улице с видом на мост. Поймать мышку Ребекку оказалось так легко, думал Уилл. Ладно, пусть она и легкая добыча, он уже придумал способ добавить игре остроты.

Проникнуть в ее роскошные апартаменты помог ключ, который ему дала сама Ребекка — стоило только попросить.

Осторожно закрыв за собой дверь, Уилл сделал несколько шагов в глубь темной комнаты. Он чувствовал себя лазутчиком на вражеской территории. Электронные часы в гостиной негромко отсчитывали секунды — было двадцать минут второго.

Чужак. Пришелец. Вот именно. Ему это нравилось. Он приходил без приглашения, вторгался в чужую жизнь, в жизни десятков женщин, и они совсем не возмущались, а лишь приветствовали такое вторжение.

Он был оборотнем — в Лондоне, Париже, Франкфурте, Риме, Рио и вот теперь в Нью-Йорке.

Да будет так.

Уилл заглянул в спальню и увидел Ребекку. Девушка спала обнаженная, раскинувшись на атласной простыне в весьма сексуальной позе. Длинные золотисто-каштановые волосы разметались по подушке. Прекрасная. Желанная.

Уилл точно знал, что хочет сделать с ней — изнасиловать. Молча, не произнося ни слова. А потом просто уйти.

Так он и сделал. Как хотел.

Так было всегда. Любовь — всего лишь игра, в ней либо выигрываешь, либо проигрываешь.

В начале января Уиллу пришлось улететь в Лос-Анджелес на фотопробы, и я вдруг обнаружила, что скучаю по нему гораздо сильнее, чем готова признаться. Иногда мне в голову приходили неприятные мысли, и тогда я пугала себя тем, что он просто ловкий обманщик, соблазнитель, каких поискать. Именно так отзывался о нем Барри Кан.

— Со мной он другой, — отвечала я, и это было правдой.

Уилл возвратился в четверг и сразу же пригласил меня пообедать в ресторане в Бедфорде. Я надела туфли на высоком каблуке и черное, с бисером, платье, слишком эффектное для меня, и, не скрою, обрадовалась, когда Уилл заметил.

— Мне нравится, как ты выглядишь, — сказал он. Просто, но все равно приятно.

Уилл пребывал в чудесном настроении, и это тоже доставляло мне огромное удовольствие.

— Хорошая новость: камера, похоже, меня любит. Плохая: я не могу играть. — Он развел руками, и мы рассмеялись.

Уилл говорил безостановочно. Теплый прием, который оказали ему в Голливуде, стал для него приятной неожиданностью, а я радовалась за него. За обедом мы много смеялись. Мне было абсолютно легко с ним. Люди обращали на нас внимание, но, к счастью, не навязывали свое общество. Может быть, нас принимали за любовников?

К концу обеда пошел снег. Ветер раскачивал верхушки деревьев, и они наклонялись из стороны в сторону, словно исполняющие некий экзотический танец танцоры; снежинки кололи глаза. Мы побежали к машине, и мне вдруг захотелось поймать Уилла за руку. Я так и сделала. Это объясняет, что я тогда чувствовала.

Уилл вел машину очень осторожно, а когда мы подъехали к дому, вышел проводить меня. От него исходил тонкий и очень приятный запах одеколона. На нем было легкое спортивное пальто, и выглядел он потрясающе. Щеки Уилла порозовели от холода, а когда он улыбался, у меня замирало сердце.

— Спокойной ночи, — сказал Уилл. — Спасибо, что составила мне компанию и выслушала мое хвастовство.

Я не хотела, чтобы он уходил.

— Тебе некуда спешить. Посмотри, какая непогода. Не хочу, чтобы ты ехал домой в такую метель.

Слишком много несчастных случаев было в моей жизни.

В его глазах вспыхнул странный мягкий свет. И улыбка была такой теплой и доброй.

— Здесь недалеко, всего несколько миль. Я доберусь, Мэгги. Со мной ничего не случится.

— Пожалуйста, не уезжай. Зайди хотя бы ненадолго.

Уилл кивнул и проследовал за мной в дом. Мне показалось, что он не очень хочет оставаться.

Потом он сказал, что ему нужно позвонить, предупредить Лоуренса, чтобы тот не ждал его, — они вроде бы договаривались посидеть в баре.

Когда Уилл вернулся, мы устроились в гостиной. Я успела заглянуть к Алли и Дженни — оба спокойно спали. За них можно было не беспокоиться — они всегда спали до утра, если только у них над ухом не стреляли из пушки. Зато разбудить и собрать Дженни в школу всегда было проблемой.

Я одинокая женщина. Мне тридцать восемь лет. Ситуация у меня под контролем. Я не делаю ничего плохого. Мне очень нравится этот человек. Конечно, он волшебник и просто заколдовал меня!

— Никогда не думала, что такое случится, — сказала я, когда мы сели у окна, за которым падал снег. — Мы вдвоем и этот снегопад.

— Честно говоря, я тоже об этом не мечтал. Не думал, что ты дашь мне шанс доказать, что я образумился, стал взрослым и даже могу измениться в лучшую сторону. Как мои успехи? Улучшения заметны?

— У тебя поразительный прогресс. Только не переусердствуй, — ответила я, и мы снова рассмеялись.

Я опустила голову ему на плечо. Было так приятно чувствовать его силу. Я никогда не представляла себя с ним в постели, но тогда мне было уютно и покойно. Мне нравился его запах, чистый, свежий, легкий. Густые волнистые волосы. Интересно, что ему нравилось во мне?

Уилл повернулся и поцеловал меня.

— Я еще не совсем взрослый, — прошептал он.

От его поцелуя у меня закружилась голова.

Я сама так решила. Сама сделала выбор. Я взяла его за руку и повела в спальню для гостей. Его пальцы сжали мою ладонь. Еще раньше, днем, я прибрала в комнате, постелила свежее белье, проветрила. На всякий случай.

Наверное, мне хотелось, чтобы это случилось. Нет, я знала, что это случится. И в ту ночь это случилось.

Я словно попала на поезд, мчащийся через живописный горный туннель.

Снова, и снова, и снова.

Воспоминания... Они так противоречивы. Как фотографии, которые не передают всей правды, как фотографии, которые способны лгать.

Раскрашенный белыми и синими полосами «лендровер» взлетел на внушительную скалу с видом на знаменитый курортный отель в Лас-Вейдесе. В нашем распоряжении оказалось три дня. Три незабываемых дня вдвоем.

Водитель-мексиканец так вывернул руль на крутом повороте узкой горной дороги, что автомобиль едва не устремился с высоты в тысячу футов к раскинувшемуся внизу заливу Акапулько. Я прижалась к Уиллу. Мы уже стали так близки, что знали друг о друге, казалось, все. Я, например, знала происхождение всех его шрамов и то, как быстро появляется у него щетина, знала контуры его тела и еще много-много мельчайших деталей, но мне хотелось знать еще больше, знать настоящую жизнь Уилла Шеппарда, а не ту ее версию, которую преподносили таблоиды.

— Как насчет искупаться, Мэгги? — спросил он, когда мы добрались до комнаты. Мне так нравилось звучание его голоса. — Давай переоденемся и проведем разведку этого глубокого синего моря.

Мы стояли, обнявшись и тихонько покачиваясь, под вращающимися лопастями вентилятора.

— Может быть, немного попозже, — пробормотала я. — Мы вместе, нас здесь только двое, и мне не хочется ни видеть кого-то еще, ни слышать. Может, останемся здесь и никуда не пойдем?

Уилл рассмеялся.

— Ладно. Глубокое синее море отменяется. Тогда у меня другое предложение. Нам даже не придется переодеваться.

Как тебе вот этот прекрасный бассейн, надежно укрытый от посторонних глаз?

— Вот это уже лучше. Пожалуй, мне нравится.

Мы поцеловались и еще долго стояли, не отрываясь друг от друга, не разнимая губ, наслаждаясь нежностью и пробуждающейся страстью.

Что со мной? Я теряю себя или обретаю нечто такое, что потеряла раньше?

Уилл раздвинул стеклянные двери, выходившие на живописную террасу. Раздеваясь на ходу, мы дошли до края небольшого бассейна, блестящего сотнями солнечных бриллиантов и звезд. Колибри и разноцветные попугаи громко кричали на ветках фернамбука. Рай, верно? По крайней мере так я тогда думала.

Сквозь завесу пальм и бугенвиллеи я видела красные крыши других коттеджей, но не видела их бассейны. Вот это и есть забота о гостях. Значит, и нас тоже никто не видит.

С радостным вскриком я прыгнула в воду, увлекая за собой Уилла. Мы веселились, как дети.

Он схватил меня за руку и привлек к себе. Я провела руками по его мускулистому телу и погладила по бедрам. Уилл всегда был ласков и нежен со мной, чего раньше я от него никак не ожидала.

Мы снова поцеловались.

Потом он приподнял меня, повернул так, чтобы я могла опереться о край бассейна, и медленно-медленно вошел в меня. Я закрыла глаза, наслаждаясь каскадом новых ощущений, теплом солнечных лучей, касающихся лица, и тем теплом, которое растекалось внутри меня.

У меня никогда не было такого мужчины, как Уилл. С ним я чувствовала себя особенной, с ним мне было изумительно хорошо. Я говорю это, потому что это правда.

Одна картина особенно часто встает у меня перед глазами. Этот запечатлевшийся в памяти образ, наверное, так и останется неразрешимой загадкой, прекрасной, печальной и волнующей тайной.

После возвращения из Мексики мы провели целый уик-энд с детьми, позволяя им делать все, что хочется. Они были в восторге, и Уилл замечательно сошелся с ними.

На один день мы отправились в Нью-Йорк, где, разыгрывая из себя глубоких провинциалов, побывали во Всемирном торговом центре, совершили экскурсию к статуе Свободы, прошли по Музейной миле и даже заглянули в «Хард-рок кафе». Зато воскресенье прошло дома, и мы попробовали прожить его как обычная семья.

Я смотрела, как Дженни и Алли играют с Уиллом, и видела, что дети обожают его. И ему тоже нравилось быть с ними, делать то, что делают все нормальные родители, дарить им радость, которой не досталось ему самому.

Стоял теплый осенний день, светило солнце. Уилл и Алли катались на одной из самых смирных наших лошадей, которую Дженни всегда называла Блоха. На них были утепленные куртки, но Алли расстегнул свою, изображая настоящего мужчину. Блоха лениво скакала по широкому полю с высокой, цвета морской волны, травой, а всадники хохотали как сумасшедшие.

Уилл крепко обнимал Алли одной рукой и просто сиял от счастья. Я знала, что он не притворяется, и мне было приятно смотреть на них.

В какой-то момент ко мне подошла Дженни.

— Ну разве они не молодцы? Как настоящие отец и сын, верно? Вот если бы так было всегда! Как мне хорошо, мамочка!

— Мне тоже, милая, — сказала я и обняла дочь.

Уилл поверял мне все, и я ничего не утаивала от него, и мне уже казалось, что никаких секретов не осталось. Однажды ночью он рассказал ужасную историю о том, как его отец избил мать, а она сказала ему: «Только мамочка любит тебя, Уилл. Только мамочка».

— Однако она все равно бросила нас. — Его взгляд ушел куда-то далеко. — Получается, что даже мама не любила меня по-настоящему. Вот так-то, Мэгги.

Уилл бывал временами таким милым, и я представляла его мальчиком, светловолосым голубоглазым мальчиком.

— Думаешь, в том, что она ушла, есть и твоя вина?

— Да. Но сейчас мне уже легче это переносить. И все благодаря тебе, Мэгги. Тебе, Дженни, Алли. Когда я рядом с вами, мир становится совсем другим.

Я погладила Уилла по руке. Его боль, как и его любовь ко мне, казались такими очевидными. Мне были понятны его проблемы, печальная история его семьи, ведь я и сама пережила многое из того, что выпало на долю Уилла.

— Я не брошу тебя. Никогда.

Он посмотрел мне в глаза.

— Выходи за меня замуж, Мэгги. Не оставляй меня. Пообещай.

На следующее утро я сказала, что выйду за него замуж, чтобы доказать это.

Кошки-мышки — восхитительная игра в любовь.

Будущая модель Кэм Мэтиас приняла Уилла в рот и медленно провела языком по напряженному члену Белокурой Стрелы, исторгнув из партнера долгий стон. Его пальцы еще сильнее вцепились в ее рыжие волосы.

Боже, какой сказочный любовник, абсолютно не прирученный зверь, подумала Кэм. Те, кто называет его самым волнующим мужчиной на свете, недалеко от истины.

— О, — пробормотал Уилл, — Кэм, ты чудесна. Так... хорошо...

Они занимались этим уже несколько часов. Он казался ненасытным, и его страсть снова и снова пробуждала в ней тот же голод. Когда ей казалось, что Уилл вот-вот кончит, она ложилась на спину. Но он все продолжал и продолжал, напоминая ей смешного зайца из рекламы батареек «Энерджайзер».

Мысленно сравнив его с невинным зверьком, Кэм расхохоталась. Уилл присоединился к ней.

Потом она опустилась на колени перед стеной и развела две половинки своей точеной попки.

— Начинай и не спеши.

Так Уилл Шеппард провел ночь накануне свадьбы.

Ровно в час дня, за три часа до «бракосочетания десятилетия», две дюжины полицейских в темно-синих мундирах и белых перчатках расположились у дверей нашего дома и вдоль Гринбрайер-роуд. Главная их задача состояла в том, чтобы не допустить на церемонию любопытных, нагрянувших в городок, дабы хоть одним глазком взглянуть на Уилла и меня в этот торжественный для нас день.

Боюсь, всех их ждало разочарование. Мы совершенно не были заинтересованы в какой-либо шумихе или рекламе.

К трем часам бедфордская полиция официально закрыла Гринбрайер-роуд. Пропускали только тех, кто предъявлял серебристые пригласительные карточки от Картье с выгравированными на них словами: «Гость на свадьбе».

Функции комнаты для переодевания выполняла одна из спален, где я также могла собраться с мыслями до начала всеобщего безумия.

Дженни, которая рассматривала мою свадьбу как величайший день в своей жизни, мой дизайнер-костюмер Оскар Эчеверрия и две его юные ассистентки суетились вокруг меня едва ли не с самого утра. Алли довольствовался ролью стороннего наблюдателя под присмотром горничной, миссис Лей. На мне было прекрасное платье из кремового атласа. Вуаль и шлейф сшили из бельгийских кружев. Из украшений я выбрала только нитку жемчуга на шею. Меня переполняло ощущение праздника. Я была красива и счастлива. Мне казалось, что свадьба знаменовала исцеление не только Уилла, но и мое собственное.

— Элегантно. Мило. Превосходно, — объявил Эчеверрия, одобрительно и с важным видом осматривая меня со всех сторон, как делал, наверное, Леонардо да Винчи, закончив «Мону Лизу».

Я с трудом удерживалась от смеха.

— Ты выглядишь просто клево, — высказала мнение Дженни.

— Дайте мне хотя бы немного побыть одной, — попросила я. — Несколько минут, чтобы привыкнуть ко всему этому.

— Конечно, — неохотно согласилась Дженни.

— Все выходим.

Эчеверрия захлопал в ладоши, будто учитель балетного танца.

Они потянулись к двери, но я удержала дочь за руку.

— Спасибо, что терпела меня последние недели. Я очень тебе благодарна. А теперь иди и займись собой. Только постарайся не выглядеть красивее невесты, ладно?

— Тебе не о чем беспокоиться. У меня бы ничего не получилось, даже если бы я захотела.

— Я люблю тебя, Дженни.

— А я тебя еще больше.

— Невозможно.

— Возможно. Поняла? Я люблю тебя еще больше.

* * *

Список гостей напоминал справочник «Кто есть кто». Разумеется, в нем значился Уинни Лоуренс, менеджер и друг Уилла. Натан Бейлфорд, Барри Кан, мои друзья из Бедфорда, мои сестры с семьями, музыканты и певцы, люди из мира футбола. А также репортеры и

телевидение: центральные газеты, местные каналы, журналисты из «Пипл» и «Таймс». Боже, посторонних больше, чем своих.

Одним из последних, как я узнала позже, подкатил на блестящем вишневом «мазератти» Питер О'Мэлли. Каким-то образом он тоже раздобыл приглашение.

* * *

Дверь комнаты внезапно, без предупреждающего стука, распахнулась.

Это еще кто?..

— Уилл, ты не должен...

— Жениться таким молодым? — Уилл улыбнулся. В черном смокинге от Бриони он выглядел роскошно. — Ты права. Но разве мог я устоять перед соблазном полюбоваться на столь очаровательную женщину? Знаешь, как я скучал по тебе прошлой ночью? Хочешь, покажу?

Он сделал шаг ко мне.

— Нет. Не смей. Убирайся. — Я невольно рассмеялась. — Уходи. Я серьезно.

Уилл обнял меня, его рука легла мне на грудь. Я едва не задохнулась от разлившейся по телу сладкой истомы.

— М-м-м. Так и съел бы тебя глазами. И руками.

— Уилл!

— Да?

— Я очень тебя люблю. А теперь — уходи.

— Все, все. Как пожелаешь. Слушаюсь и повинуюсь. Отныне и во веки веков.

Он покорно повернулся и вышел из комнаты, насвистывая «Всегда».

Какая прекрасная прелюдия, подумала я и улыбнулась.

Молодой пианист опустил пальцы на клавиши, и над поляной разнеслись вступительные звуки «Свадебного марша». Как будто мурашки пробежали у меня по спине — я и сама не ожидала, что все будет так торжественно, так трогательно и так прекрасно.

Опоздавшие спешили занять свои места. В небе кружили вертолеты радио— и телекомпаний, операторы снимали, казалось, без перерыва. Десятки фотографов кружили по периметру лужайки в ожидании начала церемонии.

Пришла моя очередь.

Букет белых лилий в моей руке заметно дрожал. Вообще-то мне не привыкать к большому скоплению людей, но в тот момент я испытывала необыкновенное волнение. Скользнув взглядом по толпе, я заметила своих сестер с застывшими на лицах напряженными улыбками. Дженни, исполнявшая роль подружки невесты, торжественно стояла возле алтаря. Миссис Лей с извивающимся у нее на коленях Алли сидела в одном из последних рядов. Присутствовали и обе тети Уилла, прилетевшие из Англии, Элеонора и Вэнни: одна пожилая, располневшая, другая — поразительно красивая.

Но что это? В первый момент я даже растерялась. Вместо того чтобы стоять у алтаря, Уилл держался рядом с ними... Нет, не Уилл, а Палмер Шеппард. Младший брат походил на старшего, как вышедшая из-под копирки, слегка смазанная, не вполне отчетливая копия.

По проходу к алтарю меня вел Барри Кан. Смокинг он надевал не часто, а потому выглядел немного помятым, а цветок в петлице уже успел завянуть и склонил голову.

— Ты такая красивая сегодня, — прошептал он, прежде чем отпустить мою руку и занять место в первом ряду, — прямо сияешь.

Я подняла голову и посмотрела на белый алтарь, украшенный розовыми и белыми розами. На мой взгляд, это было уже чересчур, но все равно красиво. Уилл стоял рядом со своим шафером, Уинни Лоуренсом, и улыбался мне.

Сомнения? Страхи? Нет. У меня и мысли не возникло, что нужно повернуться и бежать со всех ног куда глаза глядят.

* * *

— Объявляю вас мужем и женой, — сказал священник.

Уилл приподнял край вуали и нежно поцеловал меня в губы. Даже в этот момент я почувствовала его желание, и мне стало необыкновенно хорошо. Гости зааплодировали. По всей лужайке расцвели десятки желтых ромашек — это защелкали фотоаппараты. Над поляной зависли вертолеты. Незабываемая сцена.

Сдержанные и комично корректные официанты разбежались между собравшимися, разнося на серебряных подносах шампанское. Другие предлагали закуски: креветки и икру, канапе с крабовым мясом, сыр, фрукты, паштеты, сэндвичи. Разместившийся на высокой деревянной платформе большой оркестр под управлением Гарри Конника-младшего заиграл что-то приличествующее случаю.

Может, и не свадьба десятилетия, но и не совсем заурядное событие. Я улыбнулась, вполне удовлетворенная тем, как все началось, и напомнила себе, что у меня сегодня тоже есть определенные обязанности.

Большое, примерно в пол-акра, пространство между домом и прудом прикрывал громадный

полосатый навес. Между обеденными столами, застеленными бледно-желтыми льняными скатертями и украшенными плетеными корзинками с лютиками, васильками и другими полевыми цветами, носились дети.

Музыка звучала самая разная, от вальсов Штрауса до Карли Саймона и Пэтси Клайн. После официальной части и перед тем, как перейти к десерту, Барри исполнил свою знаменитую «Свет моей жизни» и заслужил настоящую овацию.

Затем слово взял мой друг Гарри Конник, голос которого перекрыл приглушенный гул многосотенной толпы.

— А сейчас невеста разрежет торт. Мэгги, оторви-ка задницу от стула и подойди сюда. Давай, девочка, не робей. Пора тебе снова попасть в центр внимания.

Официанты внесли три исполинских размеров свадебных торта. Каждый был украшен сделанной из марципана скульптурной композицией: мужчина в футбольной форме с крошечным мячом у ног и склонившаяся над пианино женщина. Мы с Уиллом изрядно измазали друг друга кремом, чем немало порадовали фоторепортеров, растиражировавших потом свои снимки через десятки журналов.

После обеда столы быстро унесли, и оркестр взялся за дело. Мы с Уиллом исполнили первый вальс под одну из моих песен, после чего к нам присоединились гости.

Я танцевала с Барри, когда какой-то мужчина взял меня за локоть и отвел в сторону.

— Ну что, счастлива наконец? — спросил Питер О'Мэлли.

Говорил он тяжело, едва ворочая языком, и от него сильно несло виски. Лицо Питера было бледно-серое, как у его отца в час смерти. Внешне он был карикатурой на Патрика: узнаваемые черты, но маленькие, точно бусинки, глаза и фунтов пятьдесят лишнего веса.

— Отпустите меня, — сказала я. — Пожалуйста, Питер.

Он сжимал мою руку так крепко, что ногти впивались в кожу.

— Ты дешевая шлюха. Ты даже не представляешь, что сделала со мной. Заполучила моего отца, прибрала к рукам его дом, его деньги, прикончила его, а теперь обзавелась новым мужем.

Я попыталась вырваться, но Питер вцепился в меня как безумный.

— Что вы хотите сказать? В чем меня обвиняете? — стараясь говорить как можно тише, чтобы не привлекать внимания, спросила я.

— Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать! — заорал он.

— Думаете, это я убила Патрика?

Питер немного сбавил тон.

— Я думаю, что ты сильно выиграла от его смерти. Вот так. Понимай как знаешь. И пусть люди сами делают выводы. Я для себя уже все решил. И многие думают так же.

— Питер, послушайте меня. Ваш отец умер от сердечного приступа. Пожалуйста, уходите. Вы пьяны.

— От сердечного приступа? А что вызвало этот сердечный приступ? Что ты сделала с ним, Мэгги? Затрахала до смерти?

Я вырвала правую руку и с размаху ударила его по щеке. Пощечина получилась увесистая и звонкая. В глазках-бусинках вспыхнули злобные огоньки.

— Вот ты как. — Он разжал пальцы и отступил на полшага. — Шлюха! Дешевка! Ну тогда привыкай и к этому!

Красное вино из хрустального бокала выплеснулось мне в лицо, и я на мгновение закрыла глаза.

— Твой Шеппард — всего лишь жеребец, и это знает весь мир.

Я услышал чей-то рев, и в следующий момент Уилл бросился на Питера и, сбив его на землю, несколько раз ударил ногой.

Дерущихся не без труда растащил подоспевший к месту событий Уинни Лоуренс.

— Мэгги! Боже мой, бедняжка Мэгги! — воскликнул Уилл. — Ты в порядке?

Питер О'Мэлли с трудом поднялся с земли. Лицо его было перепачкано кровью, рубашка разорвана, один глаз почти полностью заплыл.

— Ты обобрала меня! Украла мои деньги. Мои отели. Всё! Ты убила моего отца! — завопил он.

Двое охранников взяли его под руки и повели к выходу. Питер шел покорно, схватка с Уиллом отняла у него последние силы. Я перевела дыхание, представляя, какие заголовки и фотографии появятся в газетах уже на следующее утро. Черт бы его побрал!

Уилл обнял меня за плечи и стал вытирать мое лицо.

— О, Мэгги, Мэгги, мне так жаль, — шептал он. — Забудь Питера О'Мэлли. У нас своя жизнь, и она только начинается. Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, Уилл.

Я действительно его любила.

— Уилл, старина, это ты? Успел почувствовать себя женатым человеком? Или еще никак не расстанешься с холостяцкими привычками?

— Я стал другим человеком, Уинни. Что у тебя? Какие новости с Левого берега? Меня ждет новая карьера, или все ожидания впустую?

— Ты не поверишь! Майкл Капуто дал согласие. Старикуну приглянулась твоя задница. Ну и остальное тоже. Он считает, что у тебя получится.

Горячая волна возбуждения подбросила Уилла вверх. Он издал громкий крик, которого никто не услышал, потому что в доме никого не было, и спрыгнул с дивана.

— Рассказывай!

— Начну с того, что ты получаешь главную роль. Твоего персонажа зовут Норт Даунинг. Зато все остальное в полном порядке. Прекрасный сценарий. А самое важное то, что фильм ожидает громадный кассовый успех. Это будет настоящий хит!

Роман «Примула» уже успел стать национальным бестселлером, продержавшись в хит-параде «Таймс» рекордное количество недель. Эпическая любовная история разворачивалась на фоне исторических событий начала двадцатого века. Режиссер Майкл Ленокс Капуто выкупил права на экранизацию за весьма крупную сумму и теперь намеревался снять фильм, который не только покрыл бы расходы, но и принес немалую прибыль. Подобно Селзнику в случае с «Унесенными ветром» он организовал широкомасштабный и шумно разрекламированный поиск никому не известного новичка, который сыграл бы главную мужскую роль. Кассовый успех гарантировали не только огромная популярность книги, но и то, что на главную женскую роль была приглашена суперзвезда Сюзанна Пурсель, скандально известная актриса, прославившаяся не только ролями в кино, но и бурными похождениями в реальной жизни.

— Боже, я и не ожидал, — сказал Уилл, качая головой. — Не думал, что у меня есть хоть один шанс. Может быть, я и впрямь артист.

— Пробы прошли успешно. Ты великолепно выглядишь на экране. И ты умеешь играть. Капуто это сразу увидел. Ты даже понравился автору этой дурацкой книжонки.

— Знаешь, Уинни, если бы не ты, я бы никогда не решился на пробы. Попасть к великому Капуто! Черт!

Когда начинаются съемки? И где? Послушай, я уже как на иголках.

— Съемки будут проходить в Австралии и начнутся в самое ближайшее время.

— В Австралии? Снимать в Австралии американский эпос? Что еще за чертовщина?

— Когда здесь у нас лето, в Австралии зима, — ответил Уинни Лоуренс, как будто это что-то объясняло.

— Ну и что? — спросил Уилл.

— Ну и... добро пожаловать в Голливуд!

Весь актерский состав «Примулы» прибыл на место, за исключением Сюзанны Пурсель, которая не участвовала в первых сценах, а потому и не спешила появиться на съемочной площадке. В конце концов, у звезд свое расписание, свой стиль и свои привычки.

В половине шестого утра солнце еще не успело подняться над бескрайней равниной к востоку от Перта.

Первая сцена, первый дубль... Режиссер Майкл Ленокс Капуто и оператор Нестор Керешти заметно волновались. На фильм возлагались огромные надежды. Согласно предварительным расчетам, прокат его мог принести около четырехсот миллионов долларов. Роман по-прежнему держался в списках бестселлеров.

Уилл, Капуто и несколько техников сидели в плохо обогреваемом трейлере, служившем гримерной исполнителю главной мужской роли. Все ждали, пока оператор Нестор Керешти, которого называли гением современного кино, установит освещение и добьется нужного эффекта для достоверной передачи ощущения раннего утра на заброшенной ферме в Техасе. Высокое искусство.

В первом эпизоде фильма Норту Даунингу предстояло отнести в конюшню жеребенка. Миллионы читателей уже знали эту сцену по книге, как знали и главного героя, Норта Даунинга, «последнего американского ковбоя», чувственного любовника и мужа.

— Пообещай мне кое-что, Майкл, — сказал Уилл, обращаясь к режиссеру. — Дай мне обещание и выполни его, чего бы это тебе ни стоило.

Режиссер нахмурился. Актеры обращались к нему порой с самыми странными просьбами, а этот парень — абсолютный новичок. Но при этом многообещающий новичок и человек, по слухам, весьма горячего темперамента.

— Ладно, Уилл, выкладывай. Что там у тебя?

— Я хочу, чтобы ты выжал из меня сегодня все соки. Я хочу, чтобы все выглядело по-настоящему. Я хочу, чтобы ты сделал из меня артиста. Пообещай мне это.

Капуто улыбнулся, едва сдерживая смех, и закусил губу. Сильно. Никогда прежде никто не обращался к нему с такой просьбой.

— Так ты, значит, думаешь, что одной внешности для успеха мало?

— Конечно. Конечно, мало. Господи, Том Круз тоже хорош, но ведь он еще и играет.

— Послушай меня, Уилл. Публику не интересует, умеет актер играть или нет. Поверь, в наше время главное — стиль.

— Мне плевать на публику. Если бы я оглядывался на нее, то никогда не стал бы настоящим футболистом. Я был лучшим на поле, а теперь хочу стать лучшим на экране. И стану. Можешь не сомневаться.

Майкл Капуто долго молчал, задумчиво глядя на Уилла Шеппарда. Какой же он наивный! Обращаться с такими несуразными просьбами... Как ребенок.

Но, оставив свои мысли при себе, режиссер только сказал:

— Я сделаю все, что смогу.

— Мне только это и надо. Об остальном я сам позабочусь. И ты уже не будешь так снисходительно ухмыляться, как минуту назад.

— Что ж, буду только рад, если у нас все получится.

Капуто снова улыбнулся. Уилл Шеппард вызывал у него симпатию, и он действительно хотел, чтобы у парня получилось.

В первой сцене от Норта Даунинга требовалось немного: принять новорожденного жеребенка и перенести его через двор в сарай, чтобы показать малыша жене, Элли. В то утро планировалось отснять половину сцены, оставив эпизод с появлением Элли на потом.

Они отсняли двадцать два дубля. Уилл был неуклюж и, несмотря на все репетиции, концентрировался больше на исполнении указаний Капуто, чем на передаче эмоций, требуемых для этой потенциально сентиментальной сцены.

Капуто гонял новичка нещадно, пытаясь выжать из него подлинные чувства, и Уилл потел так, что после каждого дубля ему приходилось заново наносить грим.

Как надо получилось на двадцать первый раз.

— Еще разок, — сказал Капуто. — Для страховки.

Стоя за рожаящей кобылой, Уилл удовлетворенно хмыкнул, улыбнулся, потом бережно взял жеребенка на руки и, пошатываясь, побрел через обледенелый двор. Толкнув дверь фасада, имитировавшего дом Даунингов, он переступил порог и остановился. Потом улыбнулся и громко расхохотался.

Боже, шикарно. Самый лучший дубль.

С другой стороны фасада, вне поля зрения камер, стояла женщина. Когда Уилл с жеребенком на руках захлопнул за собой дверь, она расстегнула блузку, обнажив перед ним грудь.

Уилл едва не выронил жеребенка. В глазах женщины читалось откровенное приглашение и любопытство.

«Мэгги, — подумал он. — Она никогда не простит. Пошли эту бабу к черту. Трахнуть ее — то же самое, что трахнуть самого себя. Она исковеркает тебе жизнь».

Но он продолжал смотреть на нее, не находя сил отвести глаза. Она была невероятно красива. От такой красоты захватывало дух. А уж Уилл Шеппард повидал достаточно красавиц, чтобы разбираться в этом предмете.

— Добро пожаловать в «Примулу», — сказала Сюзанна Пурсель.

Я смогла остаться с Уиллом в Австралии только лишь на одну неделю. Барри умолял вернуться как можно быстрее, чтобы закончить работу над новым альбомом, и в конце концов мне пришлось дать согласие.

Выйдя из машины возле дома 1311 на Бродвее, я невольно вспомнила то ненастное утро, когда впервые приехала сюда. «Посмотри, как далеко ты ушла, — сказала я себе и улыбнулась. — Стала звездой. Нашла счастье в браке. Не так уж плохо. Ты совсем не та неуверенная в себе, испуганная Мэгги, которая явилась к Барри просить работу. Любую работу».

На сей раз Барри сам вышел из офиса, чтобы встретить меня в приемной. Он принес мне кофе.

— Давай сходим в студию. Это рядом, через улицу. Я работаю над аранжировками нескольких песен и хочу, чтобы ты оценила сама.

— Барри, я привезла из Австралии две новые песни.

— Сначала послушаем аранжировки, а потом я послушаю тебя. Между прочим, ты прекрасно выглядишь. Прямо-таки сияешь. Замужество определенно пошло тебе на пользу.

— Я счастлива. По-настоящему счастлива.

Барри только кивнул. Он так и не признал, что ошибался в отношении Уилла. Как, впрочем, и в любом другом.

Едва переступив порог студии, мы окунулись в привычную и давно ставшую жизненно необходимой рабочую атмосферу. Ничего не изменилось; мы по-прежнему любили то, что делали, и находили удовольствие в общении друг с другом. Собираясь вместе, мы всегда стремились к тому, чтобы сделать новый альбом, каждую новую песню отличной от предыдущих и лучше предыдущих. Нам не всегда это удавалось, но неудачи только подстегивали нас.

В тот день работалось исключительно хорошо. Я осталась довольна аранжировками Барри (как всегда, хотя относилась к ним намного критичнее, чем в первый период нашего сотрудничества), а он оценил мои новые песни, одна из которых ему понравилась, а другая понравилась очень.

Время перевалило далеко за полдень, когда мы наконец расстались, и я решила пройтись по магазинам и сделать кое-какие покупки. Побаловать себя. Пошиковать. А потом домой, к детям. Обед в тот день был за мной. Вечером мы собирались посмотреть по видео «Фореста Гампа». Может быть, приготовить «Бубба-Шримп»? Дженни наверняка обхохочется.

Я купила кое-какие мелочи в «Бергдорф Гудман» и вышла из магазина в половине четвертого. Пятая авеню была, как всегда, забита автобусами и такси, а по тротуару сплошным потоком шли пешеходы, так что я не сразу увидела свою машину.

Неприятности начались сразу и вдруг.

Из уличной толпы внезапно, точно перископ подводной лодки, высунулась телекамера. Вслед за ней неизвестно откуда возникли два бородатых существа из «Фокс ньюс». На вид сущие неандертальцы.

— Мэгги! — крикнул один из них. — Мэгги Брэдфорд!

Я инстинктивно подалась в сторону, отчаянно стараясь отыскать взглядом машину.

— Мэгги! Послушайте, Мэгги! Это правда, что в Австралии у вас с Уиллом возникли трения? Поэтому вы и вернулись в Штаты?

Я уже слышала жужжание камеры. Несколько прохожих остановились, с любопытством глядя на нас. Черт бы побрал этих телевизионщиков!

«Оставьте меня в покое. Дайте мне жить своей жизнью».

— Нет, — отрезала я.

— По нашим сведениям, он довольно близко сошелся с Сюзанной Пурсель. Знаете что-нибудь об этом?

В груди похолодело.

— Нет.

Мы с Уиллом понимали, что слухи о нем и Сюзанне неизбежны, и готовились к такому развитию событий. Даже если бы репортеры не придумали ничего пикантного, студия постаралась бы помочь им. Слухи — та же реклама.

— Значит, вы еще не видели фотографии?

— Нет. Никаких комментариев. До свидания. Приятно было пообщаться. Жаль, мне нечего вам предложить.

Где же машина? Где машина?

Я вертела головой, понимая, что так просто они меня не отпустят.

— Фотография, Мэгги. — Нахальный лысый коротышка с Пятого канала упорно совал мне в лицо микрофон. — Она во всех газетах. Уилл и Сюзанна Пурсель. Не видели? Хотите увидеть?

Я отодвинула его в сторону, вернее, толкнула на оператора и, увидев наконец свою машину, подбежала к ней, забралась в салон и захлопнула дверцу.

Сердце вошло в привычный ритм, только когда я уже подъезжала к дому и за окнами замелькали изумрудно-зеленые деревья. Ну и наглецы! Мне уже приходилось иметь дело с репортерами, и от этих встреч обычно оставались не самые приятные воспоминания. Особенно запомнились две стычки, в Риме и Лос-Анджелесе. «Что с нами произошло? Неужели такое понятие, как „частная жизнь“, больше не существует? — спрашивала я себя. — Кем они себя возомнили?»

Мне так не доставало Уилла. Дома. Или даже здесь, в машине.

«О, Уилл, не нужна нам слава. Давай просто исчезнем и проведем остаток жизни в неизвестности и покое».

Уилл и Сюзанна. Фотография. Неужели... Нет. Не может быть.

К тому времени я полагала, что уже хорошо знаю своего мужа. Я была в этом уверена. А фотография — всего лишь очередная «утка» папарацци. Не первая и, уж конечно, не последняя.

Отбросив сомнения, я вышла из машины и направилась домой. Но сомнения вернулись позже, когда я уже легла в постель, и не давали уснуть до двух или трех часов ночи.

Уилл и Сюзанна.

Нет!

Проклятые папарацци!

Там, где происходили главные события, никаких папарацци не было.

СЦЕНА

Ванная комната в доме Элли. Чудесное солнечное утро. Элли нежится в жестяном корыте, скрытая густыми хлопьями мыльной пены. Время от времени она разводит их и смотрит на живот. Входит Норт. Вид у него озабоченный.

ПЕРЕХОД

Реакция Элли. Она стыдливо смотрит на мужа. Норт опускается на колени рядом с корытом. Он не такой, как большинство мужчин. Он способен понять, о чем думает женщина.

Норт. Почему ты избегаешь меня, Элли? С тех пор как мы узнали про ребенка, ты просто не подпускаешь меня к себе.

Элли. Я теперь некрасивая, вот почему. *(Начинает плакать.)* И уже никогда не буду прежней. Этот ребенок все испортил. Превратил меня в старуху.

Норт. Девятнадцать лет — это не так много. И ты такая же красивая. Ты моя милая жена. *(Размещает холмики пены.)* Ты — Элли, и это не изменится никогда.

Элли. Нет! Пожалуйста... О, Норт, не надо, пожалуйста.

Норт. Тише. *(Из-под пены появляется ее грудь.)* Видишь, какая ты красивая. Ты такая красивая, что я просто не могу на тебя смотреть.

Элли. Я толстая, как поросенок. У меня все болит, и я чувствую себя старухой.

Норт *(подбирает мочалку и начинает осторожно тереть спину жены. Его руки под водой, но видно, что они приближаются к ее груди)*. Только не здесь... и не здесь... и уж никак не здесь.

ПЕРЕХОД

Реакция Элли. Она явно возбуждена его ласками. На лице ее появляется чудесная улыбка. Элли действительно прекрасна.

Норт *(продолжая ласкать жену)*. Моя красавица...

моя Элли...

Элли *(задыхаясь)*. Правда? Я еще нравлюсь тебе? Да?

Норт. Да, нравишься. И всегда будешь нравиться. Я же говорил, что ничто не изменится. Даже когда ты состаришься.

КРУПНЫЙ ПЛАН

Норт целует Элли. Поцелуй становится все более и более страстным... Герои исчезают в клубах пара.

ПЕРЕХОД

Камера опускается ниже, к самой воде, к требовательно-нежным пальцам Норты...

— Снято! — Резкий голос Майкла Капуто словно ножом разрезал напряженное безмолвие сцены. — Отличный дубль. Все. Лично я иду погонять шары — иначе мой орел порвет ширинку.

Однако ни Сюзанна, ни Уилл и не думали останавливаться. Техники, быстро смекнув, что к чему, не стали выключать камеру, зная, что всегда могут продать отснятый «горячий» материал любому развлекательному каналу.

Герои, увлекшись, похоже, ничего не замечали. Выйдя из ванны, Сюзанна, нисколько не смущаясь своей наготы, рассмеялась и подергала партнера за ремень. Уилл подхватил звезду на руки и, впившись в ее губы поцелуем, который так и остался за рамками «Примулы», понес женщину в трейлер.

Дверь захлопнулась.

Австралийский оборотень.

— Что дальше? — спросил Уилл.

Основной материал уже был отснят, оставалось только сделать монтаж и озвучить фильм.

Они медленно брели по пыльной равнине. Он совсем не собирался заводить роман, но, как говорится, один шаг — и попал в дерьмо. Сюзанна была одной из самых красивых женщин в мире, а Уилл всегда ценил самое лучшее.

— Что дальше? — усмехнувшись, переспросила она. — Я вернусь в Калифорнию, а ты снова станешь мистером Мэгги Брэдфорд. Тебе ведь это нравится.

Уилл моргнул. Слова больно жалили.

— А что у нас было здесь?

— Мы прекрасно провели время, согласен? Ты хорош, Уилл. Один из лучших.

— Один из? — Теперь уже он усмехнулся. — С тобой не соскучишься.

Сюзанна весело кивнула:

— Верно, Уилл. Мозги у меня есть. Ох, милый! Я всегда выбирала самых-самых. Актеров, спортсменов, лыжников. Но ты не хуже их, так что не беспокойся.

Уилл уже слышал голоса демонов. Очнувшись от долгого сна, они карабкались вверх, выползали из тьмы, цепляясь когтями за внутренности, и лезли в голову. Черт, как же он не любил проигрывать. Он просто не мог перенести поражение.

— После этого фильма я стану звездой, — внешне спокойно сказал Уилл, хотя голос уже был готов сорваться на крик. — И тогда уже никто не назовет меня мистером Мэгги Брэдфорд.

— Я сделала тебя звездой, — поправила Сюзанна. — Никогда не забывай об этом. И не советую влезать в этот бизнес — добра не будет. Можешь мне поверить — я знаю.

Уничтожь ее. Но только не сейчас. Спокойно. Не спеши. Спланируй, как ты умеешь. Ведь урок в Рио пошел тебе на пользу.

Уилл промолчал, и вскоре они повернули назад, к отелю.

— Еще разок? Напоследок? — спросил он.

Сюзанна усмехнулась и потянулась к нему.

— Вот это я понимаю. Так держать. У меня или у тебя?

— У тебя. Поиграем в твои игрушки.

* * *

Сюзанна Пурсель не имела ни малейшего представления о том, как все случилось. Иногда ей даже казалось, что все происходит не с ней, а с кем-то другим, а она лишь наблюдает со стороны.

Едва она переступила порог своей комнаты, как Уилл ударил ее сзади. Впрочем, может быть, и не он. Так или иначе, кто-то сильно толкнул ее в спину, и голубой ковер словно прыгнул навстречу. Сюзанна рухнула на пол и мгновенно потеряла сознание.

...И очнулась уже связанной по рукам и ногам ее же собственной скакалкой. Рот ей он заткнул бюстгальтером.

А потом он запихнул ее в ванну.

То, что началось после, было гораздо хуже.

Он резал ей запястья и спокойно наблюдал, как кровь стекает по стенкам и уходит в водосток.

Просто сидел и смотрел, как она истекает кровью.

Сюзанна отчаянно дергалась, издавая жуткие приглушенные звуки, но веревки лишь затягивались еще туже.

Она пыталась кричать, но кляп сидел слишком плотно.

Тогда она попробовала умолять своего мучителя — глазами.

Уилл наконец заметил и заговорил:

— А, да. Теперь я вижу. Ты хочешь поговорить, верно? Может быть, ты даже хочешь взять назад свои гадкие слова, сказанные в мой адрес? Так или не так, Сьюзи? Я прав? Видишь, у меня тоже есть мозги.

Сюзанна кивнула. Настолько энергично, насколько смогла. Крови вытекло много, и ее уже начало подташнивать. Голова кружилась, и Сюзанна боялась, что потеряет сознание.

— Знаю, на самоубийство не очень похоже, но кое-что в этом есть. Любопытно смотреть, как человек умирает. Ты даже представить себе не можешь. И глаза у тебя сейчас такие интересные. Сколько мыслей проносится в этой голове, а? Вот бы узнать, о чем ты думаешь. Наверное, не можешь поверить, что ты, великая Сюзанна Пурсель, вот-вот умрешь. Невероятно, правда? Твоя жизнь не может закончиться вот так... вдруг, верно? Я вижу все эти мысли в твоих глазах, Сюзанна.

Уилл замолчал.

То, что он видел, очень напоминало самоубийство. То, что случилось с его отцом.

* * *

На следующее утро Майкл Капуто пришел в отель, где жила Сюзанна. Он хотел попрощаться с ней, пожелать счастливого возвращения домой и — кто знает? — может быть, получить сладкую награду. Сюзанна не снимала трубку телефона, не ответила она и на стук в дверь.

В конце концов ему удалось убедить менеджера открыть номер. «Наркотики, — думал Капуто. — Черт бы ее побрал. Ну почему так получается, что едва ли не каждая красивая женщина превращается в проблему с головной болью?»

Он обнаружил свою ведущую актрису обнаженной, сильно изрезанной, без сознания, но живой. Кто-то приковал ее наручниками к кровати. Прошло полгода, прежде чем Сюзанна Пурсель смогла сняться в следующем фильме, а ее крупные планы уже никогда не были теми же, что раньше.

Сюзанна поклялась сначала Капуто, а потом полиции, что Уилл Шеппард не имеет к этому никакого отношения. Больше она ничего не сказала. Никаких обвинений выдвинуто не было.

И никому ни слова.

Вот как сильно он ее напугал. Сюзанна уже не сомневалась, что Уилл Шеппард способен на убийство. И вообще на все.

Книга четвертая
Обратная сторона луны

Я не убийца.

Я никогда никого не убивала.

Так я говорю себе, повторяю снова и снова.

Едва мы вошли в здание суда, как все, кто там был, повернулись и уставились на меня. Дыхание сбилось. Я чувствовала, что схожу с ума. Может быть, уже сошла. Полицейские из тюрьмы и команда моих верных и дорогих адвокатов окружили меня плотным кольцом. Клаустрофобия. Я вспомнила, как лежала, скрючившись, в тесном пространстве под верандой дома в Вест-Пойнте. Все ужасы, прошлые и нынешние, соединились, смешались здесь.

Шел дождь, и сотни людей, по большей части с черными зонтами, но некоторые с синими и красными, повернулись в мою сторону, чтобы, пусть мельком, посмотреть на так называемую знаменитую убийцу.

Сердце разрывалось при мысли, что дети увидят меня такой — в наручниках, с большой алой буквой "У" на груди.

Мы прошествовали по коридору и поднялись по лестнице в зал судебных заседаний, где нас уже ожидал судья Эндрю Сассман — крупный мужчина, примерно в шесть футов и шесть дюймов ростом, с черной, пронизанной серебряными нитями бородой, которой была предоставлена полная свобода роста. Судье Сассману было что-то между сорока и пятьюдесятью, и он напоминал раввина. Хороший знак, подумала я. Равнины ассоциировались у меня со справедливостью и честностью. Большого я и не желала.

Справедливость и честность. Это ведь по-американски, верно?

Обвинительный акт Эндрю Сассман держал в строгого вида черной папке. Мои защитники, разумеется, уже сообщили, чего следует ожидать, но я все равно не могла к этому привыкнуть.

"Что — во имя Господа — я здесь делаю? Как получилось, что я оказалась здесь?"

Я же не преступница, в этом деле я жертва. Тогда почему меня судят за убийство?"

Репортеры, освещавшие ход судебного процесса, уже находились в зале заседаний. Не один, а несколько художников приготовились запечатлеть меня для пославших их газет. Какой почет!

Я стояла рядом с моим главным адвокатом Натаном Бейлфордом и все никак не могла поверить в реальность происходящего.

— Доброе утро, — вежливо произнес судья Сассман, как будто меня обвиняли в неуплате штрафа за неправильную парковку или нарушении постановления властей города Бедфорда об обязательной стрижке травы у бордюра собственного дома.

— Доброе утро, ваша честь.

Я удивилась тому, что могу говорить так уверенно, что могу вообще говорить что-то и при этом оставаться вежливой.

Судья поднял черную папку.

— Миссис Брэдфорд, здесь находится обвинительный акт Большого жюри. Вы знакомы с его содержанием?

Он говорил отчетливо и просто, как будто перед ним стоял обвиняемый в серьезном проступке ребенок.

— Да, ваша честь, знакома.

— Вы прочитали документ и имели время, чтобы обсудить его с мистером Бейлфордом или другими вашими адвокатами? — продолжал судья.

— Мы разговаривали на эту тему.

— Вы понимаете суть предъявленного вам обвинения? Осознаете, что обвиняетесь в

убийстве вашего мужа, Уилла Шеппарда?

— Я читала обвинительное заключение и понимаю суть выдвинутых против меня обвинений.

Он одобрительно кивнул, как будто я была хорошей ученицей.

— В таком случае признаете ли вы себя виновной в предъявленном обвинении?

Я посмотрела ему прямо в глаза. Я знала, что это не имеет никакого значения, но мне все равно нужно было это сделать.

— Я не виновна в убийстве. Я не признаю себя виновной.

Нью-Йорк. Центральный парк. Мы с Уиллом женаты уже почти год.

— Мэгги, ты что-нибудь видишь? Я ни черта не вижу. В этом проклятом парке слишком много дурацких деревьев.

Мы втроем — Уилл, Дженни и я — сидели в роскошном, длинном, дымчато-сером лимузине. Уилл попытался прикурить, и голубовато-золотистое пламя запрыгало, освещая лицо и дрожащие пальцы. Он поднял руку и нервно провел ладонью по густым локонам.

«Как он бледен. Устал. Испуган, — думала я, наблюдая за Уиллом. — Для него это очередное повторение Кубка мира. Сегодня вечером ему снова нужно кому-то что-то доказывать. Что ж, мне это понятно».

— Что они там делают, в начале этой чертовой нескончаемой очереди?

— Не вижу, — ответила я. — Думаю, пытаются очистить проезжий путь от пешеходов.

— Видишь, какой популярностью уже пользуется твой фильм? — добавила Дженни, внося свою долю поддержки.

Наш лимузин застрял неподалеку от площади Колумба, оказавшись пятым в угрюмой веренице «роллс-ройсов», «бентли» и «линкольнов», в которых разместились главные создатели фильма и звезды.

Наконец караван сдвинулся с места и, миновав Центральный парк, пополз сначала по Пятьдесят четвертой улице к кинотеатру «Зигфельд», где должна была состояться мировая премьера «Примулы».

Нервозность Уилла возрастала, казалось, с каждым поворотом: его ладонь, когда я прикоснулась к ней, была липкой от пота, едва закончив одну сигарету, он тут же принимался за другую. Вообще Уилл курил очень редко, но в тот вечер просто не мог остановиться. Честно говоря, я не узнавала своего мужа.

— Все будет в порядке. Обычное, как у вас говорят, предстартовое волнение.

— Все в порядке? Через пятнадцать минут критики увидят меня на экране, огромного, ростом в тридцать футов, и услышат дурацкое «Доброе утро, Элли. Прекрасная лошадка. Ты заботишься о ней, девочка, как мать заботится о собственном ребенке». С такими словами и таким ростом мне от них не увернуться.

— Это всего лишь сказка, Уилл. Люди хотят, чтобы в сказках разговаривали именно так. Им надо время от времени уходить от реальности.

— От реальности спрятаться можно, а вот от нью-йоркских критиков нет. Их не проведешь на таком дерьме, они сразу увидят, что я дешевка, подделка, что я не умею играть, и — прощай моя артистическая карьера.

— Этого не будет, — сказала Дженни.

— Будет, — усмехнулся Уилл.

Процессия снова остановилась. Вдруг кто-то постучал в боковое стекло, и я увидела короткие и толстые волосатые пальцы, скребущие окно лимузина.

— Беда одна не ходит, — прошептала я, открывая дверцу.

— Капуто! — воскликнул Уилл, подвигаясь, чтобы дать место режиссеру и продюсеру, чья широкая задница заняла едва ли не половину заднего сиденья.

— Нас распнут или поджарят, — с трагической миной на лице объявил Капуто. — Я знаю. Инстинкт меня никогда не подводил. Ты согласен со мной, Уилл? Я ведь вырос в Бруклине. У тех, кто провел детство на бруклинских улицах, самые острые инстинкты. Мы все чувствуем заранее.

Он был так комически несчастен, что я рассмеялась.

— Люди слишком многого ждут от этой картины, — продолжал Капуто. — Как будто можно снять что-то стоящее за пятьдесят мил... кхм, но мы-то с Уиллом знаем, что они получают кусок овечьего дерьма. Австралийского овечьего дерьма. А их дерьмо еще хуже нашего.

Уилл тоже засмеялся — шутки у Капуто были такими же мрачными, как и у него самого.

— Где ваша жена? — спросила я. — Ей, похоже, так же удалось успокоить вас, как мне Уилла.

— Элеонора в передней машине с моей матушкой. Они не переносят меня, когда я в таком состоянии. Меня выгнали из моей же машины. И вот я здесь. Должен же кто-то отвезти несчастного в кинотеатр.

Я открыла дверцу и потянула Дженни за руку.

— Куда ты? — спросил Уилл.

— К Элеоноре и матери Майкла. Два таких художника, как вы, вполне заслужили право побыть вдвоем.

Я присоединилась к Уиллу уже около «Зигфельда», и мы вместе прошли под лучами прожекторов через вопящую толпу, мимо репортеров, служащих студии и расположились на почетных местах.

Мы с Дженни впервые присутствовали на мировой премьере, так что нам все было интересно. Приглашенные, на мой взгляд, выглядели несколько нелепо в смокингах, темных костюмах и вечерних платьях — ведь пришли-то они, в конце концов, лишь для того, чтобы посмотреть кино.

Фильм начался примерно через пятнадцать минут, и по экрану побежали первые титры. УИЛЛ ШЕППАРД. Его имя значилось такими же буквами, как и имя Сюзанны Пурсель. Первые аплодисменты, однако, прозвучали еще раньше. Я услышала, как Уилл вздохнул. Был ли то вздох удовлетворения или страха — не знаю.

Картина захватила меня с первых кадров, которые запечатлели потрясающую красоту американского Запада. Нестор Керешти увидел прекрасное там, где я никогда бы его не заметана, и перенес на экран.

Уилл поднял на руки жеребенка, отнес его своей юной жене (я с удовлетворением отметила, что выглядит она скорее на тридцать, чем на девятнадцать) и произнес те самые страшные слова.

В зале было тихо. Никто не хихикал и не фыркал. В конце концов расслабился даже Уилл, сидевший справа от меня. Дженни подняла вверх большой палец.

— Видишь? Я же говорила, — прошептала она.

Фильм продолжался немногим более двух часов. Превосходные съемки, хороший сюжет, юмор и романтика вперемешку с трагическими событиями — в общем, я смотрела с удовольствием. Вплоть до того момента, когда Уилл начинает мыть Сюзанну в корыте.

То, как он смотрел на актрису, сразу подсказало мне, что они были любовниками. Уилл не играл — в его глазах горела настоящая страсть. Его рука двигалась под покровом пены, но я чувствовала, знала, что делают эти пальцы.

Сердце сжалось. Дышать вдруг стало нечем, и мне пришлось выпрямить спину.

«Они любовники», — подумала я, и тупая, тяжелая боль раскатилась по телу. В памяти мгновенно всплыли многочисленные слухи, скандальные публикации в прессе и то, как твердо Уилл опровергал их.

Они были любовниками не только на экране. «Господи, пусть это будет неправдой».

Я заставила себя взглянуть на Уилла. Он пристально, приоткрыв рот, смотрел на экран, как будто заново переживал историю своего героя.

Когда показавшаяся мне бесконечной любовная сцена закончилась, он наклонился и поцеловал меня в щеку.

— Ты же понимаешь, Мэгги, я играл, — шепотом объяснил он. — Знаю, что ты думаешь, но в данном случае ты ошибаешься. Может быть, я все же неплохой актер.

Я глубоко вздохнула и, как ни странно, почувствовала себя гораздо лучше.

Может быть, Уилл и вправду хороший актер.

Вечеринку по случаю премьеры «Примулы» устроили на втором этаже «Русской чайной» на Пятьдесят седьмой улице. Человек сто или даже больше подошли к Уиллу, чтобы пожать ему руку и сказать, насколько отлично он смотрелся. Почти никого из этих людей он не знал, а потому отвечал на похвалы и комплименты бесстрастным кивком.

Ему казалось, что сам он где-то в другом месте.

Уилл искал родителей, отца и мать. Их души, конечно, не могли упустить такую возможность.

Неужели снова поражение? Да, Рио, похоже, повторялся. Все указывало на полную катастрофу. Сокрушительное фиаско. Уилл вдруг осознал, что так и не научился жить после поражения.

* * *

Агент Капуто по связям с общественностью примчался в ресторан около половины одиннадцатого. Все повернулись к нему. Именно этого момента они и ждали. Именно ради этого и собрались здесь все вместе.

— Хит! — воскликнул гонец, потрясая свежим номером «Нью-Йорк таймс». — Ну почти.

Он протянул газету, уже открытую на нужной странице, своему боссу и отступил в толпу, окружившую столик, за которым сидел Капуто. Режиссер поднялся, чтобы зачитать вердикт вслух.

«Майкл Ленокс Капуто, создатель нескольких блокбастеров, единственный из современных режиссеров, способный представить публике настоящее зрелище, на сей раз превзошел себя. „Примула“ наверняка станет одним из самых удачных в финансовом отношении проектов сезона...»

Собравшиеся, особенно представители студии, разразились аплодисментами. Небольшой, специально приглашенный оркестр заиграл что-то бравурное. Капуто молча пробежал глазами статью и отбросил газету в сторону.

— Скромность не позволяет мне продолжать, — заявил он. — Утром все прочтете сами. А сейчас давайте выпьем за наш успех! Отметим как следует! Мы это заслужили!

Официанты подали дорогое шампанское. Упавшая на стол газета оставалась без внимания до тех пор, пока ее не подобрал Уилл. «Интересно, почему Капуто не дошел до конца?» — подумал он и, отойдя в сторону, начал читать.

Вот и нужный абзац.

«Своим успехом Капуто во многом обязан актрисе, исполнившей главную роль, Сюзанне Пурсель, которая излучает как невинность, так и чувственность, умело дозируя и то и другое. В любовных сценах ей удастся быть и девятнадцатилетней девушкой, и женщиной с развитым сексуальным аппетитом. А вот ее партнер, Уилл Шеппард, исполнивший главную мужскую роль, явно чувствует себя уютнее на футбольном поле, чем на прекрасно показанных просторах Техаса. Он обращается с ней как с несвежим куском творожного пудинга. Обе звезды прекрасно смотрятся без одежды, но, когда от мистера Шеппарда требуется настоящая игра, эмоции, вызванные к жизни неприкрытой похотью, исчезают, уступая место надутым губам, принужденной улыбке и глицериновым слезам, обязанным своим появлением искусству визажиста, а не усилию души. Последняя в случае с мистером Шеппардом так ничем себя и не

проявила. Пожалуй, не стоило ему так спешить с уходом из мира спорта».

Читать дальше Уилл не стал и повернулся к гостям. Он вдруг почувствовал, что готов на все, на любое безумство.

Где же Мэгги?

Он обвел глазами зал. Его жена стояла рядом с Капуто и улыбалась.

"Улыбается... Ладно, черт с ней.

Она должна была стать моей спасительницей. Ведь именно это обещали ее песни.

Но она сказала, что я сыграл хорошо.

Солгала! Обманула! Чтоб ей!

Сука!"

Уилл скомкал газету, швырнул ее на пол и исчез в ночи. Ему было страшно. Казалось, он вот-вот сойдет с ума, рехнется, спятит. А может быть, это уже случилось?

Ему нужны восторженные крики толпы, ощущение всеобщего обожания и любви, но все это осталось в прошлом.

Уилл вышел на Седьмую авеню и побежал. Через несколько секунд он уже мчался со всех ног.

Ни ликующего гула, ни восторженного рева, ни симпатии, ни любви. Всего лишь пустая улица.

«Нью-йоркский оборотень», — подумал он.

Уилл отсутствовал уже два дня, и я боялась, что не выдержу, что сердце просто остановится.

Мы с Уинни Лоуренсом искали его повсюду, лихорадочно проверяя местные и нью-йоркские больницы, полицейские участки, обзванивая всех, кто был на вечеринке и мог уйти вместе с ним. Дети тоже были в панике.

Никто не имел ни малейшего понятия, куда ушел Уилл и где может находиться. Я помнила его рассказы о Рио и понимала: там с ним произошло нечто, о чем Уилл умалчивает, нечто такое, что изменило его навсегда.

Разумеется, я прочитала рецензию в «Таймс», прочитала сразу после того, как Уилл ушел, прочитала с ужасом и злостью, понимая, как оскорбил и унизил его уничижительный отзыв. Я сама прошла через это, пережив и заслуженные, и незаслуженные укоры, упреки и оценки.

Еще одна неудача. Сколько их было у него?

Я хотела помочь Уиллу, но как помочь тому, кого нет рядом? Где он?

На третий день я не выдержала и еще раз позвонила Барри и попросила приехать ко мне домой.

— Мне что-то не по себе. Знаю, надо что-то делать, но что?

— Уилл вернется, — спокойно сказал Барри. — Ему ведь есть к кому возвращаться. Не забывай об этом.

— Ты всегда переоценивал меня и недооценивал Уилла. А ведь он мог покончить с собой. Его отец совершил самоубийство, утопившись в бассейне.

— Такие, как Уилл, не совершают самоубийств. — Я представила, как Барри качает головой. — Он знает, что делает.

— Как ты можешь так говорить! Ты совсем не знаешь Уилла. Не знаешь, как близко он все принимает к сердцу.

Барри пожал плечами. Он не верил мне. Впрочем, я и сама в некотором смысле себе не верила. Но мне хотелось верить, что Уилл вернется. Он любил меня и любил детей. Он должен был вернуться.

— Иногда мне кажется, что он лежит в какой-нибудь канаве. Тот факт, что полиция не смогла найти...

— Его не нашли, потому что он не хочет, чтобы его нашли. Я понимаю, как тебе трудно и что ты чувствуешь, но советую взять себя в руки. Вероятнее всего, твой муж просто загулял. Вот отрезвеет, отоспится и вернется.

Вернется ли? Все чаще и чаще я задавалась вопросом, а знаю ли я по-настоящему своего мужа? Меня не было с ним в Рио. А кто был? Что случилось с ним на самом деле? Какие демоны владели им тогда? Какие теперь? Может быть, он не рассказал мне всей правды?

И как можно было просто взять и исчезнуть?

Передо мной снова и снова вставала картина из недавнего прошлого: смеющиеся Алли и Уилл верхом на Блохе. Нет, он должен вернуться. Иное немислимо.

И в конце концов он вернулся.

Я проснулась от прикосновения. Чья-то рука легко дотронулась до щеки, пригладила волосы. Уилл! Я слишком хорошо знала его ласки. Сердце подпрыгнуло, но не от радости — от ужаса.

— Уилл? — прошептали непослушные, мгновенно пересохшие от страха губы.

Я оттолкнула его руку и поспешно поднялась с постели. За то время, что Уилла не было дома, во мне накопилось столько ярости!

— Где ты был? Почему ни разу не позвонил нам? О Господи, Уилл! Неужели ты думаешь, что можно вот так легко уходить и приходить?

Что-то было в его глазах в ту ночь. Что-то непонятное, странное. Что-то такое, чего я не видела раньше. Оно едва просматривалось, но от меня все же не укрылось. Уилл был не похож на себя прежнего.

Черные, безупречно отглаженные слаксы, черная футболка, небрежно зачесанные волосы и покрытый густой светлой щетиной подбородок.

Он улыбнулся мне, как наверняка улыбался каждой женщине, когда хотел смягчить ее гнев и получить прощение. Меня распирало желание закричать, наброситься на него с кулаками.

— Я летал в Лондон. Думал навестить тетю Вэнни. Она мне как вторая мать. Только ее не было дома, они с тетей Элеонорой уехали куда-то на праздники. И я вернулся.

Да. Конечно. Вернулся. К другой мамочке. Ко мне.

— Прости, Мэгги, мне жаль, что все так получилось. Я не должен был уезжать без предупреждения. И разумеется, мне следовало позвонить. Ты представить себе не можешь, как я расстроился на той ужасной премьере. О чем я только не передумал. Ты даже не догадываешься.

Конечно, я не догадывалась. И не хотела. Не желала об этом думать. Я устала, но все же старалась быть терпеливой, старалась понять. Может быть, слишком сильно старалась.

Теперь Уилл почти все время, даже по вечерам и дома, носил темные двухсотдолларовые очки. Это называлось у него «фазой кинозвезды».

Он использовал любой, даже самый сомнительный, повод, чтобы не оставаться дома. Честно говоря, Уилл боялся быть рядом с Мэгги и детьми. Может быть, он не любил их больше, не чувствовал, что хочет быть с ними, но в то же время и не хотел причинять им боль.

Не хотел, чтобы с ними что-нибудь случилось.

Стоял тихий солнечный день, когда Уилл на своем новеньком «мерседесе» въехал в Нью-Йорк. Он чувствовал себя невероятно опустошенным, как будто внутри абсолютно ничего не осталось. Утром Уилл пытался поговорить с Палмером, но, само собой, младший брат ничем не помог. Более того, Палмер заявил, что не желает больше иметь с ним ничего общего.

Уиллом владело одно чувство: покончить со всем, положить конец этой жизни, может быть, устроив эффектную автокатастрофу. На узкой, петляющей улице его кабриолет разогнался до ста миль в час. Однако с аварией ничего не вышло — слишком хорошо работали рефлексы. Или, может быть, он все же не хотел умирать. Пока.

Да и с какой стати ему стремиться к смерти?

«Примула» била рекорды посещаемости, собирая полные кинозалы как в Штатах, так и по всему миру. Абсурдная картина стала хитом и уже несколько месяцев не уходила с первого места в рейтингах популярности. Еще более абсурдным было то, что его провозгласили новым Клинтом Иствудом или Харрисоном Фордом. Какой идиотизм! Уилла тошнило от Голливуда, тупо потакавшего вкусам публики.

Всего за одну неделю ему прислали для ознакомления более сотни сценариев. В конце концов Уилл сделал выбор в пользу еще одного бестселлера, мощного психологического триллера под названием «Колокол ветра». После проведенных переговоров ему предложили контракт на четыре миллиона долларов.

Съемки должны были начаться уже на следующий день. Режиссером фильма стал знаменитый британец Тони Скотт. Никто не сомневался, что «Колокол ветра» станет очередным бестселлером — он имел для этого все необходимые «ингредиенты».

Уилл не сомневался в другом: зрители получают еще один кусок коммерческого дерьма. Он знал, что хорошо, а что плохо, как знал и то, что дурачит мир и рано или поздно тот на нем отыграется.

Он не читал и терпеть не мог эти гребаные критические статьи, потому что в них писали правду, потому что критики видели его насквозь. Он был собачьим дерьмом на палочке.

И не мог так больше.

Не мог быть и оставаться Уиллом Шеппардом, доживающей легендой, великим экс-футболистом, «невероятным Красавчиком», «мистером Мэгги Брэдфорд».

Въехав в Нью-Йорк и увидев указатели на Бродвей и 242-ю улицу, Уилл вдавил в пол педаль газа, и «мерседес» быстро вышел на сотню с лишним.

Движение было плотным, и он мчался, перескакивая с полосы на полосу под сердитые сигналы разъяренных водителей.

«Я больше не хочу быть Уиллом Шеппардом», — думал он, ведя машину сначала одной рукой, потом одним пальцем, потом — полюбуйтесь! — вообще без рук.

"Я не желаю так жить.

Не могу.

Не об этом ли думал мой отец, когда погружался под воду?"

Он шел под воду. Глубже, глубже, глубже. Вода была прохладная и темная. Оказывается, тонуть не так уж плохо.

В качестве Уилла Шеппарда он начал вечер с посещения гостиницы «Красный лев» в Гринвич-Виллидж. Будучи Уиллом Шеппардом, он пропустил семь порций скотча, чистого, без содовой. Оставаясь Уиллом Шеппардом, он разыгрывал перед небольшой аудиторией пьяных поклонников свой величайший триумф в форме «Манчестер Юнайтед».

С учетом того, что все пили за его счет, публика была с Уиллом и ловила каждое его слово.

— Уилл! Уилл! — принялся скандировать один из них.

Англичанин. Возможно, настоящий фанат.

— Белокурая Стрела! — откликнулся Уилл насмешливо, но его иронии, похоже, никто не заметил.

— Белокурая Задница, — крикнул кто-то сзади, из глубины переполненного бара.

Уилл остановился на полуслове. Обидчиком оказался какой-то панк в черной кожаной куртке и черных джинсах, возомнивший себя мачо. Уилл бросил недовольный взгляд на немьтого придурка.

Еврошваль. Надо ему показать.

Панк пробился к нему через толпу. С ним были два приятеля. Уилл заметил татуировки у них на руках: то ли сокол, то ли орел.

— Ты — вонючая задница, — повторил панк, останавливаясь перед Уиллом.

В его голосе явственно чувствовался немецкий акцент. Толпа предусмотрительно откатилась.

— Пидор, — добавил один из его приятелей. — Британский гомик.

Да, определенно немцы.

Злость, на протяжении двух дней копившаяся и искавшая выхода, с ревом вырвалась из глотки вместе с отборными ругательствами.

Панк сделал шаг вперед и поманил Уилла пальцем.

— Ну, попробуй. Давай, попробуй сделать меня, ты, тухляк.

Уилл так и не понял, откуда в руке панка взялась цепь. Да это и не имело никакого значения. Он бросился на немца.

Белокурая Стрела ударил первым. Ему требовалась драка. И он ее получил.

* * *

Он вышел из «Красного льва» с царапинами и синяками. Ничего серьезного. Ничего смертельного.

Он помнил, что должен прибыть на съемки.

Да пошли они! Этот триллер куда психологичнее.

И вдруг.. Они выскочили из темноты, окружавшей заброшенный склад неподалеку от Гудзон-стрит. Их было несколько человек. Целая банда. И они принялись колотить его чем попало. За что, почему — он не знал. «Эй, приятели, может, я сказал что-то не так?» Он ничего не понимал и ничего не чувствовал, кроме острой боли от ударов — в голову, в живот, в пах, по ребрам, — и каждый удар отдавался в мозгу. «Наказание», — подумал Уилл, падая на тротуар.

Справедливое воздаяние за преступления, грехи, за всю жизнь.

Они держали его за руки и за ноги. Не давали пошевелиться. Они били его лицом о бетон. Из носа текла кровь. Потом его подняли за ноги, точно кусок мяса на крюке.

И опять били. Колотили, пинали, колошматили до тех пор, пока в его теле не осталось, как ему казалось, ни одной целой кости. Странно, но физическая боль не доставляла мук.

Если тебе больно, значит, ты жив, верно?

Мир вдруг закружился, устремляясь в водоворот. Все сделалось красным. Тягуче-красным. Уилл почувствовал, что падает, проваливается, устремляется в бездонную черную дыру.

Его оставили подышать на нью-йоркских улицах.

Не так уж это и страшно.

Он всего лишь шел по стопам отца. Он всегда знал, что кончит примерно так.

«Уилл Шеппард обнаружен мертвым на улице».

Странно, но последней мыслью Уилла было промелькнувшее в сознании воспоминание о собаке, которую он убил много лет назад. А ведь тот пес ему нравился.

Такое могло быть только кошмаром. И ничем другим. Я спала. Я спала?

Манхэттенская полиция явилась ко мне домой около полуночи. Новость преподали вежливо, однако хорошие манеры не могли смягчить боль. Ноги не держали, и мне сразу пришлось сесть. Я думала, что потеряю сознание или меня вырвет. Шок.

В конце концов мне удалось дозвониться до Уинни Лоуренса, который жил неподалеку, и мы вдвоем отправились в больницу Святого Винсента в Нью-Йорке.

К Уиллу меня допустили всего на минуту — он спал, накачанный болеутоляющими. Лица почти не было видно из-под бинтов. Он выглядел ужасно.

Я была словно во сне, словно все происходило не со мной. Это не может происходить наяву. Что случилось с человеком, за которого я вышла замуж, которого я любила? Этот жестоко избитый человек не может быть Уиллом!

К нам подошел детектив Николо, тот самый полицейский, который и принес известие в Бедфорд. Мне не хотелось ни видеть кого-либо, ни разговаривать с кем-либо.

— Избили его прилично, но на самом деле не все так плохо, — сказал Николо. — Врачи говорят, что из больницы он выйдет не раньше, чем через пару недель. Мне очень жаль, миссис Брэдфорд. Мы не знаем, как это произошло. Не знаем, кто это сделал. Свидетелей обнаружить не удалось.

— Сегодня у него должны были начаться съемки, — заметил Уинни Лоуренс.

— Повезло. — Детектив невесело усмехнулся. — Если это роль в пятом «Рокки», то ему даже не придется гримироваться.

— Боже! — прошептал Уинни и пошел к телефону-автомату.

Детектив Николо повернулся ко мне. Выглядел он точь-в-точь как Аль Пачино, только нос более крючковатый. Седые, почти белые волосы аккуратно прилизаны.

— У вас есть какое-нибудь объяснение того, почему на него могли напасть, миссис Брэдфорд? Вы знаете, с кем он мог быть вчера вечером?

Я покачала головой:

— Извините, детектив, но я ничего не знаю. Боюсь, что не смогу даже отвечать на ваши вопросы. Мне очень жаль.

Я с трудом сдерживала слезы.

Николо развел руками и сочувственно кивнул.

— Значит, вечером его дома не было?

— Мы ждали Уилла, но он так и не появился.

Что скрывает детектив? Почему я сама защищаю Уилла? Потому что он мой муж и я люблю его.

— Найти тех, кто его избил, будет очень трудно. — Николо убрал черный блокнот, который достал немного раньше. — Если мистер Шеппард не в состоянии помочь нам, дав их описание, боюсь, на многое рассчитывать не стоит. Я еще загляну сюда, как только он придет в себя и сможет говорить. Буду держать связь.

Он пожал мне руку и ушел, добавив на прощание, чтобы я позвонила ему, если появится какая-то информация. Взволнованный и расстроенный Уинни Лоуренс присоединился ко мне в вестибюле.

— Они сказали, что собираются заменить Уилла. Не могут позволить себе ждать, пока он придет в норму. Черт, да что же с ним такое случилось?

Я пожалала плечами. Мне было холодно, и внутри все как будто окаменело. Новость оставила

меня равнодушной. В голове все отчетливее оформлялась пугающая мысль: я не знаю своего мужа.

— Он жутко огорчится из-за фильма, — сказал Уинни.

— Не знаю. — На меня вдруг накатила волна печали и усталости. — Возможно, для него это станет облегчением.

В Бедфорд я вернулась вместе с Лоуренсом. С детьми оставалась наша горничная, миссис Лей. К счастью, когда я вошла, все еще спали.

У меня не было никакого желания что-то объяснять, отвечать на вопросы по поводу Уилла. Как объяснить то, чего сам не понимаешь?

Я любила Уилла, но, может быть, он дурачил меня; может, он все же был, когда нужно, хорошим актером. Мне казалось, что я могу помочь ему, что я помогаю. Ту же ошибку совершила когда-то и моя мать с отцом. Господи, я не знала, что и думать. Мне хотелось забраться на чердак и снова взяться за то, что я всегда делала в таких случаях, за песни.

Я сидела у себя в кабинете опустив голову, глядя себе под ноги. Солнце уже встало, за окном чирикали птички. Но передо мной пролетали неприятные, даже страшные образы. Вспомнился фильм с Джулией Робертс, «В постели с врагом». Я чувствовала себя примерно так же. Может быть, это все сон?

«Господи, пожалуйста, пусть это будет сном».

Я не знаю, что за человек мой муж. Возможно ли такое? И что вообще происходит? Что он делает с собой? Что он делает со всеми нами?

В комнату вошел Алли. Я постаралась привести себя в порядок, чтобы сын ни о чем не догадался.

— Я ждала-ждала, а ты все не приходил и не приходил. Иди ко мне.

Я похлопала по ноге, и Алли подбежал, вскарабкался мне на колено и обнял за шею.

Я прижала его к себе и начала целовать. Он сделал то же самое, даже не понимая, насколько это важно для его матери. В какой-то момент мне стало страшно: я вдруг испугалась, что снова стану заикаться. Грудь как будто сдавило. И все равно я не отпустила сына. У нас сложилось что-то вроде ритуала, повторявшегося каждое утро на протяжении многих месяцев.

Внезапно Алли повернулся ко мне, прищурился и заглянул прямо в глаза.

— Что случилось, мамочка? — спросил мой малыш. — Что случилось?

* * *

Днем я снова поехала в больницу, где лежал мой муж. Мне позволили зайти в палату. Уилл уже сидел, потягивая сок через соломинку. Вид у него был немногим лучше, чем ночью.

Та часть лица, которую не закрывали бинты, приобрела фиолетовый цвет, глаза превратились в жуткие узкие щелочки, губы распухли, как будто их искусали пчелы. Уилл напоминал одного из тех несчастных, которые ночуют на улицах Нью-Йорка, расположившись на решетках люков.

Мой муж похож на бездомного.

Когда я вошла, Уилл протянул ко мне руку. Сердце немного смягчилось, но это произошло само собой, без моего желания.

— Мэгги... — прошептал он.

Я не взяла его руку, остановилась в шаге от кровати и посмотрела Уиллу в глаза. Меня тянуло к нему, но я не могла позволить себе жалости.

— Мэгги, прости меня... пожалуйста.

— Не могу, Уилл, — наконец сказала я.

Он расплакался, как ребенок. Уилл свернулся в комочек, подтянув ноги к груди, и плакал.

Он показался мне таким жалким, таким несчастным и одиноким, что у меня едва не разорвалось сердце. Но что с ним произошло? Что с ним происходило?

У меня не было сил утешить его. Я ничего не смогла для него сделать.

Дурные, плохие, страшные мысли бродили в голове Уилла с тех самых пор, как он вернулся домой. Не оставляли они его и в больнице.

Его злило, что Мэгги остается звездой, а он превращается в ничто. Но больше всего его раздражало, бесило то, что она была счастлива. Мэгги, Дженни и Алли были самодостаточной единицей. Они не нуждались в нем. Он был как будто лишний. У них и без него все прекрасно получалось.

Плохие мысли. Они не покидали его. Не выходили из головы. Утром, днем, вечером, и особенно по ночам.

Дурные мысли. Например, о том, как они катаются с Алли на лошади и мальчик вдруг падает на землю.

Или мысли о Дженни. О, он много фантазировал о ней. Дженни была ласкова с ним. Конечно, она ведь такая же, как все остальные. Им всем нужно от него одно и то же. Они готовы ради него на все, пока... пока не узнают, каков он на самом деле.

Не лучше других — а может быть, и хуже — был Палмер. Младший брат без зазрения совести брал у него деньги. Только за то, что ему удалось вынюхать кое-какие секреты старшего брата. Впрочем, Палмер всегда был таким — ни на что не годным ублюдком.

Настоящая проблема заключалась в Мэгги. Он не знал, что с ней сделать.

Но много об этом думал.

Возможности есть всегда. И все они такие...

Какие?

"Что, если я покончу с собой, как сделал мой отец?"

Что, если я пойду немного дальше?

Что, если... что, если... что, если..."

А теперь будьте внимательны. Пожалуйста. Постарайтесь услышать каждое слово, уловить малейший нюанс. С этого момента начинается путаница, с этого момента я начала сомневаться в собственном здравомыслии. Стоит мне только подумать об этом, как появляются скованность и неуверенность, а к горлу подступает тошнота.

Неужели я виновна? Неужели я и впрямь убийца, как обо мне пишут в газетах? Или же я всего лишь жертва?

* * *

— Уилл, я улетаю в Сан-Франциско. Так нужно, — сказала я ему однажды утром, через несколько недель после «несчастливого случая» в Нью-Йорке.

Уилл все еще вел себя немного странно, но оставался добрым и внимательным по отношению к Дженни и Алли, так что жаловаться было не на что.

Что?

Он едва заставил себя оторваться от телевизора. В последнее время Уилл как будто уходил в себя, и вернуть его к действительности оказывалось не всегда легко. Иногда, когда я заговаривала с ним, на его лице появлялось рассеянное выражение, словно он смотрел куда-то вдаль, на некий находящийся в сотнях миль предмет. Я не понимала, что происходит. Да и как я могла что-то понять, если между нами выросла невидимая стена.

— Меня попросили выступить на благотворительном концерте в парке Кэндлстик, и я согласилась. Мне это нужно, Уилл. Я должна петь. Я так давно нигде не выступала.

Он выключил телевизор и повернулся ко мне. Уилл сидел в кресле в футболке и шортах, и, когда наблюдал за игрой, у него всегда был такой вид, словно его в любой момент могут поднять со скамейки запасных. Он был в отменной физической форме и вполне мог бы еще играть.

— Улетаешь? И даже не спрашиваешь, хочу ли я отправиться с тобой?

— Будет лучше, если я полечу одна. Там будет Барри и...

— Этот придурок.

— ...и после концерта мы начнем записывать новую пластинку.

Я совсем не собиралась извиняться, оправдываться или бросаться репликами вроде «по крайней мере я сообщаю, куда отправляюсь».

— Значит, ты вот так, ни с того ни с сего, решила слетать в Калифорнию.

На щеках Уилла выступили красные пятна. Глаза как будто выкатились и странно блестели. «Однажды он просто сойдет с рельсов», — сказала я себе.

— Ты даже не подумала обо мне! Кто я, по-твоему, в этом доме? Какой-нибудь лакей? Ты так обо мне думаешь, Мэгги?

— Почему ты так решил, Уилл? Конечно, нет. Господи, да что с тобой? Что с тобой творится? Ты можешь объяснить?

— Я буду решать, куда тебе ехать, а куда нет! Поняла? И вдруг я услышала голос Филиппа. Те же интонации.

Та же ярость.

Но мне удалось остаться спокойной. По крайней мере внешне.

— Нет, Уилл. Ты ничего не будешь решать за меня. В своей жизни я разберусь сама.

Он поднялся из кресла и подошел ко мне. Я не сдвинулась с места. Уилл стоял неподвижно

и смотрел на меня. Мрачно, с подозрением.

Мне это не понравилось. Ни взгляд, ни угрожающий язык тела. Я еще ни разу не видела Уилла таким, и мне вдруг стало страшно.

А потом его рука взлетела! И я ничего не успела сделать.

Уилл взревел, как зверь, и ударил меня по щеке. С размаху. Потом еще раз.

Я отпрянула, в голове как будто взорвались две бомбы. Невероятно! Он никогда не бил меня раньше. Никогда не поднимал на меня руку. Никогда не угрожал.

— Ты не поедешь в Сан-Франциско! — закричал он. — Ты никогда не уйдешь от меня, сука!

Уилл занес руку для еще одного удара, но затем остановился.

Впечатление было такое, что он пришел в себя, превратился в другого человека.

— Ладно. Отправляйся в свой Сан-Франциско. Мне плевать, что ты делаешь, Мэгги.

Меня начало трясти, но я не могла позволить себе плакать. Дрожь стала сильнее, ноги отяжелели, руки бессильно повисли вдоль тела.

— Алли и Дженни полетят со мной, — сказала я, глядя в сторону. Я едва шевелила губами, а смотреть на него просто не могла. — Ты не можешь нам помешать, Уилл. Даже не пытайся.

Прекрасная хозяйка,
Чудесная жена.
Вот кем еще совсем
Недавно я была.
Я даже полюбила домашние дела.
Потом он поднял руку,
Потом он поднял руку,
Он руку поднял на меня,
И я как будто умерла.
А ведь была любовь, была.
Ее он смог спалить дотла,
Она со мною умерла...
Хоть я живу, но я мертва.
К чему слова... К чему слова...

В голове снова и снова звучали слова моей собственной песни. Я смотрела в иллюминатор самолета, цепляясь взглядом за верхушки белых как снег облаков. Рядом, положив голову мне на колени, безмятежно спал Алл и. Дженни, сидевшая в кресле по другую сторону прохода, кивала в такт звучащей в ее наушниках музыке.

Дети очень обрадовались возможности полететь со мной. О том, что у нас с Уиллом возникли проблемы, они не догадывались. Концерт совпал с каникулами в школе у Дженни, а Алли всегда хотел быть рядом со мной и редко оставался без меня. Мы втроем проводили вместе много времени. Без Уилла.

Как обычно, в аэропорту меня встречали поклонники, совсем незнакомые люди. Одни пытались получить автограф, едва не сбивая нас при этом с ног, другие просто протягивали руки, чтобы прикоснуться ко мне и, может быть, неким образом приобщиться к моему статусу знаменитости.

Знаменитость!

Если бы они знали, что значит быть знаменитым... всегда находиться под наблюдением тысяч глаз.

В отеле «Времена года» меня дожидался факс.

УДАЧИ ТЕБЕ, МОЯ ПЕВЧАЯ ПТИЧКА ПРОСТИ УИЛЛУ ВСЕ ЕГО ПРЕГРЕШЕНИЯ
ПОЖАЛУЙСТА, ПРОСТИ МЕНЯ ПОСКОРЕЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ С ДЕТЬМИ
ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ВСЕГДА ЛЮБИЛ И ВСЕГДА БУДУ ТВОЙ УИЛЛ

Я скомкала лист.

Да уж. Всегда... Уилл.

Мы все, Барри, Дженни, Алли и я, сидели в кабине большого, серебристого с красным, вертолета «Белл». Под нами ярко горели огни парка и темнели воды залива. На мне были обычные для такого случая свободная белая блузка, длинная юбка и туфли на низком каблучке, чтобы не казаться еще выше.

Но готова ли я к концерту? В этом я сомневалась, хотя и знала, что попытаться надо.

Менее чем через час мне предстояло выйти на сцену после почти трехлетнего перерыва. Несколько телевизионных каналов прислали свои съемочные группы. Первая за долгий период запись живого концерта. На восемьдесят тысяч мест поступило около полумиллиона заявок.

Итак, мы сидели в вертолете — я, мои дети и мой лучший друг. И мне совсем не хотелось спускаться.

— Давайте не будем приземляться.

Барри вскинул бровь и состроил гримасу. Потом приложил кулак ко рту, притворившись, что говорит в микрофон:

— Э, Земля вызывает Мэгги. Земля вызывает Питера Пэна.

— Серьезно, Барри. Мы можем остаться здесь до завтра? У меня начинала кружиться голова.

— А как быть с топливом? — поинтересовалась Дженни.

— Дозаправимся в воздухе. Как делают со стратегическими бомбардировщиками. Вот будет круто.

— Мы проголодаемся, — заметил Алли, который никогда не забывал о еде.

— Они передадут нам бутерброды. Вместе с топливом. Никаких проблем.

Дженни рассмеялась. Ей нравилось, когда я дурачилась.

— А я уже хочу есть, — объявил Алли, самый практичный из нашей тройки.

— Мы приземлимся, что бы там ни говорила твоя мама, — твердо сказал Барри. — В парке я раздобуду вам чего-нибудь вкусенького. Каких-нибудь франкфуртеров.

На меня вдруг накатила волна беспричинной грусти и необъяснимого страха.

— Не знаю, Барри, получится ли у меня что-то. Я серьезно. Без шуток.

Он взял меня за руку.

— Такое бывает. Меня тоже трясет перед концертами. Пройдет после первой песни.

— Дело не в волнении. Понимаешь, здесь я чувствую себя в безопасности. Опасность там, внизу. Сначала те поклонники, потом...

— Потом Уилл.

Я не рассказывала Барри о том, что у нас случилось, но он и сам догадался, потому что знал меня слишком хорошо.

— Жизнь.

* * *

«Успокойся, — сказала я себе. — Ты выпустила почти двадцать альбомов. Ты получила одиннадцать „Грэмми“».

И все же мне было страшно.

Все, что от меня требовалось, — это включиться в рабочий режим. Просто выйти на сцену, предстать перед людьми и быть собой.

Но я вдруг почувствовала себя той, прежней Мэгги. Той Мэгги, которая жила в Вест-Пойнте. И даже раньше, той девочкой, которая так часто плакала, потому что заикалась, когда отвечала перед классом в школе.

Я знала, каким будет мое выступление, как прозвучат мои песни, внешне легкие, вобравшие в себя и французский шансон, и рок, и классику, но на самом деле сложные и глубоко психологичные.

Все это я знала, но тем не менее, выходя на огромную сцену парка Кэндлстик в Сан-Франциско, всматривалась в обращенные ко мне лица с непривычной настороженностью.

Почему я боялась? Даже не боялась, а куда хуже. Почему мне было так страшно, почему мне казалось, что я не смогу спеть даже одну песню?

Я села за пианино и начала петь о дующем с залива холодном, пронизывающем ветре.

До конца оставалось совсем немного, когда...

Когда я словно рассыпалась. Прямо на глазах десятков тысяч зрителей и моих детей.

Прекрасная хозяйка,

Чудесная жена.

Вот кем еще совсем

Недавно я была.

Я даже полюбила домашние дела.

Потом он поднял руку,

Потом он поднял руку...

Я запнулась... потом еще раз. Такого не случалось давно, очень давно. Я всегда старалась справиться с этим и уже думала, что преодолела свой страх, но...

Я не могу больше петь. Не могу продолжать. Ничего другого не оставалось, как подняться и заговорить в микрофон, обращаясь ко всей аудитории.

— Ребята, похоже, у меня небольшая проблема. Извините. Да, у меня проблемы.

Сердце начало стучать быстро-быстро. Перед глазами потемнело, и я подумала, что сейчас упаду.

Дженни, Барри и даже Алли выскочили на сцену и подбежали ко мне. Двое музыкантов взяли меня под руки и помогли уйти. Я с трудом передвигала ноги.

— Бедная мамочка, — повторял Алли. — Бедная, бедная мамочка. Мамочка заболела.

Уилл всегда был ночной птицей. Теперь его сильнее, чем когда-либо, тянуло из дома. Бедфордский оборотень.

Он промчался на своем черном «БМВ» примерно пять сотен ярдов вниз по Гринбрайер-роуд и свернул налево.

Главный вход в Озерный клуб отмечали высокие, в десять футов, каменные колонны. Неровная каменная ограда шла по всей границе владений. Проехав мимо входа, Уилл остановил машину на предназначенном для стоянки месте и вышел.

Пройдя по дорожке к задней части здания, он нашел служебный вход, дверь которого мог заметить только тот, кто знал, где ее искать.

Внутри клуба царил та тщательно поддерживаемая тишина, которой удостаиваются лишь немногие привилегированные. Уилл сталкивался с такой тишиной в соборах и банках Европы. Миновав пустую бильярдную и курительную, он оказался перед еще одной дверью, в которую постучал дважды, с паузой между ударами.

Дверь открылась изнутри, и Уилл невольно зажмурился от ударившего в глаза яркого света. Комната, куда его впустили, была отделана тяжелыми панелями красного дерева. Длинный дубовый бар занимал почти целую стену. Картины старых мастеров в тяжелых рамах практически не отражали приглушенный свет, льющийся из дорогих бра.

Стоявшие у бара мужчины повернулись к вошедшему. Увидев, кто это, и признав в нем своего, они поздоровались.

Одним из них был Питер О'Мэлли. Как ни странно это может показаться, но в клубе они сошлись и даже подружились. В конце концов, их ведь объединяла Мэгги, не так ли? Благодаря Мэгги они познакомились, о ней они часто говорили. Питер мечтал о том, чтобы привести ее сюда.

В тот вечер они оба присутствовали на специальном, строго неформальном собрании.

Один или два раза в год, после того как клуб закрывался, несколько его членов оставались, чтобы поразвлечься особенным образом. Так они, влиятельные люди, снимали напряжение, находя удовольствие в забавах, которые считались неприемлемыми как с общественной, так и с политической точки зрения. Видит Бог, не искать же острых ощущений дома, в обществе жен.

Комнату освещало золотисто-красноватое пламя, потрескивавшее в глубине громадного, сложенного из крупных булыжников камина. Адов огонь, называл его Уилл. Предвестник того, что ожидает нас всех.

Перед камином, выстроившись в более или менее ровную шеренгу, стояли шесть девушек. Все молодые и красивые. На обнаженной коже и длинных волосах прыгали отблески пламени.

Старшая выглядела не более чем на двадцать, младшей едва ли исполнилось шестнадцать. Лицо каждой закрывала черная маска. Девушкам не разрешалось видеть лица членов клуба. Они даже не знали, где он расположен.

Эксклюзивный Озерный клуб Бедфорд-Хиллз, думал Уилл. Всего лишь фасад, как и все остальное.

В тот вечер он выбрал себе одну из шести девушек. Высокая и светловолосая, она напомнила ему Дженни.

Наверное, в глубине души я уже понимала, что наш с Уиллом брак обречен. Оставалось только ждать, когда время подведет под ним окончательную черту. Так было бы лучше для детей, для меня и для самого Уилла. Я не желала ему ничего плохого и хотела только, чтобы он ушел.

По возвращении Уилл встретил нас дома. Наш приезд как будто оживил его, и он превратился в себя прежнего — веселого и счастливого. Уилла, как мне показалось, сильно опечалило и обеспокоило то, что произошло со мной на концерте в Сан-Франциско. Он сказал, что нечто подобное случилось и с ним, и я ему поверила.

Он пообещал также, что больше не будет ни сцен, ни исчезновений. Страх остаться в одиночестве поставил его на грань отчаяния.

Я слушала Уилла, слушала его обещания. Я слышала слова. Но решение уже было принято. Уилл показал мне, пусть всего лишь на миг, ту сторону своей личности, которую я не хотела и не могла принять.

Тревожное спокойствие снизошло на наш дом.

В Вест-Пойнте, с Филиппом, тоже иногда бывало спокойно.

* * *

Я занималась делами, приводила все в порядок, консультировалась с Натаном Бейлфордом по поводу юридических аспектов и собиралась через пару дней поговорить с Уиллом о разводе. Мне порекомендовали очень хорошего психиатра в соседнем городке Тарритауне, и я по мере возможности посещала его. Позднее в газетах обо мне писали как о «находящейся под наблюдением врача», предоставив читателям понимать это в меру своего разума.

В один из дней мне совершенно неожиданно позвонили из школы, где училась Дженни. Меня попросили срочно прийти. Административное здание школы Бедфорд-Хиллз представляло собой крошечный опрятный домик в викторианском стиле, напоминающий процветающую загородную гостиницу. Учащиеся и преподаватели при виде спешащей знаменитости старательно отводили взгляды. Я помахала тем немногим, кого знала, и даже кому-то, кого не знала, взбежала вверх по лестнице, заглянула в туалет, где поправила волосы, подкрасила губы и проверила, на месте ли голова.

Мне предстояла встреча с доктором Генри Фоллетом, директором школы, и я не хотела как-то отличаться от других приходящих в школу матерей. Еще не зная причины вызова, я уже чувствовала — ничего хорошего меня не ждет.

Доктор Фоллет занимал небольшой, но очень милый кабинет с венецианским окном, из которого открывался вид на кампус, и разбросанными повсюду памятными вещицами: кубками, вымпелами и фотографиями, на которых сам директор был запечатлен как с учениками, так и с местными чинами.

Навстречу мне поднялся приятный мужчина лет пятидесяти с небольшим, плотный и аккуратный, по-видимому, с чувством юмора, хотя лицо его сохраняло серьезное выражение, а улыбка была чисто профессиональной. Тем не менее я отметила, что у него добрые глаза и крепкое, открытое рукопожатие.

Я не знала, почему меня вызвали. Дел хватало, мысли занимал Уилл, однако я пришла сразу, пусть и с завязанными в узлы нервами.

— Речь пойдет о Дженни, — сказал он, когда я села на стул перед большим, заваленным

бумагами письменным столом.

— Да. Я так и поняла. У нее какие-то проблемы? — спросила я, изо всех сил стараясь не выдать своих чувств.

— Не уверен, миссис Брэдфорд. Может быть, вы мне скажете.

Ничего необычного в поведении Дженни я не замечала, но с подростками никогда ничего нельзя знать наверняка.

— По-моему, у нее все в порядке. Конечно, она бывает порой непослушной, временами принимает в штыки любое замечание или сводит меня с ума глупыми ужимками в духе Бивиса и Батхеда.

— Она не болела в последнее время? Может быть, была не в духе, казалась угнетенной, несчастной?

Я покачала головой. Меня не покидало чувство растерянности и тревоги. К чему он клонит? Я видела дочь каждый день. Конечно, у нее своя жизнь и свои друзья. Мне представлялось, что в отношении с дочерью-подростком матери следует придерживаться одного главного принципа: предоставить ей разумную свободу. И разумеется, дать ей свою любовь.

— Нет, она не болела. В чем дело, доктор Фоллет? Пожалуйста, скажите, зачем вы меня вызвали?

Он побарабанил пальцами по столу.

— В нынешнем семестре Дженни пропустила семнадцать учебных дней.

Вот это новость! Меня словно облили ледяной водой.

— Пропустила семнадцать дней?

— Да, пропустила все уроки. Ее вообще не было в школе.

— Боже! Не могу поверить, но, конечно, не сомневаюсь в ваших словах. Это так на нее не похоже.

— Да, на Дженни это не похоже, — согласился он, подавая мне какие-то бумаги. Табель успеваемости и несколько объяснительных. — Это ваша подпись?

Я посмотрела на объяснительные. Руки дрожали, и листки прыгали перед глазами.

— Здесь указана моя фамилия, но подпись не моя.

— А чья? Дженни?

— Не уверена. Может быть.

У меня закружилась голова. Ничего подобного я не могла и ожидать. У Дженни никогда не было никаких серьезных проблем.

— Мы полагаем, что Дженни пыталась подделать вашу подпись, — сказал доктор Фоллет, возвращая меня к реальности.

— Моя дочь никогда бы не сделала ничего подобного.

Я вздохнула. Похоже, все же сделала.

— Вы уверены? Если это не ваша подпись и не подделка Дженни, то кто тогда мог это сделать?

— Не знаю, — пробормотала я. — Представить не могу.

Во мне вдруг вскипела злость. Мы всегда доверяли друг другу. Что бы ни происходило, я всегда находила для нее время.

— Мистер Шеппард? — спросил директор.

— Нет. Он ее отчим. Он бы просто расписался. К тому же подпись и не его.

— Посмотрите также и табель успеваемости. Вы это видели?

Я посмотрела. «Хорошо» и «удовлетворительно». Мне хотелось плакать. Дженни всегда училась только на «отлично». Может быть, поэтому я и не интересовалась в последнее время ее оценками?

— Миссис Брэдфорд, ваша дочь — одна из лучших учениц школы. В этом семестре она совершенно неожиданно для нас всех стала получать плохие оценки. По крайней мере плохие для нее. Такое случается иногда с ребятами старшего класса, теми, кого уже приняли в колледж. Они считают, что заслужили небольшой перерыв. Но к Дженни это не относится. У нее сейчас должны быть самые высокие оценки.

— Знаю. И Дженни это знает.

Я не понимала, как такое могло случиться. Для меня это было громом среди ясного неба. Почему? Может быть, из-за того, что произошло между нами, мной и Уиллом?

Доктор Фоллет поднялся из-за стола и протянул руку.

— Мы в школе любим Дженни. Все, преподаватели и ученики. Если выясните что-нибудь, позвоните мне. Вы не выдадите этим какие-то ее секреты. Дженни не первая, с кем происходит нечто подобное, и у нас есть немалый опыт урегулирования таких ситуаций.

Я пожала ему руку, повернулась и вышла. Надо найти Дженни. В школу она в тот день опять не пришла.

Но прежде чем отправляться на поиски, я села в машину и попыталась успокоиться, остановить сотрясающую тело дрожь.

Мой мир снова рассыпался на кусочки.

Дженни пришла домой к половине третьего с набитым книжками рюкзаком и безмятежным лицом человека, твердо стоящего на стороне праведности. Я попросила ее прокатиться со мной.

Мы сели на велосипеды и отправились в резервацию Паунд-Ридж, природный заповедник в самом центре Уэстчестера, а около четырех поднялись на высокий холм со старинной пожарной башней. С вершины можно было увидеть пролив Лонг-Айленд и даже очертания самого Нью-Йорка далеко на горизонте.

Дженни, конечно, пожелала узнать, в чем дело, но я не ответила.

Всему свое время, моя милая.

Некоторое время мы шли молча — я не знала, с чего начать — и остановились, запыхавшись, только когда достигли самого верха. Во мне бурлили разные чувства, от обиды и злости до озабоченности и гордости, — точь-в-точь как в моих песнях.

— Меня приглашал к себе директор Фоллет, — сказала я наконец.

Только что Дженни смотрела на меня. Теперь она отвернулась. И ни слова.

— Он сказал, что оценки у тебя становятся все хуже. И еще что ты пропускаешь занятия.

— В школе скучно. Я ее ненавижу.

Угрюмая, дерзкая. Совсем не моя Дженни. Точнее, Дженни в ее худшем варианте, который она демонстрировала не так уж часто.

— Раньше ты так не думала.

— А теперь думаю. Там все равно ничему не научишься. Знаешь, учителя на самом деле совсем не такие умные.

— И поэтому ты решила больше не ходить туда. Интересно. Ты на многое открываешь мне глаза. И чем ты занимаешься, когда никуда не ходишь?

— Ничем особенным. Но лучше ничем, чем сидеть на уроках.

— Но дома тебя нет.

— Откуда ты знаешь? Ты же большую часть дня просиживаешь в своем кабинете.

Это было уже совсем несправедливо, однако мне удалось сохранить хладнокровие.

— Если бы ты оставалась дома, я бы знала об этом. И тебе это прекрасно известно. Я люблю тебя, Дженни, и если у тебя какие-то неприятности...

— Перестань! Всем на всех наплевать! Не притворяйся, что ты другая. И мне не надо твоих одолжений.

Даже не притрагиваясь к ней, я видела, как ужасно она напряглась, как трудно ей говорить. Когда же это случилось? Как произошло? Почему?

— Я люблю тебя. — Голос у меня задрожал. — Ты самое ценное, что у меня есть. Так было всегда.

Больше она не выдержала. И я тоже.

— Не надо, мама, — захныкала вдруг Дженни. — Не говори, что ты меня любишь. Я этого не заслуживаю.

Только бы не расплакаться.

— Почему? Я действительно люблю тебя. Почему я не должна говорить об этом?

— Потому что ты не можешь меня любить. Ты даже не знаешь, какая я. Ты не обращаешь на меня внимания. И сейчас бы не обратила, если бы тебя не вызвали в школу. Оценки хуже! Да кому какое дело!

В конце концов я все же отвернулась и разрыдалась. Раньше мне казалось, что справиться можно с чем угодно. Оказалось — нет.

Дженни вдруг бросилась ко мне, обхватила за шею, прижалась лицом к груди. Я почувствовала, какие горячие у нее слезы.

— Я не могу ничего тебе сказать. Я и сама не знаю, в чем дело. — Она шмыгнула носом. — Мне пятнадцать, а мир как будто сошел с ума. Что же в этом нового?

* * *

— Боже, мам, да тебя трясет, — пробормотала Дженни.

Еще очень долго мы сидели обнявшись на земле. Потом подул ветер, и я прикрыла ее своим свитером.

Моя девочка. Моя самая верная подруга. Моя милая Дженни.

Но я так и не придумала, что нужно сделать, чтобы утешить ее, чтобы ей стало лучше и легче. Разумеется, я винила себя. Я так долго старалась быть супермамой, но этого оказалось недостаточно. Быть «супер» — всегда мало.

Следующее утро выдалось не по сезону теплым, и я провела целый час в саду за бассейном. Неспешно текущее время, ощущение солнца на лице, физическое напряжение — как раз то, что «доктор прописал».

Мне нужно было многое обдумать. Ухудшающуюся ситуацию с Уиллом. Школьные проблемы Дженни. Мою собственную неудачу в Сан-Франциско. Не многовато ли для одного раза? Я боялась, что могу не справиться со всем сразу.

В лесу за бассейном прозвучал выстрел.

Я замерла. Перестала думать и дышать. Прислушалась.

Вслед за первым выстрелом раздался второй. На сей раз за густой стеной вечнозеленых деревьев, которые не позволяли увидеть, что происходит.

Выстрелы? Господи!

Я выпрямилась, отбросила инструменты и помчалась к рожице. В горле уже застрял крик.

Господи... Господи... Что же случилось?

Что на этот раз?

Я шла между деревьями, ориентируясь на звук выстрелов. Сердце колотилось, в груди появилась острая боль.

Меня вел инстинкт; я даже не подумала позвать на помощь. Да и кого я могла позвать?

Выстрелы? Возле дома? Как такое возможно?

Ветки хлестали по рукам, колючки впивались в ноги. Выстрелов больше не было, только тяжелая, пугающая тишина. Наконец я выбежала на поляну. И остановилась.

Я увидела Уилла. Он стоял возле большого камня, в руке ружье.

Мой муж обернулся на звук шагов. Он смотрел на меня так, словно я пришла из другого мира.

— Что ты делаешь? — едва ворочая языком, спросила я.

— Тренируюсь в стрельбе по мишени. — Уилл кивнул в сторону поваленного дерева, на котором стояли банки из-под содовой и пива. — Хочешь попробовать, Мэгги? — Он улыбнулся той улыбкой, которая так часто появлялась на лице Норта Даунинга. — Знаешь, у меня довольно-таки неплохо получается. Похоже, я прирожденный стрелок.

У Филиппа тоже было ружье. Из ружья я его и убила.

Память нарисовала картину: лежащий на полу Филипп... темная кровь, вытекающая из его рта... Я вновь увидела выражение ужаса в его глазах, услышала удивленный вскрик, когда пуля попала ему в грудь.

— Избавься от него! — закричала я. — Не хочу, чтобы в моем доме было оружие! Избавься от него!

Уилл холодно посмотрел на меня, потом усмехнулся:

— В нашем доме, Мэгги. Ну конечно, конечно. Если оно так тебя беспокоит, его здесь не будет. Если ты не доверяешь самой себе, то, конечно... я понимаю.

И вот день настал. Только тогда я этого не знала. Я не ждала его. Но он настал.

Ночь прошла без сна, и на рассвете я выскользнула из дома, надела старое плюшевое пальто и сбитые кроссовки. Спутавшиеся волосы свисали космами. Пугало.

Я подумала, что свежий воздух взбодрит меня, поможет начать новый день с оптимизмом. Оставалось надеяться, что в столь ранний час меня никто не увидит, что за забором не прячется какой-нибудь папарацци с фотокамерой.

Я прошла к полуразрушенной каменной стене, отделявшей мои владения от территории Озерного клуба. Под ногами шуршали давно опавшие листья. Высоко над головой, в ветвях деревьев, мелькали шумные малиновки и сойки.

— Эй, вы, там, — проворчала я, — стихните.

Внезапно до меня долетел еще один звук. Звук человеческого голоса. В лесу? Ранним утром?

— Кто там? — выкрикнула я. — Эй?

Из-за деревьев появился Джей Си Фрэзер. Он шел со стороны лужайки, принадлежавшей Озерному клубу, где Джей Си работал главным садовником. Большую часть времени он проводил под открытым небом, так что мы виделись довольно часто. Я знала, что с ним встречается миссис Лей, которая считала его хорошим человеком. Каждый раз, когда она упоминала об этом, меня так и подмывало ответить: «Они так редко попадаются».

— Доброе утро, миссис Брэдфорд. Это из-за вас сегодня такая чудесная погода? — приветствовал меня Фрэзер.

Вот уж кого ничто не тревожит, подумала я. Да и с какой стати? Его-то газоны в полном порядке.

— А мне казалось, что за погоду отвечаете вы, Джей Си, — ответила я.

— Нет, мэ. Моя ответственность распространяется только на лужайки, а уж высокие слои — это ваше. Если так, то вы прекрасно справились. Какое голубое небо! Ни облачка до самого горизонта.

Мы остановились поболтать у поросшей мхом каменной стены. Джей Си, вероятно, мог бы многое порассказать об обитателях Бедфорда и их тайнах, но держал это при себе, ибо ценил хорошее место, а потому наш разговор вертелся вокруг погоды и того, какие цветы когда лучше высаживать. Пустячный, ничего не значащий разговор, но он — пусть и ненадолго — отвлек меня от проблем.

Мне вспомнилось кое-что, о чем я давно хотела спросить его или кого-нибудь из членов клуба, но так и не решалась до сих пор.

— Иногда по ночам я замечаю свет в клубе. Примерно часа в два-три.

Джей Си задумчиво помолчал, потом покачал головой:

— Нет, миссис Брэдфорд, такого не может быть. Боюсь, вы ошибаетесь.

— Но я сама видела свет. И не могла ошибиться.

— Нет, мэ. Невозможно. Клуб закрывается в одиннадцать. Таково золотое правило.

Спорить с ним дальше, доказывать свою правоту мне не хотелось. Если Фрэзер не желает говорить на эту тему, то и не станет.

Он притронулся к козырьку синей бейсболки с надписью «Нью-Йорк джайентс».

— Извините, надо возвращаться. У меня еще много работы. Приятного вам дня, миссис Брэдфорд.

Фрэзер кивнул, повернулся и зашагал к зданию клуба.

«Странно, — подумала я. — Почему он не знает об этих огнях? Или почему врет?»

В конце концов я вернулась домой, преисполненная желанием поговорить с Уиллом. Как бы болезненно это ни было для нас обоих, от разговора не уйти. И лучше не оттягивать объяснение до бесконечности.

Дженни и Алли уже сидели в кухне, намазывая шоколадную пасту на тосты. Оба успели одеться. Дженни, похоже, собралась в школу, что порадовало меня.

— Уилл встал? — как бы вскользь спросила я, делая вид, что задаю вопрос так, без особого значения.

— Ты с ним немного разминулась, — ответила Дженни. — Он сказал, что уезжает в город по делам. Обещал вернуться к четырем.

Я вздохнула. Уилл почти никогда не уходил из дома так рано. Не везет.

День настал.

Уилл не вернулся к четверем. Его не оказалось дома и к половине восьмого, когда все собрались к обеду. Не появился он и к десяти, когда мы поднялись наверх, чтобы приготовить ко сну. Он даже не соизволил позвонить и сообщить, что задерживается или вообще не придет ночевать.

Я лежала в постели с выключенным светом, но открытыми глазами, виня себя во всем происходящем и понимая, что делать этого не нужно. В самом начале Уилл был таким нежным, внимательным и заботливым, таким романтиком, а потом словно переключился в другой режим. Стал абсолютно другим человеком.

Может быть, у него роман? Или даже не один. Наверное, это уже не должно было меня задевать. Но задевало. Не знаю как, но в какой-то момент сон все же взял верх.

— Черт! Вот черт!

Я проснулась от негромких проклятий Уилла. Он был в спальне. Дома.

Приоткрыв глаза, я увидела, что мой муж стоит возле двери и рассматривает ушибленную ногу. Наверное, в темноте он ударился пальцем о порог.

Отлично, так тебе и надо.

Дверь была наполовину открыта, и я отчетливо видела его силуэт на фоне освещенного коридора. Но лицо оставалось в тени.

Уилл поднял голову и посмотрел в мою сторону, однако я притворилась, что сплю, и даже задержала дыхание. И тогда он осторожно вышел из комнаты, неуклюже притворив за собой дверь. Дверь захлопнулась.

Черт бы его побрал. Что еще за дурацкие игры!

Я посмотрела на светящийся циферблат будильника — 00.45.

Где же он был весь день и вечер? Может быть, стоит подняться и поговорить с ним прямо сейчас, пока дети спят?

Я встала, накинула халат и, подойдя к окну, выглянула во двор. Уилл был там. Что он делает? Куда собирается?

Я вышла из спальни. В коридоре было темно. Выходя, Уилл выключил свет, который мы всегда оставляли для Алли.

Зачем? Я поспешила вниз.

В гостиной тоже было темно. И нигде ни звука, ни даже намека на движение.

Что-то не так. Почему он выключил свет?

Что он задумал?

Внизу то же самое — темно и тихо. В кухне — никого. В комнате миссис Лей — пусто. Я вспомнила, что по пятницам у нее выходной.

Я спустилась и остановилась у подножия лестницы. Вгляделась в темноту. Никого не видно. Может быть, Уилл уже вернулся в дом?

Я повернулась и начала медленно подниматься, но на полпути остановилась, увидев у стены...

Сердце почти замерло. Ноги едва не подломились.

Это было ружье! Наконец-то я нашла его. На середине лестницы, там, где его оставил Уилл!

В голове у меня шумело. Я ничего не соображала.

Что происходит?

Где. Уилл?

Наверху?

Что он собирался делать?

Зачем ему понадобилось ружье?

Откуда оно взялось?

Я побежала наверх и, добежав, остановилась. В дальнем конце коридора под одной из дверей виднелась тонкая полоска света.

Комната Дженни. Еще несколько минут назад никакого света там не было.

Мне вдруг стало дико страшно.

Что, если Уилл там? Что, если он забирает детей?

Я сбежала вниз, схватила ружье и снова поднялась. По крайней мере оружие теперь у меня, а не у него.

Неужели он собирался убить нас всех? У людей с нездоровой психикой такое случается, так что наш случай не стал бы первым.

Мне вдруг вспомнился Филипп.

Пробежав по коридору, я с разбегу распахнула дверь в комнату Дженни и вскинула ружье.

Вообще-то я не очень разбиралась в оружии. Почти не разбиралась.

То, что я увидела в спальне, едва не свело меня с ума.

Вот и пришел тот день!

О Боже, Уилл!

«Не стреляй в него. Только не стреляй, Мэгги. Не стреляй!» — кричал голос у меня в голове.

Дженни лежала на кровати в своей короткой белой пижаме. Длинные голые ноги торчали из-под одеяла. Глаза у нее были закрыты, и дышала она вроде бы нормально. На столике, как обычно, стоял стакан с молоком. Наполовину пустой.

Я заметила все, но так ничего и не поняла.

Плохо. Все плохо. Все очень плохо.

Уилл стоял возле кровати, одетый в брюки цвета хаки и спортивную рубашку. А в чем он ездил в Нью-Йорк? Если в этом, то явно не по делам.

И что мой муж делает в спальне моей дочери?

— Мэгги, я думал, ты спишь, — абсолютно спокойно произнес Уилл голосом кинозвезды. — Или ты меня обманывала?

Сердце в груди колотилось так сильно и быстро, что мне было тяжело дышать.

— Что ты здесь делаешь? — выдавила я из себя. — Что происходит?

Дженни проснулась и, приподнявшись, потерла глаза. Лицо у нее было испуганное.

— Мама? Уилл? В чем дело? Что вы тут делаете? Мам, у тебя ружье?

Уилл улыбнулся. Более пугающего и злобного выражения я еще никогда не видела. Я не узнавала того, на кого смотрела.

Что он здесь делает?

— Мы с Дженни как раз собирались немного повеселиться. Присоединишься?

От страха и растерянности я не могла говорить. На мгновение меня словно парализовало. Пульс стучал, как колеса курьерского поезда. Голова готова была вот-вот взорваться.

Уилл и Дженни. О Боже, нет! Только не это!

Я подняла ружье и навела его на Уилла. Теперь мне было на все наплевать.

И все же я не смогла нажать спусковой крючок. Не смогла. Не смогла.

— Убирайся из этого дома и не смей сюда возвращаться, — ровным голосом сказала я.

Уилл протиснулся мимо меня в дверь и побежал по коридору. При этом он громко и пронзительно смеялся, как смеются злодеи в фильмах ужаса.

Я бросилась за ним, прихватив тяжелое ружье. У меня и в мыслях не было стрелять в него — я хотела только убедиться, что он действительно ушел. Навсегда. Исчез из моей жизни. Оставил нас в покое.

Уилл выскочил в главную дверь, и я поспешила за ним. Поначалу ничего, кроме черных силуэтов деревьев, видно не было, но из темноты доносились его шаги.

Я наткнулась на что-то и больно ударилась коленом, однако сумела устоять на ногах.

И вдруг — тишина! Никаких шагов.

Я испугалась. Похолодела. Перед глазами снова и снова вставала жуткая картина: Уилл перед кроватью Дженни. Выражение его глаз.

Было тихо. Слишком тихо. Я не слышала и не видела Уилла. Что он делает в темноте?

Набежавшие облака скрыли луну, погрузив двор в полный мрак. Я не могла стоять на улице. Нужно вернуться в дом.

А что, если он перехитрил меня и успел проникнуть в дом и подняться к Дженни? Я не знала, что и делать.

Вглядываясь в темноту, я вспомнила, как лежала когда-то под верандой в доме неподалеку

от Вест-Пойнта. Вот и все. Мой кошмар завершился круг.

Тишина.

Тьма.

Холод.

Меня трясло.

— Дура! Тупая сучка! Ты предала меня!

Уилл с диким криком набросился на меня сзади. Его руки сдавили горло. Я сопротивлялась изо всех сил. Он ударил меня в лицо и сбил с ног. Я попыталась подняться с колен, и тогда он снова ударил меня. На этот раз уже ногой. По ребрам. И еще раз. Наверное, он сломал мне ребро. Или даже несколько. Боль была просто жуткая.

Я упала на жесткую, холодную землю.

Ружье выстрелило, и звук выстрела перекрыл мои крики и заглушил бы даже раскат грома. Я перекатилась на живот. В следующий момент в глазах потемнело, и я упала лицом на влажные стальные листья.

Я не знаю.

Не знаю.

Я действительно не знаю, что случилось в ту роковую ночь 17 декабря. Застрелила ли я Уилла? Выманила наружу и застрелила? Говорят, что именно так все и было. Виновна ли я в убийстве? В двух убийствах? А если в двух, то почему не в трех?

Неужели правы те, кто называет меня убийцей? Черной вдовой из Бедфорда?

Может быть, я и впрямь сошла с ума. Похоже на то. Если так, то все это ужасно несправедливо. Ужасно. Несправедливо.

Но жизнь далеко не всегда справедлива.

* * *

Я пришла в себя на своей собственной кровати и обнаружила, что лежу, зарывшись лицом в подушку, а в боку пульсирует страшная, сводящая с ума боль. Чувство было такое, словно меня долго избивали лопатой. В голове что-то громко трещало и ломалось.

Кошмарные образы врываются в сознание, и у меня не было сил их остановить.

Кто выстрелил из ружья?

Дженни, подумала я. Надо добраться до Дженни. И Алли. Вслед за жуткими картинками в сознание вторгся пронзительный крик. Сначала я решила, что этот шум существует только в моей голове, но потом поняла — источник находится вне меня.

Чьи голоса звучат в моем доме? Что вообще происходит?

Поднять веки оказалось невероятно трудным делом. Малейшее их движение причиняло острую, как от бритвы, боль.

Другая боль, не столь острая, но не менее сильная, ножом резала ребра.

Я все же заставила себя открыть глаза и тут же закрыла их. Яркий свет бил в лицо.

Кто включил лампу?

С лестницы послышались шаги. Уилл!

Я попыталась сесть и не смогла. Огненно-желтый шар пронесся перед глазами, как будто небо прочертила раскаленная молния.

Но я все же открыла глаза. И различила плотного чернокожего мужчину в темном костюме, белой рубашке и галстуке. Он стоял возле кровати и смотрел на меня сверху вниз. В нем было, наверное, футов семь роста. Очки в роговой оправе казались слишком маленькими для гигантской головы.

Незнакомец смотрел на меня с каким-то странным выражением.

Что он делает в моей спальне? Или я в больнице? Похоже, что именно там.

— Вы Мэгги Брэдфорд?

Я попыталась кивнуть, попыталась понять, что происходит и где я. Может, меня перенесло в прошлое?

— Мы нашли вас во дворе и перенесли сюда, — продолжил чернокожий незнакомец и помахал у меня перед лицом каким-то значком.

Я лишь заметила что-то золотистое и синее.

— Я — Эммет Хармон, начальник полиции Бедфорда. Громкий голос гулким эхом отдавался у меня в голове. Начальник полиции Бедфорда?

О Господи. Что же произошло? Дженни? Алли?

— Что вы здесь делаете? Пожалуйста, скажите, где мои дети? — прошептала я, преодолевая боль в горле.

— Мэгги Брэдфорд, вы арестованы за убийство вашего мужа, Уилла Шеппарда. У вас есть право молчать.

— Мисс Норма Брин?

— Да. С кем я разговариваю?

— Меня зовут Барри Кан.

— Что вы говорите! Ну и ну! Сам Барри Кан. Певец?

— Точно.

— Вы мне жутко нравитесь. По крайней мере ваши песни. Чем могу вам помочь?

— У меня все в порядке, но нам нужна ваша помощь.

— Нам?

— Нас двое. Натан Бейлфорд и я.

— Натан! И чем, черт возьми, занят Натан?

— Ведет защиту Мэгги Брэдфорд.

— Да. Я о ней слышала. Нелегкое у него дело.

— Мы хотим нанять вас. Хотим, чтобы вы поработали на нас. Натан говорит, вы лучший сыщик из всех, кого он знает.

— Я и впрямь очень хороша, но в данном случае это не имеет большого значения. Дело-то ведь, насколько мне известно, ясно и почти закрыто, разве нет? По крайней мере так я слышала.

— У нас другая точка зрения. Натан полагает, что в этом деле далеко не все ясно, так что закрывать его еще рано.

— Не шутите? В газетах пишут, что она пристрелила того сукина сына, размозжила ему голову.

— Поверьте мне, не все так просто. В этом деле есть что-то еще. Вы хотите узнать что?

— Он что, трахал кого-то на стороне?

— Этого мы уже не узнаем. Вероятно. Но Мэгги не стала бы убивать его за это.

— Избиение?

— Насколько я знаю, он ударил ее один раз. Нет, извините, два. Но и за это она бы его не убила. Мэгги — хороший человек. Послушайте ее песни.

— Ладно, тогда почему она все-таки застрелила его?

— Чтобы выяснить это, мы и хотим вас нанять, мисс Брин. У нас нет полной уверенности в том, что это сделала она.

— Так вам нужна защита или факты?

— Нам нужно защитить ее.

— Ага. Спасибо за откровенность. Вот что я люблю в знаменитостях.

— Но мы уверены, факты дадут аргументы для защиты. Мэгги не убийца.

— Похоже, ее мужьям не везет. Разве она не пристрелила своего первого? Уверена, что читала об этом в какой-то газете.

— Не доказано. Убийство не доказано. Ее даже не судили. Первоначально выдвигалось обвинение в убийстве второй степени, но оно было снято.

— А ее любовник? Патрик О'Мэлли?

— Несчастный случай. Он умер от сердечного приступа.

— Я почему-то думала, что она призналась в убийстве.

— Это полицейские утверждают, что она призналась. Сбили с толку, запутали, воспользовались ее состоянием. Вы же знаете, как это бывает.

— Но пресса взялась за нее крепко. В суде ей ждать нечего. Первого уложила из пистолета. Второй умер на яхте в море. Третьего подстрелила из ружья.

— Послушайте. Если вы не хотите браться за это дело, то...

— Я этого не сказала.

— Значит, вы согласны?

— Только ради вас, Барри Кан.

Пауза.

— Да благословит вас Господь, мисс Брин, — сказал Барри.

— Называйте меня Нормой.

Она услышала вздох облегчения и представила, каково ему сейчас. Его преданность другу вызывала уважение, даже если этим «другом» была женщина, прозванная черной вдовой из Бедфорда.

Большинство людей так и не поняли, в чем суть конфликта, разделившего сербов и хорватов, однако за ходом судебного процесса над обвиненной в убийстве мужа Мэгги Брэдфорд следили сотни миллионов людей во всем мире. Репортеров и съемочные группы прислали не только средства массовой информации Соединенных Штатов Америки, но и Европы, Южной Америки, Азии и, возможно, Луны. Накал страстей был не меньше, чем перед президентскими выборами, только спрос на дополнительную, «изнутри», информацию еще больше.

«Боже, — думала Норма Брин. — Это же всего лишь судебный процесс. Не более. Каким бы ни был исход, он не изменит судьбы мира. Ну и что из того, если она и пристрелила парочку мужей? Большинство из них заслуживают этого!»

Направив свой запыленный желтый «шевроле» по Кларк-стрит, Норма во второй раз за утро проехала мимо окруженного шумной толпой здания суда.

Процессия из черных зонтиков, виниловых плащей, пакетов из «Бостон чикен» и «Данкин донатс» вытянулась вдоль главной улицы, «Хэмилтон драгз», «Уиллиз ньюспейперс» и новой публичной библиотеки. Затем она заворачивала на Чарльз-стрит и занимала там еще пять кварталов.

Что за столпотворение! Настоящая зона бедствия! Миллар и Грант-стрит были забиты туристическими автобусами: ярко-желтыми школьными и «Грейхаундами», прибывшими из мест, о которых никто и не слышал, вроде Питсфилда и Катаубы. Была середина декабря, и в воздухе мелькали снежинки.

«Мэгги и Уилл; горькая трагедия сладкой любви». Под таким заголовком вышла одна из местных газет, и этот и ему подобные штампы звучали из радиоприемника уже не первый день. Были и похлеще — «Раз, два, три — свободу у мужа бери!».

Лихо! Норма улыбнулась. Наконец-то хоть немного чувства юмора в отношении дела, которое стало ее работой.

Она ненавидела публичность, не стремилась к славе и даже оставалась безразличной к деньгам. Носящиеся вслед за ней репортеры только мешали заниматься делом. И все же Норма понимала, за что взялась. Мэгги Брэдфорд была звездой. Одна часть публики уже решила, что она виновна, другая считала ее безгрешной, как ягненок. А что же Норма?

«Проклятие! Я все еще не знаю, что и думать. Мэгги и сама ни в чем не уверена. То, что она рассказала полиции, очень сильно смахивало на признание. Улики выглядят убедительно».

Просунутый под «дворники» желтый пропуск дал ее «шевроле» возможность въехать во двор и припарковаться на стоянке у здания суда. Свободного места уже почти не осталось из-за полицейских и частных машин, принадлежащих представителям обеих сторон.

Норма узнала синий «мерседес» судьи Эндрю Сассмана, рядом с которым стоял серебристый «порше» Натана Бейлфорда, более подходящий студенту колледжа, выехавшему в выходной на главную улицу с далекой от правосудия целью.

Именно он, Натан Бейлфорд, вышел Норме навстречу, когда она вынесла из салона свое слегка тяжеловатое тело.

Адвокат кивком указал на забитую автомобилями стоянку.

— А ведь сегодня мы всего лишь отбираем жюри присяжных. Представляете, что здесь будет, когда начнется процесс?

— Как держится наша клиентка? — спросила Норма.

В прошедшие недели она уже встречалась с обвиняемой и нашла ее на удивление «земной» женщиной, немного отстраненной, не стремящейся ни помогать, ни мешать. Мэгги растеряна,

говорили ей, однако Норма вынесла свой диагноз: клиническая депрессия.

— Без изменений. Я бы сказал, что она такая же, какой была в ночь убийства. Тот же упадок духа, то же безволие. — Он посмотрел на детектива. — А у вас есть что-нибудь новое?

— Пока ничего. Но, как говорится, шаров в воздухе много. Их бы еще все поймать. Только для этого надо быть жонглером. Ха-ха-ха.

Норма не говорила адвокату о том, что в деле имеются глубоко беспокоящие ее аспекты. Ничего определенного, просто не стыкующиеся друг с другом или не выдерживающие тщательного изучения детали.

То, что казалось ясным, сводилось к следующему: если Мэгги убила своего первого мужа, то потому, что вынуждена была сделать это. Если она застрелила Уилла Шеппарда, то тоже была вынуждена это сделать. Неясным оставалось, что или кто вынудил ее.

Главная проблема заключалась в том, что убийств было два. Одно, первое, можно было бы объяснить временным помешательством, самообороной, нервным стрессом, вызванным физическим насилием. Но как объяснить два?

Норма побывала на месте убийства, рассчитывая найти дополнительную информацию, какой-то след.

Было нечто, чего она не нашла, что-то очень важное. Оно должно было быть.

Проклятие! Что-то определенно не так.

* * *

В Палм-Спрингс подернутое дымкой желтовато-розовое калифорнийское солнце мягко выкатывалось из-за торчащих на горизонте колючек гор. Его ранние лучи покрывали блестками воду бассейна и растекались по выложенной красными плитами террасе.

Питер О'Мэлли отложил последний номер «Нью-Йорк таймс», снял новые зеркальные солнцезащитные очки «Рэй-Бэн» и уставился на искрящуюся бликами голубую полосу воды.

В какой-то момент ему показалось, что на поверхности, перекрывая прыгающие солнечные зайчики, появилось лицо Мэгги Брэдфорд, такое, каким он увидел ее накануне по телевизору. Бледное, с кругами под глазами. Она была похожа на зомби, и сердце Питера подскочило от радости.

Так ей и надо, сучке!

Позднее, уже ночью, он услышал ее голос, звук которого едва не убил его. Разумеется, ее песни передавались по всем каналам. Певчая птичка в клетке, как назвал ее один диджей.

Что ж, звучать ему уже недолго. Ни на радио — кто же станет играть песни осужденной за убийство! — ни в конференц-зале компании отца.

Питер снова надел темные очки, поднял ручку и блокнот и начал писать письмо, которое, как ему казалось, гарантирует обвинительный приговор Мэгги Брэдфорд.

«Что есть, то есть, дорогуша. Ты свое получишь. Можешь не сомневаться. Твой „роман“ с семейством О'Мэлли еще не закончен».

На всех, кто вступал в более или менее близкий контакт с окружным прокурором Уэстчестера Дэном Нижински, последний производил примерно одинаковое впечатление: слишком хорош, чтобы быть настоящим, и идеален в своей роли.

Таким эффектом он в первую очередь был обязан своей внешности. Высокий — шесть футов один дюйм. С пшеничными волосами, преждевременно поредевшими на макушке. Мужественное обветренное лицо, благодаря которому прокурор выглядел старше своих тридцати шести лет. Лучистые голубые глаза с легкими морщинками в уголках. Улыбка, заставляющая молодых женщин-присяжных расцветать, а мужчин-присяжных считать его своим другом.

Второй причиной популярности прокурора было его поведение в зале суда. Прямой, как линейка, Нижински, казалось, с одной стороны, располагал присяжных к доверию, с другой — дистанцировался от них ровно настолько, чтобы внушать уважение и легкий страх. «Я говорю вам правду. Верьте мне. Какими бы удивительными ни казались вам мои выводы, они основаны на фактах» — это беззвучное послание читалось достаточно определенно и имело свой эффект.

Впрочем, в данный момент, позволив себе расслабиться и положив на стол ногу в дорогом ботинке из цветной кордовской кожи, прокурор обращался к своим помощникам по поводу приближающегося суда.

— Факты сомнений не вызывают, — в десятый раз повторял он. — Она почти признала, что застрелила своего мужа, передала полиции оружие убийства и сотрудничала с ними, как мне кажется, охотнее, чем с собственными адвокатами. Такое поведение не является в случаях с убийством чем-то необычным. Но... — И здесь он сделал явно рассчитанную на драматический эффект паузу. — Но у этой женщины вполне достаточно денег, чтобы купить лучших защитников и детективов. Вести перекрестный допрос будет сам Натан Бейлфорд. Именно на таких делах он и составил свою репутацию. И еще. Они привлекли к расследованию Норму Брин. Если где-то спрятано доказательство невиновности Мэгги Брэдфорд, Брин его найдет. Да только, черт побери, нет ничего! Ничего!

Еще одна пауза. На сей раз для того, чтобы взять под контроль эмоции.

— Линия защиты, единственно возможная линия защиты, которую они могут предложить, — это самозащита. Они будут доказывать, что Мэгги Брэдфорд защищалась от Уилла Шеппарда, что если бы она не убила его, то он убил бы ее.

Так вот, говорю вам, это все чушь, и мы должны убедить жюри в нашей правоте. Какая самозащита? Меня тошнит от такой самозащиты. Мы имеем дело не с кем-то, а с Мэгги Брэдфорд! Разве она не могла обратиться в полицию? Боялась мужа? Этот аргумент мог бы сыграть в случае с первым супругом, но здесь он ни черта не сработает. Она — звезда. Любой суд мира гарантировал бы защиту такой знаменитости, если бы она только попросила об этом. Пострадавшая от побоев жена? Черта с два!

Третья пауза, глоток кофе. Трое других, находившихся в кабинете, хорошо знали его привычки, убеждения и манеры, а потому оставались равнодушны к мелодраматическим эффектам шефа. Они также прекрасно понимали, насколько он хорош в своем деле и сколь многое означает именно данное дело для его карьеры.

— Два мужа, две смерти. Не слишком ли много совпадений для простой случайности. Но давайте не забывать, что в жизни Мэгги Брэдфорд имела место смерть и третьего мужчины. Человека, которого, как считается, она любила больше, чем других.

Патрик О'Мэлли, ее любовник, умер от сердечного приступа во время выхода в океан. Да. А был ли сердечный приступ? Вскрытие утверждает, что был. Но мы не знаем, что его

спровоцировало.

Мэгги Брэдфорд — убийца, — тщательно выверенным голосом продолжал прокурор Нижински. — Хладнокровная, бессердечная и до последнего раза удачливая, как дьявол. Но теперь она попалась. Виновна ли в предъявленном обвинении? Абсолютно в этом уверен. — Нижински закончил и оглядел своих помощников. — Есть вопросы, ребята, или языки проглотили? Кто-нибудь видит, как мы можем проиграть это дело? Я — нет.

Я не эксперт по части тюрем и не жажду им становиться, но если женское исправительное учреждение Бедфорд-Хиллз считается «одним из самых комфортных», то мне жаль женщин-заключенных в других местах. Не говорю о невинных, но даже виновные, пребывая здесь, вряд ли встанут на путь реабилитации. В этом я совершенно уверена.

В камере я одна по причине своего звездного статуса. Делаю зарядку и принимаю плохую пищу в одиночестве. У меня появилась подруга, еще одна женщина, обвиненная в убийстве мужа. Мрачная ирония судьбы.

Меня окружают наркоманки, воровки, поджигательницы, несколько убийц. Дженни навещает меня по нескольку раз в неделю, и я с нетерпением жду ее прихода. Алли сказали, что я в отъезде, и препоручили заботам миссис Лей. Мне так их не хватает, что я не могу об этом писать.

Когда я думаю о моих детях, о моей милой доченьке и дорогом сыночке, сердце как будто захлебывается от боли и я боюсь, что не выдержу. Мне не жаль себя, я просто не могу жить без них. Именно из-за них я не могу позволить себе раскиснуть и опустить руки.

Я сделала последнюю запись как раз перед тем, как в камерах выключили свет. Получилось что-то вроде длинной жалобы, а я совсем не такая. Даже когда сижу за решеткой. До начала процесса не более шести часов.

Что произойдет? Каким будет вердикт? Не представляю. Буду ли я ближе к истине, когда услышу свидетельства? Узнаю ли, как все произошло? Кто скажет, что спрятано в глубине моего сердца?

А вы? Приблизитесь ли к истине вы? Я рассказала вам все. Что вы чувствуете? Уверенность? Рассказываю ли я правду или потчую вас ложью?

И уверены ли вы во мне?

Неужели, когда приходит настоящая беда, я просто беру оружие и иду на прорыв? Неужели убийство — мой единственный инструмент? Неужели меня постоянно влечет к чудовищам?

Или я сама — чудовище?

Началось!

— Вы готовы, миссис Брэдфорд? Не волнуйтесь, все будет хорошо. Идемте. Мы хотим провести вас в зал судебных заседаний как можно быстрее. При этом нам понадобится ваша помощь. Опустите голову и не останавливайтесь.

— Постараюсь, Билл.

— Знаю, что постараетесь.

Еще одна привилегия. Специально для меня из Нью-Йорка прислали прошедшего особую подготовку охранника. Профи. Его обязанность — контролировать других охранников, которые будут защищать меня от прессы.

Он проведет меня в зал заседаний, а затем как можно быстрее доставит назад в тюрьму. Его зовут Билл Сайберт. Приятный в общем-то парень. Хорошие манеры, ровное отношение.

Выходя из машины, я споткнулась и тут же почувствовала, как Билл бережно поддержал меня сзади. Отличное начало. Я уже видела заголовки: МЭГГИ БРЭДФОРД СПОТЫКАЕТСЯ!

Я вошла в здание и на мгновение зажмурилась от слепящего света прожекторов. Толпа давила, заключив меня в плотное кольцо человеческих тел. На меня обрушилась лавина вопросов. Я ли это сделала? Как я себя чувствую? Смогу ли писать песни в тюрьме? Как ко мне относятся другие заключенные? Пою ли я для них?

Оставьте меня в покое!

Уровень глупости, аморальности и бездушия превосходил все мыслимые пределы. Казалось, меня вот-вот вывернет наизнанку. Ноги подгибались. Наручники ведь не надевают на невиновных, верно?

— Следуйте за мной, — инструктировал Сайберт. — Не останавливайтесь, что бы ни случилось. Никому ничего не говорите. Вы меня понимаете, миссис Брэдфорд? Никому — ничего.

Я так и сделала.

Он же профессионал. Патрульные полицейские в ковбойских шляпах с трудом сдерживали натиск собравшихся. Кто-то свистел, кто-то топал, кто-то кричал что-то ободряющее. От происходящего у меня закружилась голова. В последний раз нечто подобное случилось со мной в Сан-Франциско, но вспоминать об этом не хотелось.

Через полицейский кордон ко мне тянулись руки, меня пытались схватить, похлопать по плечу, ущипнуть. Может быть, оторвать кусочек.

Пожалуйста, не трогайте меня! Оставьте меня в покое! Я же не ваша игрушка!

При мысли о том, что чьи-то чужие пальцы дотронутся до меня, хотелось кричать, но я сдерживалась, напрягая все силы, чтобы не позволить чувствам выплеснуться наружу.

Но вот наконец и крики, и безумная, неуправляемая толпа остались за тяжелой дубовой дверью.

Неожиданно для себя я оказалась в фойе зала заседаний с высоким потолком и белыми стенами. Теперь уже другие — полицейские, представители местной власти, судебные чиновники — повернулись, забыв о своих делах, и уставились на меня так, словно увидели пришельца из космоса. Мраморная лестница вела наверх. На оштукатуренных стенах висели, как полагается в подобных учреждениях, черно-белые фотографии; на позолоченных дрезках болтались флаги, американский и штата.

Невероятно. Жутко. Этого не может быть. Это не может происходить со мной.

Барри и Натан уже были рядом. Натан пожимал мне руку, Барри целовал в щеку. Мы прошли

в переполненный зал. Я никак не могла отделаться от ощущения нереальности. Даже Барри и Натан казались мне нереальными.

Мне действительно было плохо. Реально, физически плохо. Меня тошнило. Жуткое возбуждение подобно некоему смертоносному газу наполняло помещение. Словно по команде, все повернулись ко мне. Обычные, простые люди. Знаменитые писатели.

Это было ужасно.

Я подняла голову, чтобы по крайней мере выглядеть невиновной. Натан помог мне сесть за отведенный нам стол. Барри занял место в первом ряду зрителей.

Чтобы не упасть, я обеими руками вцепилась в стол. Меня трясло. Мне было холодно. И одиноко.

Я оглянулась, стараясь отыскать взглядом Дженни и Алли. Конечно, сына в зале не было. Только дочь. Мы помахали друг другу, и Дженни расплакалась.

Страшно, невероятно и... так не должно быть!

— Внимание! Всем встать!

Для судебного клерка наступил момент славы. Все взоры обратились к нему.

Хорошо. Значит, от меня наконец-то отстали.

Суд начался.

Суд над убийцей.

Суд надо мной.

Во всем этом было что-то неестественное. Что-то лишнее, не вписывающееся в картину. Или, может быть, совсем наоборот. Может быть, чего-то не хватало.

«Что за дела! В чем тут фокус?» — снова и снова спрашивала себя Норма Брин.

Как могло получиться, что Уилл Шеппард был убит всего лишь одним, во многом случайным выстрелом? Как получилось, что Мэгги Брэдфорд ухитрилась ухлопать своего мерзавца-муженька, уже падая или даже грохнувшись на землю? И тем не менее она его уколошила. В этом сомнений быть не могло.

В сотый или, может быть, уже в тысячный раз Норма рассматривала фотографии, сделанные полицией на месте преступления сразу после обнаружения тела Уилла Шеппарда.

Он лежал лицом вниз.

Не повезло тебе, Уилл...

Или ты планировал нечто в этом духе? Может быть, ты сам выстрелил себе в лицо, чтобы насолить Мэгги? Какую игру ты вел, жалкий подонок?

Итак, еще раз. Он убегал. Это следует из следов. Мэгги преследовала его. Они схватились. Она выстрелила ему в голову. Он упал.

Все. Конец фильма. Уилл Шеппард выбывает из игры.

И начинается совсем другая история. История, в которой все запутано и ничего не ясно.

Как будто тысяча холодных ножек пробежали по ее спине. Что-то не укладывалось в картину. Что-то было не так. Но что? Что, черт возьми?

Какой же детали недостает в этой дешевой головоломке?

Надо провести несколько экспериментов. И конечно, призвать на помощь удачу. Шары в воздухе, и задача жонглера не позволить им упасть. Она обязана найти что-то, что поможет Мэгги Брэдфорд выйти из тюрьмы.

Чтобы снова убивать?

Смешно, хотя мне и не до смеха. Надо же, прокурор — мой поклонник. По крайней мере был им.

С Дэнном Нижински меня познакомили на одной из вечеринок в доме Натана Бейлфорда. Он пришел туда с женой, совершенно заурядной на вид женщиной в огромных, овальной формы, очках и абсолютно без макияжа. Помню, я еще удивилась, что такой привлекательный мужчина, как Нижински, не женился на какой-нибудь красавице. Потом мы с ней разговорились, и я невольно прониклась к ней симпатией. Супруги сообщили, что они оба — мои поклонники. Вот радость-то!

Так или иначе, но теперь Дэн Нижински мне совсем не нравился. Пугающе высокий, он обращался к присяжным так, как обращается учитель к любимому классу.

— А он хорош, — шепнула я, наклонившись к Натану.

— Мы тоже, — ответил он, но его уверенность почему-то не распространилась на меня.

Жюри присяжных состояло из секретарши лет двадцати с небольшим, директора средней школы, двух домохозяек, трех пенсионеров, один из которых был армейским полковником в отставке, писателя на вольных хлебах, двух бизнесменов, клерка из местного представительства «Форда» и «временно безработного» актера.

Шесть мужчин и шесть женщин. С разным социальным статусом. Наделенные правом освободить меня. По крайней мере я на это надеялась.

* * *

Большой любитель моих песен Дэн Нижински снова говорил обо мне. Однако теперь он взял слово вовсе не для того, чтобы петь дифирамбы.

— Вам предстоит услышать свидетельства, бесспорно доказывающие, что обвиняемая, Мэгги Брэдфорд, на протяжении нескольких недель обдумывала план убийства своего мужа, Уилла Шеппарда.

Вы убедитесь, что само это заранее подготовленное убийство было осуществлено чрезвычайно хладнокровно в тот момент, когда Уилл Шеппард пытался убежать, спасая свою жизнь.

Вы узнаете, что Уилл Шеппард не был идеальным мужем, но какими бы ни были его грехи, они никоим образом не могут служить оправданием убийства.

Вам будут предъявлены такие более чем убедительные свидетельства, что ни у одного из вас не останется ни малейших сомнений в том, что Мэгги Брэдфорд виновна в убийстве первой степени и должна быть наказана в полном соответствии с требованиями закона.

Дэн Нижински направился к своему столу, однако, сделав несколько шагов, внезапно остановился и повернулся к присяжным, как будто то, что он собрался сказать, только что пришло ему в голову, хотя я могла бы поклясться, что и этот прием, и вообще все выступление были тщательно и многократно отрепетированы и опробованы.

— И еще одно, о чем я забыл упомянуть. Убийца, иметь дело с которой приходится нам здесь, не совсем обычная женщина...

— Возражаю! Ваша честь, — подал голос, поднимаясь с места, Натан Бейлфорд, — окружной прокурор навешивает ярлыки на мою подзащитную. Она не убийца.

— Возражение принято.

— Ее имя, Мэгги Брэдфорд, известно всему миру, но это не та женщина, которую вы видите по телевизору, ибо телевидение подает нам придуманные, вымышленные образы, но не правду. Она вовсе не так мила, как ее голос, не так очаровательна, как ее мелодии, не так милосердна и добра, как слова ее песен.

Не забудьте отделить Мэгги Брэдфорд, певицу и автора песен, звезду, от реальной, истинной Мэгги Брэдфорд, женщины, сидящей перед вами по обвинению в совершении ужасного, отвратительного преступления.

Не идите на поводу у навязанного вам средствами массовой информации и окутанного ореолом славы образа.

Настоящая Мэгги Брэдфорд имела доступ к оружию. Настоящая Мэгги Брэдфорд знала, как спустить курок. Настоящая Мэгги Брэдфорд без раздумий отняла жизнь у другого человека. Почему? Потому что ей позволено все. Потому что она звезда.

Я заканчиваю. Когда звезда падает, то, пронзая атмосферу, вспыхивает, а потом гаснет. Для Мэгги Брэдфорд, уважаемые леди и джентльмены, члены бюро присяжных, такой атмосферой являетесь вы. Вы — охранители и воплощение правосудия, и благодаря вам она никогда не засияет снова. Не должна засиять снова.

Следующим выступил Натан Бейлфорд, который с красноречием и страстью, не уступающими красноречию и страсти прокурора, изложил точку зрения защиты. На протяжении обеих речей меня не оставляло ощущение, что они говорят о ком-то другом. Чувство изолированности, разобщенности с миром, появившееся в тот самый момент, когда меня обвинили в убийстве Уилла, вернулось снова.

— Окружной прокурор нарисовал здесь весьма непривлекательный портрет. Портрет хладнокровной убийцы, — негромким, глуховатым голосом начал мой защитник. — Точнее, это отвратительный и жуткий портрет, и вполне точный, когда речь заходит об убийцах. Но он не имеет никакого отношения к Мэгги Брэдфорд, в чем вы убедитесь, когда услышите рассказы ее друзей, коллег и ее самой.

Я выпрямилась и, взяв ручку и листок бумаги, быстро написала записку Барри: «Мы ведь договорились, что я не буду давать показания. И я не буду!»

Он тут же настроил ответ: «Отлично. Тогда скажи, почему ты застрелила Уилла!»

Я снова: «Нет. Не могу».

Боже, сколько раз я говорила им, что не стану выступать в суде, не стану давать показания. Я просто не могла это сделать. У меня были на то свои причины, и я знала, что не открою рот даже в том случае, если мне будет грозить пожизненное заключение.

— Мистер Шеппард?

— Слушаю.

— Мистер Шеппард, меня зовут Норма Брин, и я звоню вам из Нью-Йорка. Вы, вероятно, не знаете, кто я...

— Ошибаетесь, мисс Брин, я знаю, кто вы. Вы расследуете убийство моего брата. Здешние газеты тоже много пишут об этом деле. Чем могу помочь?

— Видите ли, в вещах Уилла я обнаружила вашу записку. Совсем ничего не значащая. Странно, что ее не выбросили. Содержание таково: «Иди к черту, Уилл!» Можете рассказать, что вы имели в виду? По какому поводу ее написали? И еще меня интересует, почему ваш брат ее сохранил.

На другом конце провода молчали.

— Да, думаю, что могу кое-что объяснить. Уилл хотел, чтобы я принял участие в одном задуманном им деловом предприятии. Я в то время находился в Штатах, и он попросил меня приехать к нему домой. Я отказался.

— А вы всегда пользовались такими выражениями в общении с братом?

— Другого языка он не понимал. Мы никогда не были близки. Скажу откровенно, мой брат — сумасшедший ублюдок. Боюсь, что другой рекомендации он не заслужил. Добавлю только, что Уилл не из числа уважаемых мной людей.

Норма уже знала, что братья не поддерживали близких отношений. И все-таки...

— Пожалуйста, расскажите мне о нем. Конечно, вам, наверное, тоже нелегко...

Палмер Шеппард рассмеялся.

— У вас много времени? История довольно долгая и началась давно.

— Со временем у меня проблем нет, — уверила его Норма. — Лишь бы пошло на пользу.

— Не знаю, насколько то, что я вам расскажу, пригодится в расследовании. Полагаю, у вас уже сложилось общее впечатление. Знаете, я, наверное, прилечу, если возникнет такая необходимость. Честно говоря, я очень сочувствую Мэгги Брэдфорд. Вы даже представить не можете, как мне ее жаль.

— Вы очень любезны. И я обязательно попрошу о таком одолжении, если обстоятельства не оставят другого выбора.

— Вот и хорошо. Знаете, я допускаю, что Мэгги могла убить его. Удивительно только, что никто другой не сделал это раньше.

— Можете объяснить почему?

— Мне ничего не известно об их браке. Я намеренно старался держаться подальше. Но Уилл был самым дьяволом, мисс Брин. Хуже человека трудно представить. Буду откровенен: тот, кто застрелил его, оказал человечеству большую услугу. Я знаю это абсолютно точно.

Суд шел. Очень-очень медленно. День за днем, неделя за неделей. Нудно, утомительно.

После того как на двадцатый день завершились показания свидетелей, Барри и Натан навестили меня в тюрьме. Мне совсем не хотелось их видеть.

Я знала, зачем они пришли — надавить на меня, добиться объяснений, алиби, получить то, чего я не могла им дать.

— Расскажи, что ты знаешь о Палмере, — попросил однажды Барри, когда мы сидели в комнате для свиданий.

Вопрос в некоторой степени застиг меня врасплох. Странное начало разговора. При чем здесь Палмер Шеппард?

— А что рассказывать? Брат Уилла, вот и все. Они практически не поддерживали отношений. Я видела его всего-то раза два. Он выразил мне соболезнования... на свадьбе.

— Ты не знаешь, он был близок со своими тетями?

— По-моему, не так близок, как Уилл.

Должно быть, что-то в моем ответе привлекло их внимание, потому что Барри сразу взглянул на меня, и глаза у него стали грустные.

— Значит, тебе известно о Вэнни и Уилле? Почему же ты ничего не сказала нам? Почему нам приходится вытягивать такие факты из Палмера Шеппарда?

Злость копилась слишком долго, и, пожалуй, пришла пора немного спустить пар.

— Я ничего не знаю, хотя, признаюсь, о чем-то догадывалась. Барри, чего вы от меня добиваетесь?

Он посмотрел на меня твердо, не отводя глаз:

— Нам нужно знать правду, Мэгги. Она бывала в твоём доме? Я говорю о Вэнни.

— Только один раз. — Я вздохнула, вспомнив день, когда это случилось. — На нашей свадьбе. Очень красивая женщина, младшая сестра его матери. Ты ведь и сам там был Барри. Ты тоже ее видел. Уилл так и не смирился с тем, что мать бросила его в детстве.

— Да уж! — воскликнул Натан. — Он приводил в дом других женщин? Таких, кого вы не знали?

— Никогда. Да я бы и не позволила.

— Тогда еще один вопрос, Мэгги, — сказал после паузы Натан. — Вы никогда не замечали за Уиллом никаких странностей? Были ли случаи, когда он позволял себе непозволительное? И помните, Мэгги, вы должны доверять нам. Никаких секретов быть не может. Момент слишком ответственный. Мы обязаны знать все, что может знать сторона обвинения.

Если я и колебалась с ответом, то всего лишь мгновение. Мне не нравилось то, какое направление принял наш разговор.

— Нет. Мне нечего вам сказать. И с какой стати я буду о чем-то умалчивать?

Барри покачал головой:

— Ты лжешь нам, Мэгги. Черт бы тебя побрал! Ты разбиваешь мне сердце.

— Клянусь, что... — прошептала я.

Да, конечно, я лгала. Всегда говорила правду, но...

— Кто?!

Барри повысил голос. Раньше он никогда не кричал на меня. И таким злым я тоже никогда его не видела. У него даже выступили вены на лбу и шее.

— Пожалуйста! Барри, не надо! Не заставляй меня... Его лицо стало вдруг почти белым. Барри закрыл и медленно открыл глаза. Перевел дыхание.

— Ну конечно...

Впервые я увидела слезы в его глазах. Барри посмотрел на меня с такой нежностью и жалостью, что я поняла — сердца рвутся у нас обоих.

— О Боже... конечно. Уилл и Дженни, да? Он пытался добраться до нее?

Я поднялась и позвала охранника.

— Отведите меня в камеру. Сейчас же отведите меня в камеру!

Мы ушли. Я не сказала им больше ни слова. Потому что не могла и не хотела втягивать дочь во все это.

— Обвинение вызывает Питера О'Мэлли.

Услышав эти слова, громко произнесенные в зале открытых заседаний, я побледнела. Вообще-то чувство постоянного беспокойства и страха уже становилось чем-то привычным. Шел двадцать девятый день слушаний, и хорошего за это время было совсем мало.

Вопреки настойчивым возражениям защиты судья Сассман все же разрешил Нижински предъявить свидетельство о смерти Филиппа Брэдфорда. Теперь окружной прокурор пытался разыграть очередную карту, которой стала для него смерть Патрика О'Мэлли.

Никакой особенной для себя выгоды он извлечь не мог — разве что намекнуть на мою ответственность, бросить на меня тень подозрения. Но я знала, что именно этого и добивался Питер. Бросить тень, оживить старые слухи, досадить мне.

Странно, но судья распорядился очистить зал от зрителей. Питер дал согласие выступить с показаниями, но только при условии, что заседание будет закрытым. Уж не знаю, как его адвокату удалось убедить судью пойти навстречу требованию свидетеля.

Я ничего не понимала. Почему и от кого надо защищать Питера? Но вскоре многое прояснилось.

Выступление О'Мэлли-младшего заняло, казалось, вечность — мои защитники выдвинули не менее сотни возражений, — но суть его сводилась к следующему.

— Мистер О'Мэлли, вы являетесь членом учреждения, называемого Озерный клуб?

— Да.

— Этот клуб расположен в Бедфорд-Хиллз? Неподалеку от Гринбрайер-роуд?

— Верно.

— Сколько человек являются его членами?

— Около пятисот.

— И чем они занимаются? Гольф, теннис, плавание, обеды и танцы по вечерам?

— Да.

— Но при этом клуб предоставляет и кое-что еще, не так ли?

— Существуют дополнительные услуги. Для отдельных членов.

— То есть эти дополнительные услуги доступны не всем членам, а только избранным?

— Можно и так сказать.

— Вы входите в число этих избранных?

— Входил.

— Кто еще?

— Не называя имен, скажу так: это все известные люди.

— И какие же услуги предоставляет им клуб?

— По большей части обеспечивает место для встреч. Условия для обсуждения различных вопросов, в том числе финансовых.

— А после встреч?

— Э... развлечения. Не всегда, но иногда.

— Понятно. Какого рода развлечения? Вы можете их охарактеризовать?

— В основном развлечения сексуального плана.

— Уточните, пожалуйста.

— Клуб поставляет девушек или, если требуется, молодых парней.

— Проституток?

— Я бы не назвал их проститутками.

— Их задача — развлекать членов клуба, и они получают плату за свои услуги?

— Да.

— "Как розу ты ни назови..." М-да. Скажите, мистер О'Мэлли, вы живете в Бедфорд-Хиллз?

— Нет. На Манхэттене и на западном побережье.

— Тем не менее вы являетесь членом Озерного клуба?

— Да.

— И вы тоже участвовали в тех вечеринках, о которых мы только что говорили?

— Да.

— Как это получилось?

— Мой отец, Патрик О'Мэлли, играл в клубе большую роль. После его смерти членство перешло ко мне.

— Он тоже принимал участие в описанных вами развлечениях?

— Да.

— То есть спал с молоденькими девушками?

— Да.

— У Патрика О'Мэлли были отношения с Мэгги Брэдфорд?

— На протяжении нескольких месяцев. Может быть, пары лет.

— У вас есть сводный брат?

— Да. Они жили вместе.

— Можете ли вы сказать, что Патрик О'Мэлли и Мэгги Брэдфорд были влюблены?

— Мой отец говорил, что да.

— Тем не менее он не отказался от членства в Озерном клубе?

— Нет.

— И не перестал спать с девушками?

— Об этом мне ничего не известно.

— Знала ли миссис Брэдфорд о ночных развлечениях в клубе и о том, что Патрик О'Мэлли участвовал в них?

— Да.

— Откуда вы это знаете?

— У нее были фотографии моего отца по крайней мере с двумя девушками.

— Вот как? У нее были фотографии?

— Я нашел их в ее спальне. В их спальне. Уже после смерти отца. Помогал собирать его бумаги. На этих фотографиях...

— Спасибо, но нам не нужны подробности. По крайней мере сейчас. Что думала миссис Брэдфорд по поводу этих снимков?

— Не знаю. Она мне не говорила.

— А что вы о них думали?

— Для сына всегда шок, когда он видит отца в такой ситуации.

— Разумеется. Однако вы не удивились?

— Нет.

— А теперь скажите, мистер О'Мэлли, как умер ваш отец?

— Не знаю.

— Не знаете? Разве такое возможно?

— Он умер на яхте. Причина, как предполагают, сердечный приступ.

— Как предполагают? Он находился на яхте один?

— Нет. С ним была миссис Брэдфорд.

— И больше никого?

— Больше никого. Яхту нашла береговая охрана. Миссис Брэдфорд рассказала им, как он умер.

— И ей поверили?

— Очевидно.

— Скажите, мистер О'Мэлли, вы были знакомы с Уиллом Шеппардом?

— Да.

— Можете ли вы сказать, что состояли с ним в дружеских отношениях?

— Мы общались.

— Вы вели с ним какие-то дела?

— Да.

— Ага. Уилл Шеппард был членом Озерного клуба?

— Да.

— И участвовал в развлечениях?

— Да. Определенно.

— Знала ли об этом Мэгги Брэдфорд?

Питер О'Мэлли ответил не сразу. Он помялся, переменял позу, потом посмотрел на меня. В упор.

— Да, знала. Возможно, именно поэтому она его и убила.

Как я уже сказала, моя защита выдвинула сотню возражений, но я слышала то, что слышала. Несомненно, это слышали и присяжные. Вот так проходил суд, на котором я проигрывала, теряя все, что любила, все, что было мне дорого.

В тот же вечер, после обеда, ко мне пришла Норма Брин. Она приходила часто, и я радовалась ее посещениям, вносящим некоторое разнообразие в мою тюремную жизнь. Мы были примерно одного возраста, выросли в примерно одинаковых условиях и хорошо понимали друг друга.

— Мэгги, мне неприятно это говорить, но я не в восторге от твоих песен, — заявила она с порога вместо того, чтобы сказать «привет».

— Ну ты и дрянь, — улыбнувшись, ответила я. Норма стала моей подругой, и только ей удавалось меня рассмешить.

— Нет, дрянь ты. Не хочешь помогать мне в работе, которая, между прочим, состоит в том, чтобы вытащить тебя из этого зверинца.

Я продолжала улыбаться, хотя тема была не из веселых. Но ведь нельзя же хмуриться и оставаться серьезным несколько недель кряду.

— Не хотелось бы тебя огорчать, но мне не нравится, как ты делаешь свою работу, — сказала я.

— А что? По-твоему, слишком круто, да? Надо сбавить обороты?

Я протянула руку к ее руке. Норма была одинока и свободна, но, возможно, из-за двадцати фунтов лишнего веса мужчины пропускали ее мимо своего внимания. Что ж, это их ошибка. Большая ошибка.

— Что у тебя сегодня? — спросила я, потому что она каждый раз приносила что-то новенькое.

— Хочу попытаться убедить тебя прекратить дурацкую игру в мученицу. Лично мне мать Тереза никогда не нравилась. Послушай, Мэгги, перестань изображать из себя страдальцу.

— Я и есть страдальца. Всегда ею была, с самого детства. Иначе за что бы меня любили? Тут уж ничего не поделаешь.

Норма похлопала меня по руке. Довольно сильно.

— Я люблю тебя, Мэгги. Сама не знаю, как это получилось. И я не одинока в этом чувстве — тебя любят многие. Невероятно, но факт, такой уж ты человек, что не любить тебя невозможно.

Я горько усмехнулась:

— Все меня любят, кроме мужей.

— Ну да, встретились тебе два мерзавца, так что теперь, всю жизнь изображать мученицу? Ты говоришь, ничего не поделаешь? А я скажу иначе: ты, Мэгги, только ты сама можешь себе помочь.

Я вздохнула. Мне было понятно, куда она клонит. О том же постоянно твердили Барри и Натан, но в исполнении Нормы это звучало по-другому.

— Не могу. Пойми, не могу. Может быть, стоило бы попробовать, но... Не хочу, чтобы Дженни давала показания.

— Можешь, — убежденно сказала Норма и вдруг совершенно неожиданно расплакалась.

Я впервые видела, чтобы она давала волю чувствам, — раньше такое казалось невероятным. Я впервые увидела ее слезы и сама, потянувшись к ней, зашмыгала носом.

Какое-то время мы просто сидели, давясь рыданиями, как две старые дуры.

— У меня был разговор с Дженни. Она сказала, что вам надо поговорить. Сказала, что это будет продолжение Паунд-Риджа и что за тобой должок.

Норма Брин приехала в дом Мэгги в последний раз. Она по-прежнему была убеждена, что упустила нечто важное, как упустили, впрочем, и все остальные. Но что? Что?

Милдред Лей встретила гостью у порога и предложила ей чашечку кофе. Алл и играл в гостиную, и Норма с удовольствием воспользовалась возможностью поговорить. Прежде они с Милдред едва успевали перекинуться парой слов; может быть, на этот раз удастся раздобыть какую-то ценную информацию.

— Знаю, вы уже рассказывали обо всем много раз, но мне бы хотелось услышать, как все же прошел тот день. Вы ведь были в доме?

— Да, но только до половины седьмого, а потом ушла. У меня был выходной. — Миссис Лей покраснела. — Мы встречались с мистером Фрэзером. В общем, я вернулась только на следующее утро, когда здесь уже были полиция и пресса и Мэгги обвинили в том, чего она не делала и никогда бы не сделала.

«Похоже, она довольна собой, — размышляла Норма. — Имеет право. Ее звездный час. Пятнадцать минут славы».

— До того как уйти, заметили ли вы что-нибудь необычное? Что-то такое, что могло бы помочь Мэгги. Говорите все, что только придет в голову.

Миссис Лей пожала плечами:

— День был самый обычный, как и все другие. Нет, ничего необычного я не заметила. Не помню. Да ведь я уже все рассказала полиции.

— Они не ссорились? Не ругались? Ничего такого?

— Да они, по-моему, и не видели друг друга. Мистер Шеппард почти весь день провел в Нью-Йорке. Ездил туда по делам. Нет, я не слышала, чтобы они ругались.

— Расскажите, что они делали. Все, что вспомните, миссис Лей.

— Ну, Мэгги сидела у себя в кабинете. Наверное, сочиняла песни. Несколько раз выходила, разговаривала с детьми. Они с Алли любят играть.

— А мистер Шеппард?

— Он вернулся из города только вечером. Не знаю, когда именно. А уже потом, поздно вечером, я видела его возле клуба. Он шел к дому.

Норма потерла лоб.

— Так вы были в клубе, миссис Лей? А почему вы там были?

— У мистера Фрэзера там домик, на территории клуба. С той стороны, где парковочная стоянка, напротив главного здания.

— А вы не знаете, что делал там мистер Шеппард в ту ночь?

— Нет, мэм. Я только видела, как он прошел мимо.

— И во сколько это было?

— Около десяти. Может быть, чуть позже, в половине одиннадцатого. Примерно в это время.

— Вы недолго его видели?

— Совсем недолго, мэм. Нам ведь было не до него. Вы и сами понимаете.

— Да уж, конечно.

Что делал Уилл Шеппард в ту ночь в клубе? Мэгги, похоже, ничего об этом не знала.

— Но он же не ходил на вечеринку? Я имею в виду те вечеринки, которые устраиваются там иногда поздно ночью.

Миссис Лей бросила на Норму заговорщический взгляд.

— Так мистер Фрэзер вам рассказал, да? — почему-то шепотом спросила она. — Вы знаете, чем они там занимаются?

— Конечно, знаю. Кстати, вы, случайно, не заметили, как мистер Шеппард был одет?

— Нет, мэ. Было уже темно, да я и не присматривалась. Одно знаю точно: он нес из клуба свое ружье.

Норма напряглась. Вот это что-то новенькое!

— Ружье? Вы уверены?

— Они же тренируются иногда на стрельбище. Это там, за полем для гольфа. Мистер Шеппард часто туда ходил.

— Но только не в тот день, когда его убили.

Миссис Лей вздохнула:

— Я же вам говорила, он почти весь день провел в Нью-Йорке. И уехал совсем рано.

— Вы ведь сообщили обо всем полиции? — спросила на всякий случай Норма.

Миссис Лей кивнула:

— Да, все, что рассказала вам.

— И о том, что видели мистера Шеппарда с ружьем?

— Конечно.

Они допили кофе.

— Спасибо, миссис Лей. Вы мне очень помогли.

— Всегда рада. Посмотрите на мальчика. Он такой милый и так любит мамочку. Мы все хотим, чтобы она вернулась. Нам так ее не хватает, нашей Мэгги.

— Я тоже этого хочу. Извините, я могу воспользоваться телефоном?

— Конечно, в кабинете. Пойдемте, я покажу.

— Спасибо, думаю, что найду сама.

Норма поднялась и пошла к двери, едва удерживаясь, чтобы не побежать.

— Барри, я в доме Мэгги. Похоже, наткнулась на что-то. По крайней мере я на это надеюсь. Нет, я действительно думаю, что обнаружила нечто серьезное.

Норма закрыла за собой дверь, но все равно говорила шепотом.

— Слушаю, — сказал Барри.

— Помнишь про ружье? Про то, о котором рассказывала Мэгги. Так вот, миссис Лей видела, как Уилл нес его из клуба в ту самую ночь. Вообще к этому клубу надо бы присмотреться.

— С какой стати ему держать ружье в Озерном клубе?

— Этот же вопрос я задала себе в первую очередь, — возбужденно ответила Норма. — Именно потому он и ходил в клуб. Чтобы забрать его. Именно там он его держал после того как Мэгги велела убрать оружие из дома. Она говорила, что обыскала весь дом, но так и не нашла ничего. А не нашла, потому что оно хранилось в клубе.

Барри долго молчал, потом сказал:

— Но тогда зачем ему понадобилось забирать ружье? Хочешь сказать, он спланировал собственное убийство? Ты на это намекаешь? Получается, Уилл подставил Мэгги?

— Черт бы тебя побрал, Барри, — уныло пробормотала она, — я пока не знаю. Это-то меня и угнетает. Не знаю, что и придумать. Что-то здесь не так, потому что иначе получается полная бессмыслица. Но я скажу тебе, что мне известно наверняка, — заговорила Норма после паузы. — Бедфордская полиция знала, что Уилл принес ружье из клуба. Они знали, но держали это при себе. Кто-то мутит воду, и я собираюсь выяснить, кто и почему.

— Взять их, Норма!

— Гррр!

Дженни вошла в комнату для свиданий, и я, едва увидев дочь, расплакалась. Я не собиралась. Не могла себе это позволить. Я должна была оставаться сильной ради себя и ради нее, ради нас всех. Мне нужно было выслушать Дженни.

И вот я сидела и не могла отвести от нее глаза. Я всегда любила ее и заботилась о ней куда больше, чем о себе. Знакомые говорили, что мы очень похожи, что у нас много общего, но я видела только то, что у дочери почти нет моих недостатков и слабостей. Дженни тоже высокая, в меня, и уже вымахала почти до пяти футов девяти дюймов. И волосы у нее такие же светлые и длинные. И глаза мои.

Я люблю ее, думала я, глядя, как Дженни садится по другую сторону стола, этого ненавистного, разделяющего нас стола. Мне так хотелось обнять ее. Никогда мне не хотелось этого сильнее, чем в тот момент.

Неожиданно она улыбнулась. Такая она, моя Дженни.

— У меня для тебя послание от Нормы. Говорит, раздобыла доказательства того, что мать Тереза — полная чушь.

Я рассмеялась — Норма умела поднять настроение.

— Она пытается помочь тебе, мама.

Дженни подалась вперед, и в ее голосе зазвучали взрослые нотки.

— Знаю, Дженни, знаю. Как ты?

Дженни закатила глаза.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но у меня все хорошо. Не скажу, что отлично, но я в порядке. — Она послала мне два воздушных поцелуя. — Это от Алли. Вообще-то он посылает их тебе целую сотню.

— Еще помнит меня?

— Мы показываем ему твои концерты на видео, так что он не забывает. Читаем ему твои письма, показываем фотографии. Но я здесь не затем. Мам, нам действительно надо поговорить.

— Понимаю. И я уважаю твои желания.

— Хорошо. Для начала. А теперь давай сделаем так. Ты задавай мне вопросы, потому что, как мне кажется, у тебя в голове завелись некоторые мысли, но я не уверена, какие именно. Так что воспользуемся методом Сократа.

Я улыбнулась.

— Об оценках даже спрашивать боюсь.

— Самые лучшие в классе. Попала в колею. Теперь только не сворачивай.

Да, не сворачивай. Это-то и было самое трудное. У меня действительно «завелись некоторые мысли». Но была ли я готова говорить на эту тему? Иногда казалось, что мне никогда не хватит смелости.

— Предлагаю начать с вечера... со смерти Уилла, — сказала я.

— Удачный выбор — начинать с конца.

— Я видела Уилла в твоей комнате. Что он делал там, Дженни?

— Зашел пожелать мне спокойной ночи.

Она произнесла это так невинно, что я невольно поморщилась.

— Пожелать спокойной ночи? И все? Дженни, ты не должна лгать мне. Ни чтобы защитить Уилла, ни чтобы пощадить мои чувства. Договорились?

— Конечно. Таковы правила игры. Мы же договорились. Так что давай играть.

— Ты рассказываешь мне правду, я делаю то же самое, хорошо? Все, что захочешь узнать,

узнаешь. О смерти Уилла.

Дженни смотрела мне в глаза.

— У меня есть несколько вопросов.

— Сначала я, потом ты, ладно?

Она кивнула:

— Ладно. Начинай.

Я все еще не знала, с чего начать, а потому выбрала самый очевидный вопрос.

— Уилл часто приходил к тебе пожелать спокойной ночи?

— Иногда. Обычно он приносил мне теплое молоко. Говорил, что тетя в Англии всегда приносила ему молоко, когда он там жил.

Упоминание о тете насторожило меня, хотя Дженни и не могла догадаться о причине. Я глубоко вздохнула. Смогу ли я продолжать? Тюрьма — совсем не то место, где я предпочла бы разговаривать с дочерью на эту тему.

Она погладила меня по руке.

— Может быть, позволишь мне? Я же вижу, как тебе трудно.

— Если думаешь, что сможешь, — прошептала я.

У меня даже голоса не осталось. Внутри было пусто, как будто оттуда выскребли все чувства. Странное, неприятное ощущение.

— Уилл был очень сложным человеком. Ты и сама это знаешь. Думаю, какая-то часть его действительно хотела быть хорошим отцом. Иногда он приходил ко мне, и мы подолгу разговаривали. Просто разговаривали. Мне кажется, он хотел доказать — себе, — что может вот так просто приходить и просто разговаривать. Много рассказывал о том, как рос. И умел слушать. Иногда.

— Да, это он умел.

Я помнила.

— Я его ужасно обожала. Он казался таким красивым, как бог, как Ральф Файнз или Мел Гибсон. И я много о нем думала. Я постоянно о нем думала.

— Но... ничего ведь не случилось?

— Знаю, он сказал, что случилось, что мы с ним... Я же там была, мам, я все слышала. Но нет, ничего не случилось. Ты не должна защищать меня. Пожалуйста, поверь, ничего не было.

Я положила руки ей на плечи. Мне так хотелось быть ближе к ней, но это было самое лучшее, что мы могли сделать в том страшном месте.

— Мама, разреши мне быть твоим свидетелем, Пожалуйста, пожалуйста, позволь мне сделать это для тебя! Я должна помочь тебе. Хотя бы в этот раз. Думаю, что смогу. Между мной и Уиллом ничего не было. Ты не должна защищать меня.

В Озерный клуб Норма Брин прибыла не в самом лучшем своем настроении, что не сулило окружающим ничего хорошего. Эти пропавшие кусочки чертовой головоломки! Они где-то здесь, снова и снова повторяла она, как будто от частого повторения заклинания что-то могло измениться.

В клуб Норма приехала специально для того, чтобы встретиться с Джей Си Фрэзером. Объектом ее профессионального внимания стал крепкий, подтянутый, мускулистый мужчина с обветренным лицом, лет около пятидесяти.

«Красавчик, что и говорить, — подумала Норма, усаживаясь рядом с садовником на крылечке главного здания Озерного клуба. — Теперь посмотрим, какой ты разговорчивый».

Для начала она попросила Фрэзера подтвердить то, что уже знала: в клубе устраивались вечеринки для избранных, и Уилл Шеппард участвовал в них несколько раз в качестве приглашенного гостя.

Затем Норма перешла к тому, за чем, собственно, и пришла.

— У вас ведь должен быть список участников, не так ли? Я имею в виду ребят-полуночников.

Садовник пожал своими широкими плечами:

— Если он и существует, я его никогда не видел. Да и сомневаюсь, что таковой имеется.

— Тогда просто назовите мне несколько имен. Тех, кого вы сами видели. Тех, кто оставался после официального закрытия клуба. Ну же, Джей Си.

Фрэзер покачал головой:

— Не могу. Я же вам говорил, если кто-то узнает, меня уволят. Я-то и знать ничего не должен.

— Но о мистере Шеппарде вы же мне рассказали.

— Потому что пытаюсь помочь. Просто я не могу помочь так, как вам хочется.

— Черт побери, я же расследую дело об убийстве. То, что вы знаете, может спасти жизнь миссис Брэдфорд!

Джей Си неуклюже заерзал на стуле.

— Я все понимаю. Поэтому и разговариваю с вами. Только не заставляйте меня называть имена. Я не могу этого сделать.

Норма обожгла его гневным взглядом, но даже этот испытанный прием не дал нужного результата.

— Тогда по крайней мере покажите мне, где они веселятся. Дайте мне самой туда заглянуть.

— О, мисс Брин, если я только...

— Если вы мне не поможете, я вызову вас в суд повесткой, и тогда вы будете давать показания под присягой и на виду всего зала. — Грррр, вот тебе!

Он моргнул и сдался:

— Пойдемте. Но только, если кто-то вас увидит, я скажу, что вы проникли сюда без моего ведома.

— Вот и договорились, — улыбнулась Норма. — Ведите.

Вместе они прошли по петляющей дорожке к дальней стороне здания. Внушительная деревянная дверь выглядела так, как будто ею пользовался только обслуживающий персонал. Фрэзер достал ключ.

— Вот оно как, а? — ухмыльнулась Норма.

С этой стороны клуба было темно и холодно. Как и в душах тех мерзких ублюдков, которые являлись сюда потешить себя запретными играми.

То, что она обнаружила внутри, практически ничем не отличалось от уже увиденного в другой части здания. Джей Си провел гостью через пустую, притихшую бильярдную, в воздухе которой словно висела бледно-молочная дымка.

За бильярдной находился на удивление элегантный бар, отделанный панелями красного дерева. Норма сразу поняла — здесь. Вот он, клуб в клубе. Игровая комната для богатых мальчиков.

— Значит, собираются они здесь, верно? Здесь у них происходят секс-пирушки?

— Да, мэм, — пробормотал Джей Си.

Судя по выражению лица, находиться в этом месте ему было неприятно.

Картина «клуба для избранных» уже стояла у Нормы перед глазами. Дорогие костюмы, лучшее виски, уверенные позы, надменные взгляды, молоденькие проститутки. Норма ничего не знала наверняка, но чувствовала, что именно эта комната может стать поворотным пунктом в деле защиты Мэгги Брэдфорд. Она допускала даже возможность того, что именно кто-то из членов клуба убил Уилла Шеппарда.

Может быть, Шеппард трахнул чью-то жену?

Или попытался сжульничать в бизнесе?

Сделал что-то такое, за что его пристрелили?

Вполне вероятно. Уилл Шеппард был из тех людей, которые легко обзаводились врагами.

— Плесните себе чего-нибудь, Джей Си, — предложила она, — а потом найдите место, куда можно опустить задницу. Нам придется поговорить. И мы поговорим.

Он покачал головой:

— Не могу.

Норма повернулась и ткнула указательным пальцем в широкую, твердую как камень грудь.

— Слушайте меня, и слушайте внимательно. Мэгги Брэдфорд грозит пожизненное, но не потому, что вы утаили правду. Сейчас мы поговорим, и вы ответите на мои вопросы, а если заупрямитесь, то, поверьте, наверняка вылетите с работы и потеряете еще много чего вдобавок. Это я вам обещаю.

Джей Си прошел к бару и налил «Мейкерз Марк».

— Хороший выбор, — одобрила Норма. — Повторите и обо мне не забудьте. А потом расскажете, кто именно входил в это общество избранных. Мне нужны имена. Все, какие вы только знаете.

Джей Си Фрэзер разлил виски по стаканам, и они вместе сели к стойке. Потом садовник заговорил. Он даже пустил слезу.

Когда Фрэзер закончил, Норма еще несколько секунд молчала, переваривая услышанное. Невероятно! Немыслимо!

Все перевернулось.

«Боже, — думала Норма, — мир слетел с тормозов. Ну, паршивцы, держитесь. Я вас достану».

Какая она взрослая, какая собранная, почти женщина, думала я, глядя на Дженни, которая только что вышла для дачи показаний в качестве свидетеля защиты. Лицо ее как будто светилось, длинные волосы блестели. Моя дочь выглядела уверенной в себе и серьезной. Если бы я могла чувствовать себя так же.

Натан обращался с ней с величайшей осторожностью, задавая уже отрепетированные вопросы, и Дженни рассказала, как Уилл пришел к ней в ту роковую ночь. Как он ухмыльнулся, когда я вошла.

— "Мы с Дженни как раз собирались немного повеселиться. Присоединишься?" Именно это он сказал маме. Я не знаю, почему он так сказал, но сказал.

Жюри слушало ее внимательно, и не поверить словам Дженни было невозможно.

Стоило дочери повторить слова Уилла, как я снова почувствовала в себе ту парализующую ярость, что охватила меня и тогда.

Я рада, что он мертв. Это ужасно, но я рада.

Натан управился с ней менее чем за сорок минут. Так мы договорились, и он четко придерживался соглашения, которое скрепил своей кровью. Закончив, адвокат вернулся на свое место рядом со мной и взял меня за руку.

— Спасибо, Натан, — прошептала я. — Спасибо за ваше терпение.

— Спасибо за то, что доверились мне, — прошептал он в ответ.

Липа членов жюри оставались бесстрастными, но я видела, что по крайней мере на женщин выступление Дженни произвело сильное впечатление.

Я не убила его, защищая себя. Я убила, защищая свою дочь. Теперь они знали. Дженни сделала то, что намеревалась сделать.

К несчастью, за хорошим слишком часто следует плохое. Дэн Нижински медленно приблизился к столу, за которым сидела свидетельница. Он словно кит-убийца, мелькнуло у меня в голове, собирающийся проглотить миногу. Ему это нужно для славы. Для него это все: мгновение славы и статус знаменитости.

— Мисс Брэдфорд... Дженни, — мягким, почти извиняющимся тоном начал он.

— Пожалуйста, обращайтесь ко мне по имени. — Она твердо посмотрела ему в глаза. — Мы с вами не знакомы, мистер Нижински.

Прокурор вздохнул. Очко в пользу Дженни.

— У вас ведь есть подруга по имени Милли Стил, не так ли? — спросил он после едва заметной паузы.

Сбить такого человека было не так-то просто — он твердо вел свою игру.

Дженни удивленно вскинула брови:

— Да, есть.

— Она ваша лучшая подруга, верно? — продолжал прокурор.

Мне совсем не нравился его мягкий тон.

Дженни немного подумала, потом кивнула. Я почти видела, как напряженно работает ее мозг, пытаясь определить, куда ведут его вопросы.

— На вопросы нужно отвечать вербально, мисс Брэдфорд, — подал голос судья Сассман. — Является ли Милли Стил вашей лучшей подругой?

Натан Бейлфорд медленно поднялся из-за стола.

— Возражаю, ваша честь. Не вижу, какое отношение имеет Милли Стил к рассматриваемому делу. Хочу напомнить всем, что мисс Брэдфорд всего лишь пятнадцать лет. И

сам суд, и особенно необходимость давать показания являются для нее тяжелым испытанием, которое необходимо по мере возможности сократить.

— Ваша честь, — тотчас отозвался Нижински, — присяжные скоро убедятся, с какой целью я задаю эти вопросы. Уверяю вас, это в интересах установления истины.

— Продолжайте, — сказал судья Сассман. — Но будьте осторожны, а я не дам вам уклониться.

Прокурор наклонился к Дженни, и я вздрогнула. Мне это совсем не нравилось. И я видела, что Дженни не нравится тоже.

— Вы о многом разговариваете с Милли Стил? В школе? Иногда после занятий?

— Да, сэр. И перед занятиями тоже, — ответила Дженни и улыбнулась.

Заулыбались и присяжные.

Я видела, что она так и не поняла, к чему он клонит. «Осторожнее!» — хотелось крикнуть мне.

— Вы бы не стали обманывать свою лучшую подругу? Скажите, вы когда-нибудь лгали ей? Попробуйте вспомнить.

— Нет. Мы с Милли никогда не обманываем друг друга.

— Тогда послушайте это, Дженни. Тринадцатого октября ваша лучшая подруга Милли Стил сделала следующее заявление в полицейском участке Бедфорда... — Он открыл большой черный блокнот. — «Дженни была влюблена в своего отчима. Она много раз говорила мне об этом. Говорила, что хочет переспать с ним и попробует его соблазнить». — Нижински неторопливо закрыл блокнот. — Вы говорили Милли Стил, что влюблены в Уилла Шеппарда?

«Боже, что он делает с ней? — с тревогой подумала я. — Да, она увлеклась Уиллом, но это же совсем другое».

— Да, но...

Дженни попыталась ответить на нелегкий вопрос.

— Пожалуйста, отвечайте только «да» или «нет». Вы были влюблены в вашего отчима?

Он же мучает ее! Его необходимо остановить!

— Натан... — прошептала я.

— Подождите, Мэгги. Послушайте.

— Я была увлечена им. Да, сэр.

— Вы пытались соблазнить его?

— В общем-то нет.

— Это не ответ на мой вопрос, мисс Брэдфорд. Да или нет. Вы пытались соблазнить Уилла Шеппарда?

— Да. Наверное, это можно назвать и так.

— Вы были с ним в постели?

— Нет! Почему вы задаете такие вопросы? Вы плохой человек! Нет! Нет!

Нет! Слава Богу! А теперь отпустите ее.

— Тогда где же вы занимались с ним любовью? Милли Стил утверждает, что вы это делали!

— Мы не занимались любовью!

— Простите, но в это трудно поверить. Вы красивая девушка, Дженни. Уилл Шеппард был привлекательным мужчиной. Здесь, в суде, мы слышали много подтверждений этого. А вы пытаетесь заставить меня поверить в то, что даже тогда, когда вы предложили ему себя, он отказался! Его репутация утверждает обратное!

И тут Дженни не выдержала и расплакалась. Ее всхлипы были единственными звуками в замершем зале. Она снова превратилась в девочку.

— Натан, пожалуйста, — прошептала я.

Прокурор, однако, еще не закончил.

— Верно ли, что вы были любовниками на протяжении нескольких месяцев? В таком случае попытки защиты убедить жюри в том, что ваша мать убила его ради того, чтобы защитить вас, не выдерживают никакой критики. В таком случае она убила своего мужа по другой причине. Из мести!

— Я не предлагала ему себя! Он ни разу до меня не дотронулся! И никогда не делал ничего неприличного. А вот вы...

Нижински отступил на шаг и пристально посмотрел на мою дочь.

— Вы знаете, что такое лжесвидетельство?

Дженни кивнула.

— Пожалуйста, отвечайте «да» или «нет». Секретарь не может занести в протокол ваш кивок.

— Да, — еле слышно ответила она.

— Вы знаете, каково наказание за лжесвидетельство?

— Не уверена. Вы собираетесь отправить меня в тюрьму? Как мою маму? Это несправедливо.

— Наказание за лжесвидетельство — тюремное заключение, но ни о какой несправедливости не может быть и речи, мисс Брэдфорд. Ваша мать убила своего мужа, Уилла Шеппарда, потому что думала, что вы состоите с ним в любовной связи.

Натан уже поднялся:

— Возражение, ваша честь! Возражение!

— У меня больше нет вопросов, — сказал Нижински и отступил от Дженни.

Зал словно взорвался. Судье Сассману пришлось несколько минут стучать молотком, прежде чем публика успокоилась.

Дженни увели. Она плакала. Я протянула к ней руку, но не смогла дотронуться.

— Все в порядке, мама, — сказала моя дочь. — Никто не сделает нам ничего плохого. Больше нас никто не тронет.

Оставалось только надеяться, что так оно и будет.

Сидя в задней части зала и слушая заключительные слова судьи, Норма Брин неторопливо пережевывала антацидную конфетку с апельсиновым вкусом. То, что оказалось в ее распоряжении, было настоящей бомбой, и она с трудом удерживалась от того, чтобы не встать и не ошеломить публику сенсационным заявлением.

«Может, нам все-таки удастся развалить этот идиотский процесс, — раздумывала Норма, переводя взгляд с прокурора на обвиняемую. — Или, может быть, несмотря на все свидетельства и улики, Мэгги оправдают. Может, присяжные поймут, что ей пришлось убить, и отпустят, изыскав какую-нибудь техническую причину. Или по крайней мере дадут минимально возможный срок. А может, пока я здесь просиживаю задницу, Мел Гибсон позвонит и назначит мне свидание. Заранее никогда ничего не знаешь, верно?»

Она уже решила, что самое лучшее — дожждаться вынесения приговора. И, слушая опровержения, звучащие из уст Натана Бейлфорда, Норма пыталась разглядеть за ними хотя бы крохотную искорку надежды.

Господи, она ведь хорошая женщина. Пощадите ее. Так будет правильно. Как же, так тебя и послушали!

В своем выступлении Натан так интерпретировал факты, что у человека, впервые заглянувшего в зал судебных заседаний, могло сложиться впечатление, что жертва — Мэгги, а убийца — Уилл Шеппард.

Но как ни старался защитник, он не мог изменить того факта, что Уилл мертв, а Мэгги — жива. Не мог он дать ответ и на другой важнейший вопрос: если не Мэгги, то кто тогда убил Уилла?

Разумеется, прокурору не составляло большого труда доказать, что версия Натана не более чем дымовая завеса. Убийство есть убийство. Оно совершилось, и иначе, как убийством, совершившееся назвать невозможно. Убийство с одним-единственным мотивом: месть. А с учетом того, что Мэгги сама принесла оружие в комнату дочери, преступление квалифицируется как умышленное убийство. Следовательно, Мэгги Брэдфорд заслуживает максимального предусмотренного законом наказания: пожизненного заключения.

И все-таки, решила Норма, что-то в этом деле не так.

Что-то не оставляло ее в покое. Некое инстинктивное чувство, дававшее о себе знать с самого начала. Мэгги не убивала Уилла Шеппарда. Норма была в этом уверена. Тогда... Уилл совершил самоубийство? По словам самой Мэгги и даже Палмера Шеппарда, он давно угрожал сделать это. И самоубийство стало его последней, страшной мстью Мэгги.

Может быть, если бы Мэгги решилась дать показания, причина всплыла бы сама собой. Норма с неохотой согласилась с Натаном и Барри, что такая стратегия была бы ошибочной. Все, что могла сделать Мэгги, это подтвердить свои показания полиции — она не уверена в том, что произошло, она могла убить мужа, — но теперь было уже поздно.

Слишком поздно.

Натан Бейлфорд закончил выступление и устало опустился на стул.

Сорокашестидневная драма подошла к концу.

Догадаться о чем-либо по непроницаемым лицам присяжных было невозможно.

И все же Норма догадывалась, каким будет исход: Мэгги Брэдфорд признают виновной в убийстве.

И вот тогда, сказала она себе, начнется настоящий фейерверк.

— Никогда не сомневаться. У них не было никаких шансов. За победителей! За нас!

Дэн Нижински опустил на стул, от души приложился к кружке с пивом и улыбнулся трем своим ассистентам.

— За победителей! — хором отозвалась команда.

— Какой там рекорд всех времен по вынесению самого быстрого приговора по делам об убийстве?

— Не хочу подлизываться, Дэн, но вы проделали отличную работу, — сказала Мойра Левенштейн, самая молодая из помощников окружного прокурора. — Заставили присяжных отложить в сторону эмоции и трезво посмотреть на то, что случилось на самом деле, заставили их понять, что если они отпустят ее, то разрушат всю систему правосудия в этой стране.

— Ну, без вас я бы не справился, — не совсем искренне заметил Нижински, дав всем понять, что выиграл бы и без чьей-либо помощи.

— Что дальше, босс? — спросил Боб Стивене, ближайший помощник прокурора, наливая себе уже четвертую за час кружку.

Нижински усмехнулся. Он все еще играл — никак не мог переключиться.

— Сказать по правде, пока не решил. Конечно, успех в таком процессе не повредит, это надо признать.

— А в прокуратуре штата давно пора прибраться, — добавила Мойра.

Питер Айзенштадт, третий помощник прокурора и самый молчаливый из всех, бросил на нее предостерегающий взгляд. Точно, но только кто отправится вместе с шефом в Олбани, еще неизвестно.

— Придет время, и решу, — сказал Нижински. Они все знали, как высоко он метит. — А сейчас давайте веселиться. За победу!

— За победу, — эхом отозвались ассистенты и принялись поздравлять друг друга.

Зазвонил телефон.

Дэн Нижински сам снял трубку:

— Нижински.

— Кан, — сказал звонивший. — Барри Кан. — Что-то в его голосе остудило пыл окружного прокурора. — Мы с Нормой Брин идем прямо к вам. Она обнаружила кое-что, что может заинтересовать и вас.

Виновна.

Виновна.

Это слово звучало у меня в голове подобно монотонному звону колокола. Похоронному звону.

Виновна. В тюрьме я сойду с ума. Я уже наполовину сумасшедшая.

Норма и Барри пришли сразу после того, как меня перевезли назад в тюрьму. Они улыбались и секретничали. Не волнуйся, все будет в порядке. Они уже начали процедуру апелляции.

В порядке? Жизнь в тюрьме — это не в порядке. Уж можете мне поверить.

Я знаю, что такое апелляция. Знаю, что рассмотрение может затянуться на месяцы, а то и годы. И все равно шансы на пересмотр ничтожны, что бы там кто ни говорил. Мои шансы — ничтожны.

Но почему Норма была такая веселая? Почему Барри так настойчиво просил вспомнить до мелочей события той ночи, когда я застрелила Уилла? Мы же проходили все это десятки раз.

Ответ прост: они всего лишь хотят отвлечь меня от мрачных мыслей.

Виновна.

Алая буква "У" все еще горит на моей груди.

Наверное, я все же не ожидала, что все закончится именно так. Надеялась, что меня отпустят. Что ж, не случилось.

Виновна.

В ту ночь в камере я не могла уснуть до двух или даже трех часов. Я лежала с открытыми глазами, без особого успеха пытаюсь восстановить и удержать в памяти образы утерянной жизни. Алли. Дженни. Концерты. Выступления. В конце концов усталость взяла верх над разочарованием. Я уснула.

Снов не было. Я как будто провалилась в ничто. Падение длилось долго-долго. Как в бездонную пропасть.

Что-то заставило меня открыть глаза.

Возле камеры выстроились сразу человек десять полицейских чинов в серых мундирах. С самым начальником тюрьмы по фамилии Серра во главе.

Я бросила взгляд на часы.

Четверть седьмого утра.

Непонятно. Что им нужно?

Я моргнула, протерла глаза.

И Серра, и все прочие остались на месте.

Зачем они здесь? Что случилось?

Может быть, меня собираются перевести в другую тюрьму?

Или я еще не проснулась?

Такое могло случиться. Я уже не раз принимала реальность за видение, и наоборот.

Начальник тюрьмы Серра?

И все остальные?

— Не слишком ли рано? — спросила я наконец, с трудом привыкая к резкому свету из коридора.

— Пожалуйста, одевайтесь, миссис Брэдфорд, — вежливо сказал Морин Серра. — Нам позвонили из суда. Что-то случилось. Вас требует судья Сассман.

Пока три охранника вели меня по пустому коридору, я успела продрогнуть и тряслась от холода. Я не понимала, что происходит. Не понимало и тюремное начальство.

Что же случилось? Что?

Когда меня доставили в кабинет судьи, там было четыре человека. Судья Сассман сидел за большим дубовым столом. Справа от него — Натан Бейлфорд, угрюмый, но, как всегда, подтянутый и аккуратный.

Барри, расположившийся на кожаном диване слева от двери, подмигнул мне, но не улыбнулся.

И только Норма Брин, одетая в зеленую твидовую юбку и толстый коричневый свитер и сидевшая рядом с Барри, держалась вполне раскованно.

— Привет, Мэгги, — сказала она.

Все остальные промолчали.

— Привет, Норма. Здравствуйте... — прошептала я.

Все казалось нереальным, сюрреалистическим. Господи, что же происходит?

Сассман кивком указал на свободный стул рядом с ним. Я послушно села.

Сидя рядом с судьей, я видела те же, что и он, лица и словно перешла на сторону судьи, покинув место обвиняемой. Надо признаться, вил стал намного лучше.

Шелестели бумаги. Щелкали замки кейсов. Журчал кофе.

Все это — документы, кейсы, кофе из магазина — напомнило мне, что собравшиеся здесь живут иной жизнью, что они не такие, как я.

Со мной по-прежнему никто не разговаривал, даже Натан Бейлфорд. Они ждали еще кого-то. Дэна Нижински? Кого-то другого?

Мне отчаянно хотелось, чтобы кто-нибудь сказал, зачем меня привезли сюда, и чтобы я перестала дрожать. Мысли метались во все стороны.

— Миссис Брэдфорд, — заговорил наконец судья Сассман. — Мисс Норма Брин раздобыла весьма значительную информацию. Мы ждем прибытия окружного прокурора и... А вот и он! Дэн, добро пожаловать.

Нижински вошел в комнату, словно матадор на арену — развернув плечи, с прямой спиной и суровым выражением лица, показывая, что ему никто не страшен. Мне вспомнился отзыв о нем Нормы — «придурак первостатейный».

Уперев взгляд в Натана Бейлфорда, он сразу объявил:

— Что за спешка? Если вы надеетесь опротестовать приговор из-за какой-то технической ошибки...

— Это вряд ли можно квалифицировать как техническую ошибку, — оборвал прокурора Сассман. — Расскажите ему вашу историю, мисс Брин. Дэн, присядьте, пожалуйста. Думаю, стул вам сейчас понадобится.

Норма медленно поднялась и посмотрела сначала на меня, потом на Нижински, который перестал расхаживать и настороженно наблюдал за ней, значительно утратив недавнюю самоуверенность.

Голос Нормы прозвучал на удивление твердо, как у человека, сознающего, что пришел его час.

— Во время суда, если помнишь, Мэгги, по требованию прокурора показания давал Питер О'Мэлли. От него мы узнали о неких «закрытых вечеринках» в Озерном клубе, куда — в клуб, а не на вечеринки, — полагаю, иногда приглашали и тебя.

Я кивнула, хотя все еще не понимала, к чему она клонит.

— Да, такое случалось. Можно сказать, что на одном из обедов я и познакомилась с Уиллом. Стать членом клуба я бы не смогла, даже если бы захотела, потому что женщины туда не допускались.

— Извините, — нетерпеливо вмешался Нижински, — но какое это имеет отношение к суду над миссис Брэдфорд? Она застрелила своего мужа. Так решило жюри присяжных. Дело закрыто, мисс Брин.

— Не беспокойтесь, то, что я расскажу дальше, имеет к суду самое непосредственное отношение. Новые свидетельства — кто посещал эти сборища жеребцов, кто был «гостями» — дают основание предположить, что очень многие люди могли иметь веский мотив против Уилла Шеппарда. Мы можем доказать, что Уилл Шеппард вел себя неосторожно и не стеснялся рассказывать о своих забавах в этом клубе. По всей вероятности, имело место сокрытие улики и мотивов, и выгораживание определенных влиятельных лиц, которые могли убить Шеппарда.

— Вам следовало предъявить эти доказательства во время суда. Теперь уже поздно, — с прежней самоуверенностью возразил прокурор. — Вердикт вынесен.

Я видела, как все напряжены. У меня пересохло в горле. И только Норма оставалась спокойной. Теперь она сама предстала в роли обвинителя и явно не намеревалась никого щадить.

— На мой взгляд — добавлю также, что его разделяет и генеральный прокурор штата Нью-Йорк, — Мэгги Брэдфорд могла стать жертвой тщательно разработанного и хитроумно исполненного заговора. Заговора, организованного, возможно, самим начальником бедфордской полиции.

— Протестую! — закричал Дэн Нижински.

— Пусть закончит, — сказал судья Сассман.

Происходящее, похоже, доставляло ему не меньшее удовольствие, чем самой Норме.

— Влиятельные люди, крупные промышленники, банкиры, владельцы средств массовой информации были защищены от полицейского расследования. Возможно, от преследования по уголовным обвинениям.

Норма бросила взгляд на окружного прокурора.

— Вы что-то плохо выглядите, мистер Нижински. Держитесь, дальше будет еще хуже. Намного хуже.

Она играла первую роль. Она стала звездой. Никакая аудитория не слушала бы ее с таким же напряженным вниманием.

— Но в одном вы правы, мистер Нижински. Все это следовало бы представить вниманию суда. И все это было бы представлено, если бы не одно важное обстоятельство: адвокат Мэгги Брэдфорд, человек, защищавший ее в суде, тот, кто прекрасно знал то, о чем я сейчас говорю, тот, кто должен был действовать в интересах миссис Брэдфорд, был заинтересован в сокрытии определенных фактов. Потому что этот человек сам член того тайного клуба.

Норма выдержала эффектную паузу.

— Этот человек — Натан Бейлфорд!

Мне хватило одного взгляда на искаженное, пепельно-бледное лицо Натана, чтобы понять — Норма права. Других доказательств вины не требовалось. Мой адвокат, мой друг, вскочил на ноги. Гнев душил его, слова путались, но за словами я видела ложь, в глазах — униженность и признание предательства.

— Судья Сассман! Это самая наглая, самая непристойная ложь, которую я когда-либо слышал! Бред! Фантазии наркоманки! Не могу поверить, что вы все это слушаете!

— Нет, не ложь! — Норма повернулась к нему. — У меня есть свидетели. Садовник Озерного клуба и два швейцара. У меня есть также письменное признание одного из тех, кто участвовал в ночных увеселениях. Одного из ваших приятелей.

Она наставила на него указательный палец, и Натан отшатнулся, как будто из пальца могла вылететь пуля.

— Пусть Бог, нет, пусть Мэгги Брэдфорд и ее бедные дети простят вас. Я же — ни черта! Вы опозорили себя и свою и так уже бесчестную профессию. Вы едва не помогли обвинить в убийстве невинную женщину. Боже, Натан. Надеюсь, вас засадят лет на сто. Вы сделаете это, судья Сассман?

Я сидела совершенно неподвижно, вцепившись в подлокотники кресла. Щеки горели, волны головокружения то накатывали, то уходили.

«Держись, — повторяла я про себя. — Успокойся. Все происходит наяву. Это не сон. Ты не в камере. Ты здесь. Это реально».

Я не успела опомниться, как оказалась в объятиях Барри и Нормы. Меня жутко трясло. Мы все плакали. Норма, похоже, прочитала мои мысли.

— Это не сон, Мэгги. Мы бы рассказали тебе еще раньше, но допоздна засиделись у генерального прокурора штата.

Мы обнялись. Никогда в жизни я не испытывала такого облегчения, как в то утро. Я была вялой, апатичной, но все же понимала, что случилось.

— Очевидно, мне придется объявить, что в судебном разбирательстве допущены нарушения закона, — сказал, обращаясь к Нижински, Сассман, — но вы можете повторить попытку. Факт остается фактом: Уилл Шеппард убит, а миссис Брэдфорд призналась, что стреляла в него. Мы обязаны предоставить ей время, чтобы нанять нового адвоката и подготовиться к процессу. Возможно, она даже пожелает изменить линию защиты. Итак, что собираетесь делать?

Несколько секунд прокурор молчал, как будто лишился дара речи, потом все же пробормотал:

— Да, надо признать... это шок. Пока еще не знаю, какое решение я приму. Мне тоже необходимо время, ваша честь... чтобы перегруппироваться.

— Когда будете готовы, позвоните мне, — сказал Сассман.

— Я не юрист, — заговорил Барри, — поэтому не знаю всех процедур, но вам не кажется, что миссис Брэдфорд может вернуться домой?

Судья повернулся и посмотрел на меня.

— Освобождена под залог, — объявил он.

Как говорит Берра Йоги, и снова дежа-вю. Но так уж заведено. Такова наша система правосудия во всей ее славе.

Прошли месяцы. Вот-вот должен был начаться второй суд, и я надеялась, что он, может быть, окажется не таким тяжелым и нервным, как первый. Государство по-прежнему считало меня виновной в убийстве и настаивало на повторном процессе, и мнение государства разделяли многие люди.

Я продолжала носить алую букву "У". Иногда мне казалось, что как будто невидимый резец срезал с моей жизни огромные куски. Конечно, было больно.

Мы приехали все вместе — Дженни, Барри, Норма и я. Барри и Норма — самая странная пара из всех, которые мне доводилось видеть. Но смотреть на них было одно удовольствие. Интересно, что они никогда не ворчали друг на друга.

Оказавшись в зале заседаний, я уверенно прошла к знакомому столу. Моим новым адвокатом был Джейсон Уэйд из Бостона. Специалист с богатым опытом, строгий и педантичный, он мне очень нравился. Самое главное — он не был Натаном Бейлфордом, который теперь переместился и, похоже, уверенно обосновался в моих кошмарах.

Такие вот странные происходят в жизни вещи.

— Мэгги выглядит просто прекрасно!

Это сказал кто-то из зрителей. Мэгги! Как будто мы с ним друзья детства.

— Он прав. Ты выглядишь классно, — прошептала мне на ухо Дженни.

С ней у нас все было как в старые времена, только еще лучше. Редко с кем можно просидеть ночь напролет за разговорами — мы с Дженни просиживали. Последний раз — перед судом. Даже Алли задержался с нами после десяти. Семья в полном сборе.

На сей раз процесс шел одиннадцать недель. Вот на что тратятся деньги налогоплательщиков! Те же самые люди дали примерно те же показания, но теперь перекрестные допросы проходили в иной плоскости и имели другую направленность.

Стояло лето, и в зале было невыносимо душно, однако я не имела ничего против жары, как и против бесконечной повторяемости вопросов, неизменного шума и постоянно ощущаемого присутствия прессы.

Я хотела, чтобы меня признали невиновной. Но еще больше я хотела выйти из этого чистилища, в котором прожила так долго.

Я не была виновной. К тому времени у меня уже не осталось никаких сомнений.

Я невиновна.

И я отдала бы все на свете за то, чтобы просто услышать эти слова, произнесенные однажды и навсегда.

Зал был набит битком, и мне пришлось податься вперед, чтобы услышать, что говорит судья. В какой-то момент я вдруг почувствовала, что не могу больше дышать. Как будто комок из сухой тряпки перекрыл горло. Клаустрофобия снова напомнила о себе.

Лица присутствующих стали туманиться, расплываться. Кровь стучала в висках маленькими молоточками. Шея стала мокрой от пота.

Двенадцать членов жюри присяжных медленно занимали свои места.

Снова.

Они вынесли приговор.

Снова.

Я хотела перевести дыхание и не смогла.

Судье Сассману подали сложенный листок. Он прочитал вердикт и передал бумажку старшине присяжных. Я понимала, что такова процедура, что так, наверное, надо, но, Боже, какая же жестокость!

— Огласите приговор, — приказал судья.

— Мы любим тебя, мамочка, — прошептала сидевшая позади меня Дженни.

Норма положила руку мне на плечо. Барри погладил по волосам. Мои друзья, моя семья... Я не могла снова оставить их, но такая возможность просматривалась довольно отчетливо. В последнем номере «Ю-Эс-Эй тудэй» мои шансы на оправдание и осуждение расценивались примерно поровну. В Лас-Вегасе и Лондоне люди действительно делали на меня ставки.

Рот словно наполнился ватой. Тело онемело. Я сидела в зале и при этом совсем не чувствовала, что нахожусь там.

Старшина присяжных начал говорить. Голос у него был высокий и доносился как будто издалека, словно между ним и залом стоял невидимый экран.

— Мы находим подсудимую Мэгги Брэдфорд невиновной.

Невиновной.

Я — невиновна.

Я закрыла глаза. Усталость и слабость обрушились на меня, а вот облегчения, полного облегчения, почему-то не наступило. До меня доносились приветственные крики. Меня поздравляли — Джейсон Уэйд, Барри, Норма, Дженни. Их лица висели передо мной как большие воздушные шары. Голоса, как и зрительные образы, тоже расплывались, дрожали. Все казалось невероятно странным и нереальным.

— О, Мэгги! Ты победила!

Что произошло?

Окруженную плотным коконом друзей и адвокатов, меня провели по шумным, заполненным людьми коридорам. Со всех сторон наседали репортеры и поклонники. Мне в лицо совали микрофоны, меня забрасывали вопросами, у меня просили автограф.

После всего?

Пусть ими занимается Джейсон Уэйд. Мой адвокат вполне может ответить на все вопросы. Даже расписаться за меня.

Меня буквально пронесли через похожее на пещеру фойе, торопливо спустили по лестнице и затолкнули в стоящую наготове машину. Не лимузин, а самый обычный автомобиль. Я сама настояла на этом.

Совсем рядом прозвучал выстрел. Я вздрогнула. Боль пронзила сердце. Это захлопнулась дверца.

Машина медленно тронулась с места, прокладывая путь через плотную толпу людей, собравшихся на улице, чтобы взглянуть на меня, победившую или проигравшую. За нами потянулся полицейский кортеж с включенными сиренами. Прыгающие огни мигалок отбрасывали тени на лица любопытных.

Я вспомнила, как ехала в машине военной полиции в Вест-Пойнте. На ней тоже была мигалка, а вот зрителей не было. И тогда меня трясло от холода. Я вспомнила много всяких сцен, и все они вели к этому моменту.

Огромные толпы запередили Бродвей и Кларк-стрит. Люди аплодировали и выкрикивали приветствия. Глядя в окно, я слышала свое имя, но не понимала, какое отношение все это имеет ко мне.

Дженни и Алли, тесно прижавшись, сидели по обе стороны от меня. Они удержали меня. Они меня вернули. Мы снова были вместе. Одна семья. Одно целое.

— Я так люблю тебя, мамочка, — прошептала Дженни и поцеловала меня в щеку. — Ты — моя героиня в сияющих доспехах.

— А ты моя, — сказала я.

— Мамочка, — пробормотал Алли, держась за мою одежду. — Моя мамочка.

— Алли. — Я поцеловала его в макушку. — Мой Алли. И моя Дженни.

МЭГГИ! МЭГГИ БРЭДФОРД! скандировала толпа безмозглых идиотов при виде ее машины.

Убийца тоже аплодировал и кричал, притворяясь, что радуется вместе со всеми. Его скрывали люди, собравшиеся на перекрестке Бедфорд-Виллидж. Скрывали надежно.

Автомобиль Мэгги прокатил мимо и, провожаемый взглядом убийцы, свернул за угол.

Потом исчез и убийца.

Пятая авеню. Пасхальные праздники. Нью-Йорк. Восхитительно! Где еще быть в такое время, как не здесь, верно?

Самые красивые в мире женщины — как на параде. Прихорошившиеся, важно ступающие по тротуару, выставляющие на продажу свои маленькие сердечки.

«И всех их, всех и каждую, можно запросто трахнуть, — думал Уилл. — Любая может быть моей. Стоит только попросить. Есть вещи, которые никогда не меняются. Только становятся лучше и лучше».

Он шел между ними, никуда особенно не торопясь, потому что никуда не опаздывал. На нем были слаксы цвета хаки и синий блейзер. Черные волосы коротко пострижены и тщательно расчесаны.

«Черная Стрела», — подумал Уилл и едва заметно улыбнулся.

Некоторые из красоток посматривали на него с нескрываемым интересом. А почему бы и нет? Его внешность не так уж и пострадала. Может быть, даже выиграла. Темный и загадочный. Именно такими многие женщины видят в фантазиях своих любовников.

На Пятьдесят девятой улице Уилл свернул на восток, к парку, потом на север, на Шестьдесят вторую, где и исчез в желтовато-коричневом здании на углу. В расположенном в фойе газетном киоске он купил мятных конфет и посмотрел на себя в зеркало.

Аккуратная черная борода, голубые глаза (контактные линзы — это действительно удачный ход), отличный галстук из лондонского магазина «Либерти», модный блейзер. Как раз то, что требуется для назначенной важной встречи.

Поднявшись на лифте на двенадцатый этаж, Уилл без труда нашел офис, который искал — «Маршалл и Маршалл. Юридическое бюро».

Он открыл темную дубовую дверь и оказался в комнате, целую стену которой занимали окна с видом на запруженную пешеходами улицу. Впечатляюще и с перебором. По-американски.

Секретарь — судя по виду, ее предками были ирландцы: улыбчивая, с рыжеватокаштановыми волосами, алебастровой кожей, в самом расцвете лет (двадцать с небольшим) девушка — встретила гостя доброжелательным взглядом. Первый класс, дорогая. Как и нанявшая ее фирма. Приятный штрих, отметил Уилл.

Он небрежно положил на ее стол кожаную папку.

— Добрый день, сэр. Чем могу вам помочь?

Теперь Уилл заметил, что она более чем мила. Не выразила неудовольствия, когда он вторгся в ее пространство. Впрочем, хорошие ирландцы умеют не подавать виду.

Уилл обаятельно улыбнулся. Чары остались при нем.

— Я к мистеру Артуру Маршаллу. По поводу наследства. Полагаю, он меня ждет.

— Да, сэр. — Девушка старалась не засматриваться на стоящего перед ней очень симпатичного англичанина. — Как вас представить?

— Палмер Шеппард, — сказал Уилл.

Я оглядела теплую, такую знакомую гостиную, и губы сами расплылись в улыбке. Мне хотелось смеяться, хохотать от радости и счастья.

Вот оно, самое лучшее. Вот оно, самое важное. Праздник!

Друзья Алли, десятка полтора девочек и мальчиков из детского сада, пришли к нам в дом на его пятый день рождения. Никто не отказался, и это много значило для меня и, конечно, еще больше для Алли.

Праздник в строго старомодном духе, тщательно спланированный Дженни и мной. Игры и призы, праздничный торт для виновника торжества, подарки для каждого гостя и куча подарков для Алли, чудо-мальчика.

Все прошло чудесно. Нам помогали Норма и Барри. Тонны смеха и веселья, одна маленькая коллизия и ни единой пролитой слезы.

Наконец Алли подошел ко мне. Подошел и поманил жестом.

Я опустила на колени, и мы оказались лицом к лицу. Как всегда, Алли зарылся в мои волосы.

— Знаешь что? — спросил он, и в его глазах запрыгали огоньки. — Ну, знаешь?

— Что? Скажи мне. Торт оказался слишком велик, и ты не смог съесть его один? Хорошо, подели с друзьями.

Алл и рассмеялся. Ему нравились все мои шутки. А мне — его.

— Нет, я только хотел сказать тебе что-то важное, мамочка. Знаешь, что самое лучшее? То, что ты здесь.

Это был самый лучший праздник, самый счастливый момент в моей жизни, и я вдруг расплакалась. Мне стало так хорошо! Нет ничего лучше, чем быть на празднике сына.

— Так и знала, что кто-то расплачется, — сказала я ему.

Он обнял меня и поцеловал, чтобы я не плакала.

Но мне уже стало лучше.

Заметив мое хорошее настроение на празднике, хитрец Барри воспользовался моментом, чтобы попытаться заманить меня в город и в свою студию. Я преподнесла ему сюрприз — согласившись. Наверное, потому что была готова уступить соблазну.

Приехав в Нью-Йорк, я застала Барри в приподнятом, возбужденном состоянии, которое обычно означало, что он либо написал очень хорошую песню, либо удачно завершил деловую операцию.

— Ты меня пугаешь. Уж больно счастлив, — смеясь сказала я. Все было хорошо, я чувствовала себя свободной, хотела веселиться и радоваться.

— У меня есть план, — сообщил Барри, когда мы вместе сели за пианино. — План, в котором присутствуешь ты.

— Спасибо, но нет. Я в этом не участвую.

Барри словно и не слышал.

— В июле в Райнбеке, это в штате Нью-Йорк, если не знаешь, будет большой концерт.

— Барри, я тоже, представь себе, читаю газеты. Я не отшельница. От Бедфорда до Манхэттена всего тридцать миль. И еще раз спасибо.

— Два дня праздника. Под солнцем. Я знаю промоутеров, отличные ребята. У них уже есть семнадцать участников. Их магическое число — восемнадцать.

— Прекрасно, но я не могу. Ты, случайно, не забыл, что случилось в Сан-Франциско?

Барри упрямо гнул свое:

— Я тебе скажу, кто уже согласился приехать. Бонни Райт, Лиз Фэйр, Эмми-Лу Харрис.

Я кивнула. Рассмеялась. Прикусила губу.

— Вот так так! Все женщины. Интересно, почему ты решил начать с женщин?

— Да? Я и не заметил. Однако ты права. Мне и самому интересно.

— Извини, Барри, но я действительно не могу. А за приглашение спасибо. Если это приглашение.

Барри вовсе не собирался сдаваться. И проявлять жалость тоже. Вообще-то это было даже хорошо — значит, по его мнению, я в жалости не нуждалась.

— Как хочешь, — сказал он. — Раз уж ты поставила на себе крест..

— Я не поставила на себе крест. Сегодня утром пела, пока принимала душ. И неплохо получилось. Даже лучше, чем раньше. Все мое со мной и осталось.

Барри сыграл вступление из «Расставания с надеждами», и, надо признаться, по спине у меня пробежал холодок.

— Ладно, я подумаю. Но, честно говоря, не верю, что с-с-смогу п-п-петь на п-п-публике.

Я подмигнула ему. Тоже хороший знак — оказывается, над заиканием можно посмеяться.

Барри кивнул и улыбнулся:

— Принимаю за «согласна».

Он продолжал играть, а я начала петь. Удивительно, но получилось очень даже хорошо. Как и все остальное в этой моей второй жизни.

Я не заикалась, не запинаясь, а просто пела. Более того, в голосе появилось что-то новое, какое-то новое чувство.

— Ты не попадаешь в ноты, а произношение — просто кошмар. — Барри покачал головой. — Добро пожаловать домой, Мэгги.

Мэгги по-прежнему любила ходить по Нью-Йорку пешком. Вместе со всеми. Как все. Такая вот женщина из народа, верно? Может быть, потому столь многие понимали и любили ее песни, любили ее саму.

Она повязала голову платком и надела темные очки, но ее все равно то и дело узнавали. Такая любезная! Всегда готовая подписать открытку или изобразить свою идиотскую застенчивую улыбку.

Услужливая сучка.

Уилл прошел за ней несколько кварталов. Вот у него автограф так никто и не попросил. Его ведь уже нет, верно? Он перестал существовать. Человек-невидимка. Умер и похоронен.

В тот же вечер Уилл последовал за ней, когда Мэгги выехала из Нью-Йорка и покатила по Со-Милл. Знакомая дорога. Дорога на Бедфорд. Дорога к гибели.

Да, многое осталось прежним, но вот жизнь Уилла изменилась самым странным и неожиданным образом. От того, что наполняло ее, что придавало смысл, не осталось вдруг почти ничего. Он как будто свернул с автострады на пустынный проселок.

Вспоминая ту жизнь, Уилл отдавал должное своей хитрости и сообразительности. Как ловко все получилось. В ту роковую ночь он застрелил Палмера и ничего при этом не почувствовал. Ни малейшего угрызения совести. Он всего лишь остановил отток денег, убрал жадного брата, требовавшего компенсации за молчание после того случая в Рио.

Он переделал брата в свою одежду. Потом доставил тело к дому Мэгги. Поднял шум. Выманил жену на улицу, набросился на нее, избил и выстрелил Палмеру в лицо, после чего того было уже не узнать. И исчез. За остальным Уилл просто наблюдал.

Однако вышло так, что и новая жизнь превратилась всего лишь в очередной кошмар. Иногда ему казалось, что в него вселился дьявол, что он живет в аду.

Уилл знал: поворотным пунктом стал Рио. Где он убил ту первую девушку. После той ночи последовало настоящее преступление и наказание.

Он увидел, как впереди него Мэгги свернула к дому. Его бесило, что она может быть счастлива без него. Ведь, как ни странно, он пытался любить ее. Хотел, чтобы Мэгги спасла его от него самого.

В каком-то смысле Мэгги тоже стала поворотным пунктом. Уилл в этом не сомневался. С ней у него впервые не получилось в постели. Тогда его называли мистером Мэгги Брэдфорд. После того случая Уилл едва ли не каждый день думал о том, чтобы убить ее.

Да, она подвела его, и теперь ее семейке пришла пора уплатить по счету.

Преступление и наказание.

Уилл отправился пообедать в маленький бар, где когда-то был знаменитостью у местных.

Он сидел, ел гамбургер с картошкой, и никто, абсолютно никто, не обращал на него внимания. Это что-то! Его просто не узнавали!

Впрочем, с какой стати? Почему его должны помнить? Он стал прошлым, ушел в историю. Да и нашлось ли там для него место?

Черная Стрела. Вот кем он стал теперь.

Темно-синяя бейсболка без всяких эмблем, серый джемпер, неприметные слаксы. Он ничем не выделялся из толпы завсегдаев.

В общем, такой же, как все. Ничего особенного. Если не считать, конечно, что окончательно спятил. Хотя кто знает, сколько таких же чокнутых сидит в этом переполненном баре. Может, не у него одного жена вызывала желание взяться за нож или ружье.

— "Никсы" — дерьмо, — поделился только что обретенной мудростью какой-то тупой юнец, сидевший рядом.

— Бургеры тоже дерьмо, — отозвался Уилл, и сосед засмеялся.

Мы же братья, верно?

Уилла тянуло поговорить с кем-нибудь. Пообщаться. Поделиться планами.

Согласен? Хочешь навестить мою бывшую? Я как раз собираюсь убить эту сучку и двух ее выродков. Ты как? Со мной?

— Патрик Юинг — полное дерьмо, — внес свой вклад в разговор сосед с другой стороны.

Уилл сочувственно кивнул и подумал, что, пожалуй, пора убираться. По правде говоря, и «Никсы», и «Янки», и «Нью-Йорк джетс» были для него на одно лицо.

Уже стемнело. За окном горели фонари.

— Ладно, пора домой, к хозяйке, — сказал он своему новому приятелю и поднялся.

Уверен, что не хочешь прогуляться, а, друг? Та еще будет ночь. Уж это я тебе обещаю.

Добраться до дома незамеченным не составило никаких проблем. Уилл оставил машину на стоянке у Озерного клуба и пересек сначала сосновую рощицу, потом неширокую лужайку.

Пока гладко. Как он и рассчитывал.

Идя через луг по высокой траве, Уилл вспомнил один эпизод. Однажды он катался верхом вместе с Алли. Тот был еще совсем маленьким. Уиллу хотелось произвести впечатление на Мэгги. Он знал, чем ее зацепить. Знал все слабые места, какие только есть у женщин. Знал, какие кнопки нажимать. У Мэгги таких кнопок было немного, но он перепробовал их все, одну за другой.

Уилл уже побывал в доме неделю назад. Так сказать, провел разведку на местности. Маршрут был намечен. Дверь в подвал под левым крылом всегда оставалась открытой.

Он включил фонарик, только когда оказался внутри. Задерживаться в подвале не стал — жутковатое место. Дом стоял на каменистом фундаменте, и там все еще лежали валуны. Деревянная лестница вела в кухню.

Поднявшись по ней, Уилл попал в дом. Часы показывали 23.40. До выходных еще далеко, так что все уже легли. Вся семейка. Мэгги, Дженни и Алли. Святая троица! Его они никогда своим не считали.

В душе Мэгги как была, так и осталась провинциалкой — рано ложимся, рано встаем. В доме было тихо, как в каком-нибудь дурацком морге. Уилла это устраивало.

Вообще-то Мэгги и подала идею, которая легла в основу его плана. Каждый раз, читая газеты, она обращала внимание на сообщения, в которых рассказывалось о том, как в том или ином городишке супруг подвинулся рассудком и истребил свою семью.

Именно это и собирался сделать Уилл. Убить их всех прямо в доме. А потом исчезнуть навсегда. Убийства останутся нераскрытыми, и как раз это казалось ему особенно важным.

С собой у него был шестнадцатизарядный «смит-и-вес-сон» плюс большой охотничий нож. Так что огневой мощи вполне достаточно. Хотя при необходимости он мог бы разделаться с ними и голыми руками. В этом тоже что-то было. Дополнительный, персональный штришок.

— Семья — дерьмо! — пробормотал Уилл, шагая по застеленным ковровой дорожкой ступенькам.

Вот и второй этаж.

Тишина. Ни звука. «Уж не западня ли? — подумал он. — Нет, конечно, нет».

Все, поезд вот-вот отойдет. Его уже не остановить. Никакие силы — ни небесные, ни земные — не смогут предотвратить то, что должно случиться.

Никакого волнения. Абсолютно ровное дыхание.

Он чувствовал себя хорошо. Отлично. Никаких сомнений. Никакой жалости. Никакой вины. Вообще ничего.

Пора.

Медленно и осторожно Уилл открыл дверь спальни.

Мягкий, слегка желтоватый свет луны струился через окно, наполняя комнату.

Никаких засад. Никаких сюрпризов.

— Привет, приятель, — сказал Уилл Алли.

Что за чертовщина? Что это было?

Мы все разошлись по спальням рано, и я уснула почти моментально.

Мне снилось, что я выступаю на огромной открытой сцене и... вдруг теряю голос. Полностью. Не надо быть доктором Фрейдом, чтобы все понять.

Я проснулась и что-то услышала. Какой-то шум наверху.

Может, Дженни еще только ложится?

Я села на кровати и посмотрела на светящуюся панель часов. 23.45. Нет, Дженни не могла так задержаться — ей рано вставать.

Потом я услышала еще один звук. Странно. Кто-то из детей определенно не спал.

Снова шум, уже громче. Как будто передвигали кровать.

И наконец что-то вроде приглушенного вскрика. Уж не мерещится ли?

Я быстро поднялась и поспешила к двери.

Остановилась. Прислушалась.

Ничего.

И вдруг еще один приглушенный вскрик. Только где-то дальше. Определить, где именно, я не могла. Алли? Может быть, Алли проснулся?

Я побежала к лестнице. Свет был выключен, и я снова его включила.

В коридоре никого. Ни Алли. Ни Дженни.

Ложная тревога? Возможно. Когда живешь в уединенном месте, всегда что-то мерещится. И обычно по ночам. То половица скрипнет, то ставня стукнет, то ветка ударит по стеклу.

И все-таки я решила проверить. Может быть, кому-то стало плохо. Может, кого-то мучает кошмар. У моих детей всякое случалось.

Я осторожно приоткрыла дверь в спальню Дженни.

Комната была пуста! Дженни исчезла!

Я промчалась по коридору к следующей спальне, той, окно которой выходило во двор.

Распахнула дверь.

Алли тоже не было!

Всему есть какое-то разумное объяснение. Должно быть.

Но меня уже трясло от страха.

Я снова пробежала по коридору.

— Дженни? Алли? Что случилось?

Я вбежала в гостиную, зацепившись за столик, на котором лежала стопка книг. Книжки посыпались на пол.

Я повернулась и замерла. Все замерло. Все остановилось. Время остановилось. Понятия о прогрессе, справедливости и доброте перестали существовать.

В углу комнаты стоял Уилл с моими детьми.

Даже черные волосы и борода не помешали мне мгновенно узнать его. Это был Уилл.

В руке он держал револьвер, и дуло смотрело на Дженни и Алли.

— Привет, Мэгги. Давненько не виделись, да? — Само спокойствие. Полный психопат. — Рад тебя видеть.

— Вы в порядке? — спросила я у детей.

— Мы в порядке, мама, — ответила Дженни. — Мы в порядке. Все нормально.

— Конечно, они в порядке, — сказал Уилл. — А в чем проблема? Ты разве не слышала о праве на посещение?

Я прошла в комнату. Сердце колотилось и не желало успокаиваться.

Уилл здесь. Уилл жив!

— Я ненавижу тебя!

Может быть, не следовало это говорить, но я не удержалась.

— Я тебя тоже, дорогая. И даже еще сильнее. Потому-то и пришел. — Он улыбнулся. — Давно и сильно. Давно и сильно. Ненавижу.

Я заставила себя собраться и успокоиться и посмотрела на него.

— Как ты посмел сюда явиться? После всего, что случилось.

— О, у меня много причин. Во-первых, чтобы заглянуть в твои глаза. Увидеть смятение и страх. Мне нравится, когда я это вижу. Мне становится так хорошо.

— Это потому что ты трус.

Я сказала, что думала.

— Несомненно. Ты, пожалуй, права. Но потому-то я и пришел. Мне страшно жить так, как я живу. Вот.

— Ты ничего им не сделаешь. Пальцем не тронешь. Зачем они тебе?

Уилл пожал плечами:

— Зачем? Потому что. Потому что они твои. Потому что из-за тебя мне стало еще хуже, чем было. До тебя я мог жить. А теперь замолчи. Я серьезно. Заткнись!

Он навел револьвер на Алли. Мой маленький мальчик старался не расплакаться, но уже начал дрожать. И я ничем не могла ему помочь.

Все молчали. Выждав паузу, Уилл улыбнулся и одобрительно кивнул. Сукин сын. Пусть чувствует, что контролирует ситуацию.

— Вот теперь хорошо. А дальше мы сделаем вот что. Вы все ляжете на пол. Лицом вниз. И будете лежать очень тихо. Ну что, Алли, поиграем? Всем лечь!

— А кто ты такой? Чего раскомандовался? — Дженни вдруг повернулась и закричала на него. — Тебе надо, чтобы мы легли? Так легче убивать, да? Ты ведь для этого сюда пришел? Дрянь! Кусок дерьма!

— Дженни!

Я попыталась успокоить ее, но вдруг поняла, что делает моя дочь. По крайней мере мне показалось, что я ее поняла.

— Мы ничего не станем делать! — следуя примеру дочери, закричала я. — Ты нам противен! Мы тебя ненавидим!

— Мы тебя ненавидим! — присоединилась ко мне Дженни.

— Мы тебя ненавидим! — поддержал нас Алли.

Внезапно Дженни бросилась на Уилла, а я ухватила за револьвер и рванула оружие на себя. Обеими руками! Изо всей силы!

Одновременно я согнула ногу и ударила его коленом в пах.

Уилл охнул и разжал пальцы. Я выхватила револьвер.

Теперь оружие было у меня. Но что дальше? Что делать?

Я поспешно отступила от Уилла. Почти к самой стене.

Дженни и Алли тоже отбежали от него.

— Быстрее, быстрее. Уходите отсюда. Дженни, вызови полицию. Позвони девять-один-один. Поторопись. Пожалуйста. Идите!

Уилл поднял голову и посмотрел на меня. Вид у него был немного растерянный, как будто его планом такой поворот событий не был предусмотрен. Потом он улыбнулся той хорошо знакомой мне улыбкой, которой всегда умело пользовался. Сейчас это была улыбка убийцы.

— Ну надо же, — вздохнув, сказал Уилл. — Опять не так, как надо. Но хороший нападающий должен уметь импровизировать. Конечно, Мэгги, тебя футбол никогда не привлекал, а то бы ты знала, что для истинного форварда команды не существует. Для него нет ни побед, ни поражений. У него есть только одна цель — гол.

— Вот что, Уилл, — сказала я, — теперь ты заткнись!

— Ты знаешь, какая цель у меня сегодня, Мэгги? Ты уже поняла?

— Да, поняла. Убить нас всех. Дженни, пожалуйста, иди. Алли, иди! Быстро! Дженни, позвони в полицию.

— Мама, — очень тихо и очень медленно сказала Дженни, — ты пойдешь с нами. Выходи в коридор. Мы уйдем все вместе.

— Ты не все поняла, Мэгги, — продолжал Уилл, обращаясь ко мне. — Подсказать?

Но к тому времени я уже догадалась. Я ведь действительно хорошо его знала.

— Убить нас, а потом себя.

Уилл медленно похлопал в ладоши. Аплодисменты великого человека.

— Мама, пожалуйста, пойдём с нами, — продолжала настаивать Дженни. — Прошу тебя.

И тогда Уилл сделал шаг ко мне.

— Сможешь, Мэгги? — глядя прямо мне в глаза, спросил он. — Неужели сможешь?

— Я сделаю все, что потребуется.

— Мама, пожалуйста.

— Нет, Мэгги. Ты же не хочешь, чтобы кошмары начались снова? Или ты предпочитаешь умереть? Сможешь спустить курок?

Уилл сделал еще один шаг.

Как вышедший на ворота нападающий. Как форвард, для которого не существует команды, а есть только цель. Уилл Шеппард — одиночка. Вечный неудачник.

Он не знал ответа на свой единственный вопрос. Для него не было легкого выхода. Или все же был?

Уилл приближался, гипнотизируя меня взглядом, с застывшей на губах улыбкой.

Еще один шаг.

Я выстрелила!

— Мама! Мама!

Он схватился за ногу и едва не упал. Едва. Но не упал.

— Ууух! — простонал Уилл. — Господи! Мэгги! Ты просто тигрица. Вот это защита.

Он выпрямился и пошел, словно ничего не случилось.

Черная Стрела. Бомбардир. Лучший в мире. Уилл видел цель и шел к ней. Медленно, но неумолимо.

Цель была проста и ясна.

Убить меня и детей, здесь, в нашем доме.

Уилл вынул из-под рубашки нож. Большой охотничий нож. Выставил вперед. И сделал выпад.

Я выстрелила во второй раз.

Южный Коннектикут. Начало ноября. Четыре с половиной месяца после тех событий. Мы с Уиллом наконец-то сошли со страниц газет и журналов.

У них появились другие темы.

Стоял ясный и тихий осенний день. Школьники играли в футбол. Но мне, смотревшей на мир из-за темного окна машины, этот день казался мрачным. День незаконченного дела.

Норма поехала со мной, но за рулем сидела я. Мне нужно было сосредоточиться, собраться. Похоже, удалось. Что ж, проверим. Уже недолго.

Мне требовалось быть смелой, чтобы пройти последнее испытание.

Я не сделала ничего плохого. Ни разу. Я лишь защищала самое дорогое, что у меня было: мою семью. Конечно, были и ошибки, но кто их не делает? В случае с Уиллом я стала жертвой его мании. Он лгал, лгал блестяще, лгал с самого начала наших отношений.

По пути из Бедфорда мы с Нормой все обговорили.

И вот наконец я остановила машину у Института жизни, расположенного на окраине Нью-Хейвена и напоминающего одновременно административное здание, колледж и тюрьму. На самом деле в нем помещалось учреждение для душевнобольных. Как считалось, одно из лучших.

Пройдя по окаймленной тополями и кленами парковочной стоянке, мы вошли в вестибюль, где нас встретила женщина в белом халате медсестры.

— Мы к мистеру Шеппарду, — сказала я.

Если женщина и узнала меня, то не подала виду. Я оценила ее сдержанность.

— Нужно подождать, пока кто-нибудь не проводит вас, — только и сказала она.

Ждать пришлось недолго.

У двери палаты Уилла я остановилась.

— Ты можешь подождать здесь? Мне хотелось бы зайти одной.

Норма пристально посмотрела на меня:

— Ты уверена, Мэгги? Знаешь, милая, тебе ведь вовсе не обязательно себя наказывать.

— Уверена. Я не боюсь его больше. — По крайней мере не очень боюсь.

— Вот и молодец. Я подожду на улице. Прикинусь толстой туповатой шлюхой, может, и подцеплю кого из здешних психов.

Санитар открыл дверь, и я вошла. Я вошла. Ничем не примечательная комната: чисто, заправленная постель, письменный стол, стул, табурет и напольная лампа. На полке встроенного книжного шкафа несколько новых книжек в бумажной обложке, очевидно, непрочитанных, и умывальник. Все почти как в тюрьме, только чище и аккуратнее.

Уилл стоял у окна. Мне почему-то показалось, что он вообще никогда не садится. Он смотрел на меня, точнее, смотрел сквозь меня.

Я больше не боюсь. Я справлюсь. Сделаю все, что нужно.

За то время, что я его не видела, Уилл стал даже еще красивее, чем раньше. Чудесные белокурые волосы отросли и отливали золотом, лоя лучи полуденного солнца, проходящие через зарешеченное окно.

— Здравствуй, Уилл.

Тишина.

У него было бледно-розовое, гладко выбритое лицо; тело сохранило прежнюю гибкость, которая ощущалась даже в неподвижной фигуре.

— Я — Мэгги, Уилл.

Похож на взрослого ребенка, подумала я, вспоминая, каким он был при нашей встрече в

Озерном клубе, потом на свадьбе. Воспоминания принесли печаль и боль. Сколько же было лжи.

Я любила его, потому что в него легко было влюбиться. В конце концов, Уилл все-таки был хорошим артистом. Ему удалось одурачить очень многих, едва ли не половину мира. И он очень старался одурачить меня.

Внезапно Уилл издал странный, почти пронзительный звук, эхом отскочивший от больничных стен. Когда я выстрелила в него второй раз, пуля, попав в голову, отскочила от кости, успев, однако, повредить мозг.

— Ааааааьыьыьыввв, — сказал он, — ааааааьыьыьыввв!

В голосе его чувствовалась настойчивость, но я ничего не поняла.

Что он пытается сказать?

Зовет меня? Или мать? Или кого-то другого?

Что?

Я села на деревянный табурет напротив Уилла и заставила себя посмотреть ему в лицо.

* * *

Мне жаль, что так получилось, Уилл. Но я в этом не виновата. Я спокойно сплю по ночам. Ты сам сделал это с собой.

Я думала об убийстве, которое он совершил в Бедфорд-Хиллз; о его ужасном предательстве в отношении меня; о том, что он сделал Алли и Дженни, и о том, что хотел сделать со всеми нами.

И все же во мне не было ненависти. Я не могла ненавидеть его сейчас. После того, что с ним стало.

— Уилл, ты слышишь меня? Понимаешь, что я говорю? В пустом взгляде ничего не изменилось. Он не понимал меня. Или?.. Нет, Уилл навсегда ушел в свой мир.

«Как грустно, — думала я в тот день, сидя в его палате и глядя на него. — Ты еще молод. Ты выглядишь молодым, подающим надежды. Но ты уже никогда не принесешь зла мне или моим детям. Я не боюсь тебя, Уилл».

В начале шестого вернулся санитар. Прежде чем войти, он предупреждающе позвенел ключами.

— Время посещения вышло.

— Спасибо. Еще минутку, пожалуйста.

Я подошла к окну, где стоял Уилл. Золотистые лучи уступили место серой туманной дымке.

— Мне жаль тебя, но простить не могу.

Я ждала, что Уилл скажет что-то. Произнесет хотя бы несколько слов, по которым я смогу его вспоминать. Объяснит, почему хотел убить меня. Почему так поступил с нами.

Кем вообще был Уилл Шеппард? Знал ли это кто-нибудь?

— Ладно. Прощай, Уилл. Очень жаль.

Я собрала в кулак волю и выдержку и направилась к выходу. Я повернулась к нему спиной. Я больше не боялась его.

Внезапно Уилл закричал так сильно, так громко, что эхо прокатилось по всей клинике. Я обернулась.

Он снова закричал, раскачиваясь всем телом.

По коридору уже бежали санитары. Дюжий парень с зажатым в кулаке одноразовым шприцем бросился к Уиллу и схватил его за руку. Я поняла, что такое случилось и раньше.

— Ааааааьыьыьвв! — кричал Уилл.

Я подумала, что у него приступ. По крайней мере это было очень похоже на эпилептический припадок.

— Ааааааьыьыьвв! Ааааааьыьыьв! — продолжал кричать Уилл.

Лицо и шея покраснели от напряжения. Под кожей проступили вены.

Я с ужасом смотрела на своего бывшего мужа.

Что? Что он пытался мне сказать?

В его глазах не было ни малейшего намека на узнавание, на понимание. Его повалили на кровать.

Белокурую Стрелу повалили на кровать!

Я устремилась к выходу, торопясь быстрее покинуть палату, потому что все равно уже ничем не могла ему помочь. В конце коридора меня ждала Норма.

— Мэгги! Боже мой, что случилось? Что это было? Ты в порядке?

Я обхватила ее руками и крепко прижала к себе, словно надеясь заслониться ею от еще звучащего пронзительного крика. Потом мы вышли из здания и пошли к уже погрузившейся в полумрак стоянке, окруженной мрачными силуэтами деревьев.

На полпути я обернулась. Мне вдруг показалось, что кто-то — или что-то — вышел из могилы. Что-то преследовало меня — я ощущала это всем естеством.

— Ааааааьыьыьвв! — несло мне вслед.

Безжизненные, пустые глаза...

Но никто не смотрел на меня из окна больничной палаты. Окно тоже было пустым.

АА — Ассоциация анонимных алкоголиков; ААА — Американская автомобильная ассоциация.